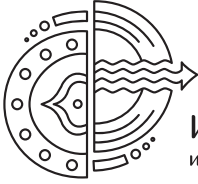

ISSN 2410-0765

Институт истории
им. Ш. Марджани АН РТ

Научный журнал

ИЗ ИСТОРИИ И КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ СРЕДНЕГО ПОВОЛЖЬЯ

2022. Том 12, №2

Казань

Academic Journal

FROM HISTORY AND CULTURE
OF PEOPLES OF THE MIDDLE VOLGA REGION

2022, vol. 12, no. 2

Kazan

Издание основано в 2011 г.

УЧРЕДИТЕЛЬ и ИЗДАТЕЛЬ:

ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани
Академии наук Республики Татарстан»
(420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–64142
от 25 декабря 2015 г. выдано Роскомнадзором

Выходит 4 раза в год

Адрес редакции:

420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Тел./факс (843) 292 84 82 (приемная), 292 19 15

E-mail: istkazan@mail.ru

Журнал включен в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

The journal was founded in 2011

FOUNDER and PUBLISHER:

State Budgetary Institution “Marjani Institute of History
of the Tatarstan Academy of Sciences”
(420111, Kazan, Baturin Str., 7A)

Certificate of registration of the Mass Media ПИ № ФС77–64142
received from Roskomnadzor on December 25, 2015

Published four times a year

Editorial Office Address:

420111, Kazan, Baturin Str., 7A
Tel./Fax (843) 292 84 82 (reception), 292 19 15

E-mail: istkazan@mail.ru

The journal is included in the Russian Science Citation Index Database.
https://elibrary.ru/title_about_new.asp?id=52839

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ», 2022

© «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья», 2022

РЕДАКЦИЯ

Главный редактор: **Радик Исхаков**, д.и.н., заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Научный редактор выпуска: **Рустем Аминов**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ответственный секретарь выпуска: **Алсу Ахтямова**, к.и.н., старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Редактор английских текстов: **Эмиль Шарафиев**, младший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор: **Халида Багаутдинова**, научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Радик Салихов, д.и.н., директор, Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционной коллегии (Казань, Российская Федерация)

Ильдус Загидуллин, д.и.н., старший научный сотрудник, Центр исламоведческих исследований АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Ананий Иванов, д.и.н., заведующий кафедрой отечественной истории, Марийский государственный университет (Йошкар-Ола, Российская Федерация)

Вадим Трепавлов, д.и.н., руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений, Институт российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Гаяз Самигулов, к.и.н., старший научный сотрудник, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск, Российская Федерация)

Геннадий Николаев, к.и.н., зам. директора по науке, Чувашский государственный институт гуманитарных наук (Чебоксары, Российская Федерация)

Иштван Вашари (István Vásáry), Dr.Sci. (история), профессор, Университет им. Этвеша Лоранда – Eötvös Loránd University (Будапешт, Венгрия)

Михаэль Кемпер (Michael Kemper), Dr.Sci. (история), профессор, Университет Амстердама – University of Amsterdam (Амстердам, Голландия)

Олег Марискин, д.и.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева (Саранск, Российская Федерация)

Петр Кабытов, д.и.н., заведующий кафедрой российской истории социально-гуманитарного института, Самарский национальный исследовательский университет им. С.П. Королева (Самара, Российская Федерация)

Пол Верт (Paul W. Werth), Ph.D. (история), профессор, декан исторического факультета, Университет Невады – University of Nevada, Las Vegas (UNLV) (Лас Вегас, США)

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие.....	6

Статьи

Гибадуллина Э.М. Участие татар в стационарной торговле на северо-западе Казахской степи во второй трети XVIII – первой половине XIX в.....	8
Фот А.Г. «Я – священник, я – муж, я – домохозяин...»: жизненный путь Ивана Аристарховича Мухина (1825–1898).....	18
Четвериков С.А. Семейное устройство участников Январского восстания в Оренбургской ссылке в 1863–1873 гг.....	25
Масагутов Р.Ф., Роднов М.И. Первый в Стерлитамаке (купец Зариф Ибрагимович Утямышев)	34
Мещеряков А.В. Взаимоотношения Войскового хозяйственного правления Оренбургского казачьего войска с неказачьими органами управления Оренбургской губернии в конце XIX – начале XX в.....	55
Махрова Т.К. Землеустроительные проекты Оренбургского войскового казачьего самоуправления в 1917–1918 гг.	62
Аминов Р.Р. Нагайбаки в эмиграции.....	70
Дубовиков А.М. Борьба Красной армии и Уральского казачества в трудах бывших красных командиров	80
Ахтямова А.В. Татарское социалистическое движение: генезис и развитие	95
Зайнутдинов Д.Р. Мирсаид Султан-Галиев: право, нация, государство	107
Исхаков С.М. К вопросу о причинах образования Татарской АССР.....	117
Масагутов Р.Ф. Развитие мусульманского образования в г. Стерлитамаке Уфимской губернии (XIX – 20-е гг. XX в.).....	131
Гайнетдинов А.М. Уфа мөселман зиратында Р.Фәхретдин белән бәйлә эпитафия истәлекләре	142

Публикация источника

- Владимиров О.О., Исхаков Р.Р.** «И преж сего такие примеры были беззасашные люди, в окладные ясаки писаны». К вопросу об интеграции в состав «башкирцев» представителей иных социальных групп Западного Приуралья в XVII в. 150
- Файзрахманов И.З., Багаутдинова Х.З.** Ревизские сказки податного населения 11-го башкирского кантона за 1811 год как источник сведений о духовных лицах и учителях 161

Память. Юбиляры

- Новинская Т.Ю.** В.И. Лебедев: основоположник школы крестьяноведения Пензенского края 174

Новые книги, рецензии

- Тухватулин А.Х.** Рецензия на книгу: Дневник татарского муллы Мухамметгарифа Рамеева = Мөхәммәтгариф Рәмиев кәндәлеге (Казань, 2022) 181
- Аминов Р.Р.** Рецензия на книгу: Рәдүт – Никитино: Люди. События. Факты (Оренбург, 2021) 185
- Шаблей П.С.** Рецензия на книгу: Мусульманские и православные миссионеры в Казахстане: деятельность и результаты (XIX – начало XX веков): сборник документов и материалов (Алматы, 2021) 189

ПРЕДИСЛОВИЕ

Р.Р. Аминов

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

Второй номер журнала «Из истории и культуры народов Среднего Поволжья» за 2022 г. включает в себя материалы по истории Приуралья. Статьи отличаются разнообразием как в географическом, так и в тематическом плане.

Так, истории Оренбургского казачьего войска посвященopus челябинского историка *Т.К. Махровой*, исследовавшей особенности земельных отношений в войске в период революционных потрясений (1917–1918 гг.).

В работе *А.В. Мещерякова* раскрываются особенности взаимодействия Войскового хозяйственного правления Оренбургского казачьего войска с неказачьими органами Оренбургской губернии на рубеже XIX–XX вв.

Казанским историком *Р.Р. Аминовым* затронут малоисследованный аспект истории ОКВ – эмиграция татар-казачков, где в центре внимания находятся нагайбаки, чьи представители социальной верхушки занимали значимое место в новых для оренбургских казаков условиях жизни и местах проживания (в различных провинциях Китая).

Статья тольяттинского ученого *А.М. Дубовикова* позволяет ознакомиться с развитием событий в среде Уральского казачьего войска в период Гражданской войны на основании анализа трудов бывших красных командиров.

В номере также присутствуют рецензии на новинки различного характера. *Р.Р. Аминовым* проанализирована краеведческая работа по истории с. Никитино (Саракташский район Оренбургской области), выполненная местными учителями. Книга состоит из шести частей и тридцати трех глав, написанная с привлечением архивного и полевого материала.

Особый интерес представляет оценка нового источника по истории повседневности татарского духовенства. Это совместная работа казанских и уфимских исследователей *А.М. Гайнутдинова* и *Р.Ф. Масагутова* – «Дневник татарского муллы Мухамметгарифа Рамеева», автор рецензии – *А.Х. Тухватуллин*. Существенным дополнением для исследователей миссионерской политики на территории современного Казахстана и Приуралья стала публикация коллективом казахстанских историков сборника документов, а рецензия костанайского исследователя *П.С. Шабля* раскрывает его содержание и научно-практическую значимость.

Рассматриваются в номере и судьбы отдельных знаковых личностей, оставивших заметный след в истории. В публикации оренбургского историка *А.Г. Фот* речь идет о судьбе пастыря Челябинского уезда Куртамы-

шевского прихода И.А. Мухина, происходившего из семьи потомственных церковнослужителей.

В статье *Д.Р. Зайнутдинова* освещается биография известного татарского политического деятеля М.Х. Султан-Галиева. Уфимские исследователи *Р.Ф. Масагутов* и *М.И. Роднов* на обширном источниковом материале проследили жизненный путь одного из крупнейших предпринимателей Стерлитамака второй половины XIX – начала XX в. – Зарифа Утямышева. Более общего характера работа *Э.М. Гибадуллиной*, проанализировавшей стационарную деятельность татар на северо-западе Казахской степи во второй трети XVIII – первой половине XIX в. Автор приходит к выводу, что в результате активных действий к 60-м гг. XVIII в. почти вся мелочная торговля в Младшем и Среднем жузах оказалась в руках торговых татар.

Представитель Оренбургской исторической школы *С.А. Четвериков* изучил семейное устройство с 1863 по 1873 г. участников Январского восстания 1863 г., высланных на территорию Оренбургской губернии. По подсчетам автора, 14% ссыльных проживали со своими семьями, а каждый пятый сочетался узами брака с местными девушками.

С ярким религиозным оттенком статьи *А.М. Гайнутдинова* и *Р.Ф. Масагутова*. Первый, анализируя надмогильные камни, установленные на могилах Р.Фахретдина и его детей, приводит сюжеты их биографии, а второй повествует о развитии мусульманского образования в г. Стерлитамаке в XIX – начале XX в.

Не могли остаться без внимания и сюжеты, связанные с революционными событиями. Так, *А.В. Ахтямова* проследила в своей работе зарождение социалистического движения в среде татар накануне и в годы Первой русской революции. В территориальном плане статья охватывает Казанскую и Уфимскую губернии, как и публикация историка *С.М. Исхакова*, в которой исследуются предпосылки и сам процесс образования Татарской АССР.

Раздел «Публикация источника» представлен двумя статьями казанских ученых. В совместной работе *О.О. Владимирова* и *Р.Р. Исхакова* презентуются архивные документы из ф.1173 (Уфимская приказная изба) Российского государственного архива древних актов, позволяющие раскрыть один из механизмов интеграции социальной группы бобылей, представленных ясачными татарами, марийцами, чувашами и др., в состав башкирцев Западного Приуралья в XVII в.

И.З. Файзрахмановым и *Х.З. Багаутдиновой* впервые в научный оборот вводятся наиболее полные сведения о духовных лицах и учителях 11-го башкирского кантона, извлеченные авторами из ревизских сказок VI ревизии (1811 г.).

Статья *Т.Ю. Новинской* посвящена памяти советского и российского историка, профессора В.И. Лебедева.

СТАТЬИ

УДК 94(47+574)512.145+339"17/18"

Участие татар в стационарной торговле на северо-западе
Казахской степи во второй трети XVIII – первой половине XIX в.

Э.М. Гибадуллина

*Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова
Бугульма, Российская Федерация*

В данной статье рассматривается вклад татарского населения Российской империи в развитие полустационарной и стационарной торговли на северо-западе Казахской степи. Автор анализирует деятельность татар из центральных губерний Российского государства в процессе становления и распространения полустационарных и стационарных форм розничной торговли в Казахской степи, благодаря которым товары становились более доступными для массового потребителя, происходила интеграция хозяйства региона в единый всероссийский рынок.

Ключевые слова: купцы, полустационарная торговля, стационарная торговля, меновой двор, гостинный двор, объекты торговли, интеграция, всероссийский рынок.

Для цитирования: Гибадуллина Э.М. Участие татар в стационарной торговле на северо-западе Казахской степи во второй трети XVIII – первой половине XIX в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №2. С.8–17.

XVIII век в истории Российского государства характеризуется ростом внутренней и внешней торговли. До конца XVIII в. именно ей принадлежало главенствующее положение среди всех видов предпринимательской деятельности. Развитие мелкотоварного и мануфактурного производства, сельского хозяйства, усиливающееся отделение промышленности от сельского хозяйства, рост специализации отдельных районов в первой половине XVIII в. приводили к все большему расширению товарного обращения в условиях всероссийского рынка [12, с.3].

Доминантой развития Российского государства являлось непрерывное внутриконтинентальное расширение территории и постепенная интеграция колонизируемых окраин в хозяйственно-экономическую и политическую жизнь метрополии. В начале XVIII в. одним из приоритетных направлений дальнейшего расширения границ для России стало юго-восточное, предполагавшее проникновение в Среднюю Азию, торговле с которой российское правительство уделяло повышенное внимание, по-

скольку стремилось не только проникнуть в центры азиатской торговли, но и наладить через среднеазиатские государства торговые отношения с Афганистаном, Западным Китаем, Индией, Монголией и Тибетом.

Стратегические интересы России в Средней Азии столкнулись со стремлением Великобритании доминировать в данном уникальном месте пересечения торговых путей из Туркестана, Казахской степи, Среднего Востока и Китая, так как господство в регионе гарантировало бы метрополии преимущества при решении вопросов внутреннего социально-экономического развития за счет колониальных ресурсов, создавало бы возможность лоббирования своих интересов при решении вопросов внешней политики.

Передовым пунктом соприкосновения России со Средней Азией в силу своего географического расположения стала Казахская степь, присоединение которой и втягивание в орбиту российского политико-правового пространства и всероссийского рынка превратилось в важнейшую геополитическую задачу российского правительства. Казахская степь привлекала Россию не только как удобный плацдарм для проникновения в Среднюю Азию, но и как перспективный неосвоенный рынок, потенциальная сфера приложения российского торгового-промышленного капитала.

Интеграция татар в экономику северо-западного Казахстана происходила в контексте российских внешнеполитических и социально-экономических задач и в значительной степени была связана с их торговой деятельностью. Татарские купцы не только держали в своих руках периодическую меновую торговлю со Степью, но и вели полустационарную и стационарную розничную торговлю в постоянных поселениях.

Так, на ранних этапах истории г. Уральска, кроме татар-казаков, формировалась и группа городских невойсковых «татар» – этим собирательным термином называли потомков ногайцев, казанских, уфимских, касимовских татар, нижегородских и саратовских мишарей, поселившихся в Старой Татарской слободе, появившейся в Уральске в первой половине XVII в. [21, с.89] с целью торговли и ремесленной деятельности [13, л.1]. Здесь татары проживали совместно с выходцами из Средней Азии, выполняющая посреднические функции в российско-азиатской торговле.

Побывавший в городке в 1769 г. П.С. Паллас стал свидетелем наличия в Уральске «великого числа иностранных купцов», державших множество приказчиков и работников. Среди них было много «некрещеных татар» [18, с.412, 420].

В Уральске действовал Татарский базар, где торговали продуктами – зерном, мукой, хлебом, рыбой, арбузами, дынями, тыквой, яблоками. Он доходил до Казанской площади, здесь располагался Караван-чай и останавливались караваны из Бухары, Хивы с шелковыми тканями, хлопком, сладостями, следовавшие по северной ветви Шелкового пути [1, с.20, 49].

Функционирование городских базаров является косвенным доказательством организации здесь полустационарной розничной торговли с те-

лег, лавок, навесов – распространенных объектов постоянной розничной торговли того времени, в которой участвовало многонациональное городское население, в том числе татары.

В 1640 г. в устье р. Яик при впадении в Каспийское море ярославский купец Гурий Назаров основал Нижний Яицкий городок (так поначалу назывался г. Гурьев) с целью организации добычи рыбы. Жители городка в процессе хозяйственной деятельности взаимодействовали с уральскими казаками, торговцами из Астрахани, Бухары, казаками Младшего жуза, что приводило к межкультурной и межэтнической коммуникации.

Российское правительство проявляло заинтересованность в развитии торговли с кочевыми народами Прикаспийского края, азиатскими купцами, для которых городок был одним из пунктов в транзитном пути через земли Младшего жуза. Реализуя политику протекционизма, еще в 1685 г. оно учредило одну из первых в Казахской степи таможенную заставу. Большие партии товаров для мены и продажи на р. Яике привозили из Астрахани юртовские татары. В частности, торговый человек из татар Б.Тарыбердеев летом 1687 г. привез в Гурьев разных товаров на двух лодках с 12 работными людьми. В своей челобитной в Москву он писал, что везет «260 рубрах черемисских, 600 чашек, 14 маленьких коробочек, 200 аршин холсту, 10 тебеньков (кожаные лопасти по бокам казачьего седла – Э.Г.), 4 шали, 4 ансыря (единица измерения. – Э.Г.) шелку красного» [12, с.44].

Территория Гурьева исторически оказалась разделенной рекой на две части: «европейскую», или «самарскую» и «азиатскую», или «бухарскую», где жили приезжие торговцы из числа мусульман, в том числе и татары. Торговля города подразделялась на две категории – временную (базары, ярмарки, торговля на меновом дворе) и на постоянную (лавки, навесы) [12, с.44].

В процессе интеграции Казахстана с Российским государством, привезенные из России, Казахской степи и государств Средней Азии товары аккумулировались на меновых дворах, создаваемых в стационарных поселениях, крепостях и редутах, где, в зависимости от приезда казахов, пригонявших скот и выменивавших его на мануфактурные товары, прихода караванов из среднеазиатских ханств, велась оживленная торговля.

Поначалу постоянно действовавших меновых дворов при заставах на линии не было, поэтому мена с казаками осуществлялась в малоприспособленных открытых местах, огороженных плетнем, либо близ крепостей и редутов. Исключением оказалась Орская крепость, основанная Оренбургской экспедицией в августе 1735 г. [10, с.71] на левом берегу реки Яик, восточнее места впадения в нее реки Орь, со временем ставшая главной крепостью Орской дистанции Оренбургской линии, в подчинение которой входили пять других крепостей и девять редутов.

В 1738 г. в полуверсте от Орской крепости начальником Оренбургской экспедиции В.Н. Татищевым были устроены меновой двор и дере-

ванный караван-сарай, предназначенный для хранения товаров, прибывших из Средней Азии, но скоро крепость стала терять торговое значение в связи со строительством оренбургского менового двора в 1745 г. [10, с.71].

В 1744 г. меновой двор был открыт в Гурьеве [11, с.19]. В том же году первый оренбургский губернатор И.И. Неплюев дал поручение своему представителю в Казани распространить приглашение торговым татарам Казанской губернии, Вятской и Уфимской провинций переселиться в Оренбург с целью налаживания торговых связей со странами Центральной Азии. Инициатором и организатором переселения стал Сеит Хаялин из д. Богатые Сабы Мамадышского уезда Казанской губернии. Он обратился к купцам Ногайской, Алатской, Зюрейской и Арской дорог, Свияжского, Казанского, Арского уездов и Вятской провинции с предложением переселения на указанное место. На его предложение откликнулись жители близлежащих деревень, массовое переселение началось в 1744 г. [7, с.20].

Отношение правительства к миграциям на юго-восток поначалу было лояльным, так как стояла задача освоения восточных окраин государства. Способности татар к торговле были как нельзя кстати.

Переселенцы основали в 18 км к северо-западу от Оренбурга Сеитову слободу – Каргалы, а протекционистские мероприятия правительства в виде освобождения его жителей от рекрутских поборов, разрешения на постройку мечетей, свободной торговли способствовали широкому притоку татарского населения и быстрому росту численности торгового поселения: в середине XVIII в. татарские купцы из Сеитовой слободы составляли большинство среди торговцев Оренбурга. Так, в 1752 г. почти все купцы, торговавшие в Оренбурге или его окрестностях, были «казанскими татарами» [19, с.655], проживавшими в Сеитовой слободе, в 1792 г. здесь насчитывалось 2674 жителя, из них 1820 человек занимались торговым промыслом [10, с.60].

Как ранее было отмечено, в 1745 г. близ Оренбургской крепости на берегу р. Яик был возведен меновой двор, размытый паводком в 1749 г. и заново построенный на более высоком месте в 2,5 км от переправы или моста через Яик в 1758 г. Новый торговый комплекс был почти в четыре раза больше первого, на его территории в 1758 г. располагалось 342 лавки и 148 амбаров для хранения товаров [3, с.256].

Торговля на меновом дворе Оренбурга осуществлялась в деревянных лавках и балаганах на базарной площади. Также здесь была разносная торговля. Показательно то, что торговля в основном осуществлялась в постоянных, занимаемых купцами помещениях, где продавался мануфактурный товар, а также более-менее ценный и подвергающийся порче – юфть, сырые кожи, джебага, верблюжья шерсть, чугунные, медные и железные изделия [10, с.83].

Также бойкая торговля производилась с лотков, рогожек, временно устроенных ларей, столов и скамей, велась «торговля с рук» разнообразным мелочным товаром (в том числе изделиями из дерева, пользовавши-

мися спросом в быту как среди кочевников, так и среди жителей постоянных поселений), съестными припасами, железным листовым товаром, хлебом, кумысом и др. Количество таких торговцев было непостоянным, их число постоянно менялось из-за разных обстоятельств и личных мотивов: сегодня они могли торговать в меновом дворе, завтра – выйти на городской базар, а кто-то мог и вовсе оставить занятие торговлей.

Механизм функционирования полустационарной и стационарной розничной торговли в крае можно проследить, проанализировав решения местной власти по организации торговли на меновом и гостином дворах Оренбурга: торгующие на меновом дворе купцы должны были записывать лавки на свое имя по приезду на ярмарку с внесением при этом оброчных денег; если кто-либо из купцов желал оставить за собой эту же лавку на будущую ярмарку, то он должен был явиться на таможду и, записав лавку на свое имя, внести вперед полагающуюся сумму. В этом случае таможня не имела права передавать лавку другому торговцу, а купец, заплативший оброк, не должен был рассчитывать на возврат денег, даже если по каким-либо причинам не мог прибыть на ярмарку; если несколько купцов заявляли о своем желании взять одну и ту же лавку, им предоставлялась возможность получить последнюю с аукционного торга [10, с.80]. Существование процедуры найма торговых лавок на меновом дворе Оренбурга и контроль этого процесса со стороны местной власти свидетельствуют о достаточно распространенной полустационарной и стационарной розничной торговле, активно поддерживаемой российским правительством.

Прибывшие на меновой двор купцы, нанимая лавку, заботились о том, чтобы подыскать работников из татар или русских, владевших татарским языком. Оренбургская таможня свидетельствовала, что торговля с казахами на Оренбургском меновом дворе в XVIII в. никогда не была в руках российского купечества. Казанские татары, а также татары Сеитовского посада и других смежных губерний выменивали промышленные изделия, изготовлявшиеся в центральных губерниях Российского государства, на скот, мелкую рухлядь, шерсть и другие произведения кочевого хозяйства казахов. В условиях отсутствия какой-либо конкуренции, подобная торговля приносила торговцам монопольную прибыль, способствовала накоплению купеческого капитала, началу формирования торговых династий.

Известно, что татары занимали при гостином и меновом дворах первые лавки с азиатской стороны, при каждой лавке имели человека (а то и по 2–3) из иноверцев, которые удерживали при въезде азиатцев. Подобные действия говорят о находчивости, предприимчивости, активности, конкурентоспособности татарских торговцев. «Более всех замечательны в Оренбурге татары, составляющие особый и значительный класс обывателей, будучи хитры, пронырливы и проворны, они отличаются удивительной ловкостью в здешней торговле, и нередко приобретают посредством оной великие капиталы» [8, с.480].

В 1764 г. из 109 купцов и 77 приказчиков, торговавших в Оренбурге с казахами, больше половины приходилось на долю татар Сеитовой слободы (38 купцов), Казанской губернии (20 купцов и 20 приказчиков) и касимовских татар (13 купцов и 27 приказчиков) [3, с.141], что составляло 65% всех купцов и 58% приказчиков. Преобладание татар на меновом дворе сохранялось и в последующие десятилетия. О значимости для отечественной экономики Оренбургского менового двора свидетельствует тот факт, что во второй половине XVIII в. он был признан самым крупным российским «торжищем» [6, с.173].

В 1798 г. на меновом дворе насчитывалось 32 торговца из Казани и Мамадыша: 27 татар (84%) и 5 русских (16%) [22, с.89], во внутреннем гостинном дворе Оренбургской пограничной таможни было 150 лавок, из них 10 занимали торговцы из Казанской губернии (7%). Среди них преобладали те, кто, не имея купеческого звания, в документах именовались как «казанские татары». Это Губай Шихмуратов, Рафик Мухаметов, Юсуп Муртазин, Таир Ибраев, Муксин Исмаилов и др. Купцами числились Назир Баязитов и Федор Золотарев [14, л.2–5 об.].

В 1750 г. по подобию Караван-сарая в Оренбурге был возведен одноэтажный каменный гостинный двор, предназначавшийся для круглогодичной торговли. Купля-продажа в лавках, трактирах, харчевнях гостинного двора не прерывалась в течение всего года. Как отмечал А.К. Гейнс, иногда имели место случаи приезда казахов в город за понадобившимися товарами вне ярмарочного периода, для этого на гостинном дворе существовали так называемые «лавки для мены с киргизами» [5, с.169] – данные наблюдения являются ценными показателями роли сети стационарных объектов торговли в приближении товаров повседневного спроса, возможности приобрести их в любое время, для местного населения степи, которое включалось в нее, становилось ее участником; благодаря ей российские товарные потоки проникали в регион, здесь распространялись формы и методы функционирования единого всероссийского рынка.

В 1750 г. в Троицкой крепости был открыт меновой торг. С конца XVIII в. Троицкий меновой двор делился на три части: русскую, бухарскую и казахскую. Через Троицкую таможню осуществлялся сбыт продукции российских металлургических заводов. Отсюда же в российские города распространялись восточные ткани и украшения, сарацинское пшено (рис. – Э.Г.) и пряности, восточные ковры и сладости [3, с.299].

Как видно, естественный ход развития торговли приводил к формированию на северо-западе Казахской степи полустационарной и стационарной розничной торговой сети, состоявшей из лавок, палаток, ларьков, амбаров, навесов, складов, где использовались элементарные подручные средства и приспособления, товары становились более доступными для переселенцев из центральных районов Российского государства, военных, местной администрации, а также местного населения – казахов, которые могли теперь не только пользоваться услугами периодически приезжав-

шими в аул торговцами, но и приобретать товары по мере их необходимости. Так кочевое население Степи получило возможность приобщаться к постоянной розничной торговле, которая поначалу была здесь новой формой коммерческой деятельности.

В первые десятилетия XIX в. в крупный торговый центр Оренбургской губернии превратился Сеитовский посад. В 1811–1814 гг. в центре посада был построен гостиный двор [2].

Центром международной торговли продолжал оставаться Оренбургский меновой двор. Преобладание татар здесь сохранялось и в первой половине XIX в. Так, в первой четверти XIX в. татарам на Оренбургском меновом дворе принадлежало большинство лавок: 120 лавок – торговцам из Сеитовского посада, 92 – купцам из Казанской губернии, 14 – купцам Уфимской губернии [22, с.80].

Картина Оренбургской ярмарки была впечатляющей: весь большой меновой двор наполнялся навьюченными верблюдами, табунами российских лошадей, стадами киргизских баранов и множеством диких наездников, которые «со свойственной им свободой рыщут в самой тесноте суетливой толпы». Здесь можно было видеть и важных бухарцев, и упрямых хивинцев, и проворных касимовских и казанских татар, и мешеряков, и башкир, и киргизок, русских женщин, продававших съестные припасы или мелочи, необходимые в киргизском кочевом быту. Случалось иногда встречать здесь богатых купцов из Индии и Кашмира. Спокойствие и безопасность торгующих на меновом дворе охранялись воинской стражей и пушками. Во время мены большая часть лавок и комнат Менового двора была занята товарами и живущими там торговцами [9, с.132, 140].

На меновом дворе, расположенном в 9 км от Уральска в поселке Подстепное, торговля велась с 1 сентября по 1 декабря. Здесь же проходила большая караванная дорога между Бухарской стороной и Правобережьем р. Урал. После пожара и реконструкции в 1808–1813 гг. менового двора, здесь продолжилась оживленная торговля: сюда из Степи шли караваны верблюдов, навьюченных шерстью, сырыми кожами, войлоком, овчинами, мерлушками, пригонялись отары овец, табуны лошадей, гурты крупного рогатого скота, казахские товары – скот, кожи, овчины, мерлушки, шерсть обменивались на русские и среднеазиатские товары: льняные, хлопчатобумажные, шерстяные, шелковые ткани, готовую одежду, юфть, керосин, галантерею, чугунные, медные изделия и хлеб. Торговые обороты татарских купцов, торговавших здесь, были различны: в первые десятилетия XIX в., например, мануфактурными изделиями повседневного спроса торговали татарский купец 1-й гильдии И.Сулейманов [15, л.2], купец 3-й гильдии Муртаза Мухамедов [17, л.45 об.] и др.

На меновой двор Гурьева пригоняли скот киргизы Меньшей орды, поскольку он был ближе всего расположен к ее границам. География торговых связей Гурьева с российскими городами была довольно обширной. В Гурьев приезжали торговые люди из Астрахани, Саратова, Казани, Са-

мары, Сызрани, Мензелинска и других городов. Российские купцы привозили муку разных сортов, чай, табак, ткани, юфтовую кожу, посуду, украшения. Активную торговлю с кочевниками на меновом дворе Гурьева города вели казанские татары С.Ахметов, И.Кушаев, крупный скотовод из казахов Т.Идильбаев и др. [12, с.105], а также Р.Темирбулатов – мурза из д. Бегеевой Кузнецкой округи Саратовской губернии, М.Аббязов – крестьянин д. Меньшие Менгеры Казанской губернии, торговавший в Гурьеве в качестве приказчика от отставного есаула Л.Мизинова, ясашный крестьянин д. Клявлино Кузнецкой округи Саратовской губернии Х.Шафеев – работник есаула А.Александрова [16, л.1–2].

В декабре 1834 г. войсковое начальство добилось строительства в Гурьеве нового менового двора, таможенной заставы. Кроме отвозной и привозной торговли крупными партиями разных товаров промышленного характера производства России и скота Казахской степи, на Гурьевском меновом дворе повседневно осуществлялась мелкая розничная торговля [12, с.107].

Татарские торговцы г. Гурьева способствовали приезду казахов в поселения пограничных линий, пригону ими скота и привозу изделий экстенсивно-кочевого хозяйства. Так, например, в 1820 г. киргизы Меньшей Орды согласились обменивать скот на товары у гурьевских торговых татар, при этом было решено, что татары будут выдавать необходимые казахам товары в долг, а затем выезжать в кочевья для сбора розданных прежних долгов. Как видно, торговцы успешно сочетали стационарную торговлю с периодической, что объяснялось временным пребыванием кочевников в городах, казахи традиционно рассчитывались за товар скотом и продукцией скотоводства [16, л.1–2].

Развитие торговли на северо-востоке Казахской степи и участие в ней татар во второй трети XVIII – первой половине XIX в. происходили в контексте правительственных мероприятий по проникновению на юго-восток.

Несмотря на то, что полустационарная и стационарная торговая сеть наиболее масштабно и динамично начала развиваться в Казахстане во второй половине XIX в., ее объекты получили распространение в регионе уже со второй трети XVIII в. Татарские торговцы, будучи мобилизованными российским правительством для хозяйственного освоения вновь присоединенных территорий, приняли самое активное участие в этом процессе, принеся с собой из центральных губерний России опыт организации подобной формы коммерческой деятельности, что подтверждается их высокой долей среди торговцев на меновых и гостиных дворах, базарах. Татары стали своего рода имперскими посредниками не только в торговле, но и в управлении, школьном образовании и научном изучении Степи, что вполне можно описать в категориях «мобилизованной диаспоры» [20, с.3].

Татарские купцы в указанный период стали ключевым звеном при взаимодействии между экономической системой центра России и юго-

восточной окраиной, включении данной территории в единый всероссийский рынок. В результате к 60-м гг. XVIII в. почти вся мелочная торговля в Младшем и Среднем жузах оказалась в руках торговых татар [4, с.120].

Значение же стационарной торговли в экономике государства трудно переоценить: она удовлетворяет потребности в товарах, делает их более доступными для потребителя, стимулирует создание новых товаров и услуг, способствует развитию деловой активности, развитию постоянных поселений, росту количества городов и численности населения в них, связывает страны и народы в единое мировое хозяйство.

Источники и литература

1. *Абузяров Р.А.* Уральск – поэтическая родина Габдуллы Тукая. Уральск: Оптима, 2003. 81 с.
2. *Агеев В.* Памятники мусульманской культуры на Южном Урале. Ч.1. Оренбург и Татарская Каргала: [Электронный ресурс] URL: <https://ageev-vadim.livejournal.com/6636> (дата обращения: 06.06.2022).
3. *Аполлова Н.Г.* Экономические и политические связи Казахстана с Россией в XVIII – начале XIX в. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 456 с.
4. *Бекмаханова Н.* Легенда о невидимке. Алма-Ата: Казахстан, 1968. 190 с.
5. *Гейнс А.К.* Собрание литературных трудов. СПб.: Тип-я М.М. Стасюлевича, 1897. Т.1. 589 с.
6. *Загидуллин И.К.* Мусульманское богослужение в учреждениях Российской империи (Европейская часть России и Сибирь). Казань: Изд-во «Алма-Лит», 2006. 559 с.
7. *Искандаров Р.Ш.* Роль Сеитовой слободы в установлении торговых и дипломатических отношений между Россией и государствами Средней Азии в период 1745–1845 гг. // Из истории татар Оренбуржья (к 260-летию Татарской Каргалы): сборник материалов областной научно-практической конференции. Серия «Многонациональный мир Оренбуржья». Вып. 19. Оренбург, 2005. С.19–27.
8. История татар с древнейших времен: в 7 томах / под. общ. ред. Р.С. Хакимова. Т.5. Татарский народ в составе Российского государства (вторая половина XVI–XVIII вв.). Казань, 2014. 1032 с.
9. *Крюков А.* Оренбургский меновой двор // Отечественные записки. 1827. №84. С.127–140.
10. *Кушпаева А.Б.* Развитие города Оренбурга как центра казахско-русских торговых взаимосвязей (последняя четверть XVIII – 60-е годы XIX века): Дисс. ... канд. ист. наук. Алматы, 2008. 194 с.
11. *Мухаметов Х.А.* Дореволюционный город Гурьев и его регион: Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1972. 32 с.
12. *Мухаметов Х.А.* Дореволюционный город Гурьев и его регион: Дисс. ... канд. ист. наук. Алма-Ата, 1972. 184 с.
13. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.И-295. Оп.4. Д.8715.
14. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф. 6. Оп.1. Д.160.
15. ОГАОО. Ф.6. Оп.10. Д.3403.
16. ОГАОО. Ф.222. Оп.2. Д.2185а.

17. ОГАОО. Ф.339. Оп.1. Д.29.
18. *Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Ч.1. СПб.: Тип-я при имп. Академии наук, 1773. 786 с.
19. ПСЗ РИ. Собр.1. Т.ХIII. №9995. С.655–656.
20. *Ремнев А.В.* Татары в Казахской степи: соратники и соперники Российской империи // Вестник Евразии. 2006. №4(34). С.5–31.
21. *Сдыков М.Н.* Уральск: древний и современный (очерки по истории Уральска и городской культуры Западного Казахстана) // Вопросы истории и археологии Западного Казахстана. 2009. №1. С.89–97.
22. *Султангалиева Г.С.* Западный Казахстан в системе этнокультурных контактов (XVIII – начало XX вв.). Уфа: РИО РУНМЦ Госкомнауки РБ, 2002. 262 с.

Participation of the Tatars in stationary trade in the north-west
of the Kazakh steppe in the second third of the 18th –
first half of the 19th centuries

E.M. Gibadullina

*V.G. Timiryasov Kazan Innovation University
Bugulma, Russian Federation*

This article discusses the contribution of the Tatar population of the Russian Empire to the development of semi-stationary and stationary trade in the north-west of the Kazakh steppe. The author analyzes the activities of Tatars from the central provinces of the Russian state in the process of formation and spread of semi-stationary and stationary forms of retail trade in the Kazakh steppe, thanks to which goods became more accessible to the mass consumer, the region's economy was integrated into a single all-Russian market.

Keywords: merchants, semi-stationary trade, stationary trade, exchange yard, Gostiny Dvor, objects of trade, integration, all-Russian market.

For citation: Gibadullina E.M. Participation of the Tatars in stationary trade in the north-west of the Kazakh steppe in the second third of the 18th – first half of the 19th centuries. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 2, pp.8–17. (In Russian)

Информация об авторе:

Гибадуллина Эльза Маратовна – кандидат исторических наук, доцент, зам. директора Бугульминского филиала ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет им. В.Г. Тимирязова» (Бугульма, Российская Федерация); e-mail: gibelza@yandex.ru

Gibadullina Elza Maratovna – Cand. Sci. (history), associate professor, Deputy Director of Bugulma branch of the V.G. Timiryasov Kazan Innovation University (Bugulma, Russian Federation).

«Я – священник, я – муж, я – домохозяин...»:
жизненный путь Ивана Аристарховича Мухина (1825–1898)

А.Г. Фот
ООО Гарант Сервис
Оренбург, Российская Федерация

В данной статье рассматривается судьба пастыря Челябинского уезда И.А. Мухина. На основе анализа архивных документов из областных архивов и материалов «Оренбургских епархиальных ведомостей» автор отслеживает как личную жизнь протоиерея, так и его служебную деятельность. Особое внимание в статье уделено вкладу Ивану Аристарховича в постройку двух храмов Челябинского уезда.

Ключевые слова: повседневность, Оренбургская епархия, пореформенный период, И.А. Мухин, приход, храм.

Для цитирования: Фот А.Г. «Я – священник, я – муж, я – домохозяин...»: жизненный путь Ивана Аристарховича Мухина (1825–1898) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №2. С.18–24.

Современные ученые отказались от понимания истории как единого закономерного процесса и, наряду с привычными темами для исследования, обратили наконец свое внимание на уникальное и удивительное в истории – жизнь одного конкретного человека. Причем объектом изучения нередко становится судьба так называемых «маленьких людей», обывателей, составляющих основу российского общества. Данная статья посвящена исследованию жизненного пути протоиерея Ивана Аристарховича Мухина, который без малого полвека ревностно служил родной Оренбургской епархии, по мере своих сил воплощая в жизнь поставленные центральным правительством перед священнослужителями задачи.

Мальчик появился на свет в селе Кислянском Челябинского уезда Оренбургской губернии 1 июля 1825 г. [13, л.61 об.]. Он стал вторым сыном в семье священника церкви поминовения Кирилла Белозерского Аристарха Васильевича Мухина и его супруги Марфы Ивановны [2, л.100 об.]. В возрасте 11 лет родители отправили отпрыска в Челябинское духовное училище. После его окончания в 1842 г. Иван продолжил образование в ближайшей на тот момент духовной семинарии – Уфимской [16, с.789]. Стены учебного заведения юноша покинул в июне 1848 г. с аттестатом первого разряда, удостоившись звания студента [3, л.115].

Аттестат первого разряда позволял поступать на службу в духовную консисторию и начать строить карьеру. Однако Иван Аристархович предпочел стать священником. Еще за год до окончания семинарии состоялась

его помолвка с Анной Васильевной Земляничной. После выпуска молодой человек женился на девушке и по собственному настоянию был определен священником в сельцо Иванково Челябинского уезда. Там по распоряжению Святейшего Синода предстояло организовать новый приход. Много лет спустя Иван Аристархович так описывал свое состояние в тот период своей жизни: «Разные думы и чувствования начали тяготить меня. Я – священник, я – муж, я – домохозяин. [...] Но все разнообразные думы и тягостные чувствования исчезли у меня, молодого священника, при уповании на недремлющее Проведение Божье и на преподанную мне благодать» [16, с.789–791].

Задача перед новоиспеченным священником стояла многотрудная. В приходе для отправления служб не было ничего, кроме ветхой часовни с малым колоколом. Отсутствовали богослужебные книги и облачение для причта. Облачение Иван Аристархович получил от свояков, служивших в соседних приходах. Для удобства службы священник и проживающий в сельце дьячок Иван Дмитриевич Нассанов пристроили к часовне три стены, вроде сеней. В результате в часовню на службу стали приходиться жители, которые прежде посещали церкви соседних приходов [16, с.793]. Настоятель получил возможность объявить сбор пожертвований на постройку церкви. Вместо похвалы за усердие он и его помощник получили строгий выговор за нарушение шестидесятой статьи «Устава духовных консисторий»: «перестраивание часовни без разрешения духовного начальства» [17, с.26]. Тем не менее, пожертвований оказалось достаточно, чтобы начать строительство. В соответствии с планом должен был быть построен каменный одноапестольный храм во имя Николая Чудотворца. Закладка церкви состоялась 1 июня 1850 г. [4, л.114]. К зиме следующего 1851 г. возвели стены и крышу храма, оштукатурили стены и настелили пол в трапезной. После того как мастера сложили там большую русскую печь, здесь стали приводиться службы [16, с.794]. Однако, несмотря на такое бодрое начало и немалые пожертвования как местных прихожан, так и жителей соседних сел, освящение церкви состоялось только в мае 1854 г. [4, л.115]. Иван Аристархович принимал участие в этом радостном событии, будучи уже настоятелем церкви Петра и Павла слободы Куртамыш. Его перевели туда указом Преосвященного 4 ноября 1853 г. исполнением должности благочинного, как человека «по образованию весьма достойного и замеченного из дел весьма рассудительного». Через месяц отец Иван был окончательно утвержден в занимаемой должности [6, л.2 об.].

В Иванкове у семьи Мухиных не было ни собственного дома, ни земельного надела, ни устойчивого дохода. Причт пользовался только «добрыхотными даяниями» прихожан, которые в условиях строительства храма оказались весьма скудными. Однако Иван Аристархович и Анна Васильевна всегда вспоминали немногие годы, проведенные в Иванкове, как «благодатное житье» [16, с.796]. Они были молоды, полны надежд на будущее, любили друг друга и именно здесь стали родителями трех первых

своих детей: Владимира, Надежды и Александры [6, л.2 об.]. Поэтому супружеская чета с грустью покидала свой первый приход.

Однако в слободе Куртамыш их ждал радушный прием. Первоначально семья настоятеля поселилась в обширном причтовом доме, а через несколько лет Ивану Аристарховичу удалось построить собственный деревянный дом, на общественной земле. В распоряжении причта находился земельный надел – 33 десятины. Конечно, на трехштатный причт: три священника, дьякон, три дьячка и пономарь – это ничтожно мало [6, л.2]. Потому в 1861 г. надел увеличили до 259 пахотной и 38 десятин сенокосной земли. Полагалось священнослужителям казенное жалование: на долю настоятеля приходилось 144 руб. серебром в год [7, л.16 об.]. После церковных реформ 60–70-х гг. XIX столетия прихожане стали выплачивать причту дополнительное жалование. Священникам по 300 руб. в год, а всем прочим членам причта – по 150 руб. Вместе с деньгами от требоисправлений общий доход куртамышевского духовенства составлял около 2000 руб. в год [8, л.40]. Ивану Аристарховичу хватало этих денег, чтобы прокормить разросшуюся семью.

В Куртамыше у него родились еще две дочери: Елизавета и Екатерина, а также сын – Николай [9, л.3 об.]. Когда пришло время, отец Иван отдал мальчиков в Челябинское духовное училище [7, л.18 об.; 8, л.42 об.]. Однако, повзрослев, они выбрали для дальнейшей деятельности секулярные сферы. Этот шаг ни в коей мере не следует считать свидетельством недопонимания между родителями и детьми или протестом против семейной традиции служения церкви. Лори Манчестер, обстоятельно исследовав процесс исхода детей священно–и церковнослужителей из сословия, пришла к выводу, что этот выбор они сделали с благословения главы семьи. В глазах большинства отцов отказ сына от священства вовсе не означал отрицания сословных корней. Напротив, «попович как бы продолжал и расширял сферу деятельности отца – получал более совершенное образование, знакомил светское общество с ценностями духовного сословия» [1, с.269]. По данным исследователя, в 1878 г. в целом по России поповичи составляли 34,5% поступивших в университеты [1, с.257]. Таким образом, молодые Мухины просто следовали за своими сверстниками. Николай первоначально преподавал в сельском училище [10, л.3 об.], а позже стал полицейским урядником. Владимир ушел на частную службу. Екатерина тоже покинула духовное сословие, выйдя замуж за Никиту Ивановича Степанова – сына купца из Челябинска. А вот Надежда и Елизавета стали женами священников. Только Александра так и не вышла замуж, оставшись в родительском доме [11, л.4 об.]. В 1887 г. дружное семейство Мухиных отметило шестидесятилетие Анны Васильевны [14, л.6]. А через год Иван Аристархович овдовел [15, л.64]. Теперь дом отца вела Александра. Это было очень кстати, поскольку отец Иван не привык заниматься хозяйственными хлопотами, практически все свое время он посвящал пасторскому служению.

В должности благочинного Иван Аристархович пробыл только 8 лет с 1853 по 1861 г., но за свою усердную службу на данном посту получил набедренник. С 1861 г. иерей состоял при хлопотном деле по нарезке церковных земель в Челябинском уезде. Неустанно занимался благотворительностью. Все годы своего служения являлся деятельным сотрудником Уфимского, а затем Оренбургского попечительства о бедных духовного звания. От лица Его Преосвященства 26 января 1856 г. Мухину была объявлена благодарность «за усердную заботливость о богатом пожертвовании 453 р. собранных от духовных лиц в пользу военных лиц при Севастополе». Активная, полезная деятельность отца Ивана в период Крымской кампании была отмечена и высокой правительственной наградой – бронзовым наперсным крестом «В память войны 1853–1856» [7, л.17 об.].

Отец Иван проходил должность наставника в Куртамышевском училище с 12 ноября 1862 г. по 4 ноября 1865 г. и законоучителя до 26 мая 1880 г. [10, л.3 об.]. Таким образом, настоятель долгие годы нес своим прихожанам не только слово Божье, но и свет просвещения.

Паства Ивану Аристарховичу досталась непростая. Известный исследователь Оренбургской епархии Николай Чернавский в 1896 г. составил историко-статистический очерк Куртамышевской слободы. В этой работе он во многом опирался на «церковно-приходскую летопись», которую в 1865–1896 гг. вел настоятель Куртамышевского прихода [19, с.713]. На ее страницах Иван Аристархович сообщал следующие сведения о религиозно-нравственном состоянии жителей Куртамыша: «...они приближаются к горожанам, в среду которых проникла культура своей обратной стороной. Посещение храма, соблюдение церковных уставов и постов не составляет для многих необходимой обязательности. В нравственном быту встречается сравнительно довольно часто факты нарушения супружеской верности и оставление одним из супругов другой половины, а также факты открытого незаконного сожителства. Есть уже и профессиональные торговки собой, вне всякого медицинского надзора, а потому свободно разносящие сифилитические болезни среди юного поколения» [20, с.138]. Иван Аристархович настойчиво боролся с этими пороками, сочиняя яркие обличающие проповеди, которые неустанно произносил после каждой своей церковной службы и в личных беседах с пасомыми. За эту неизменную твердость он получал благодарность епархиального начальства и благословление правящего Архиерея, а также высокие награды камилавку и скуфью [9, л.3 об.]. Как свидетельствовала жизнь, цели своей пастырь достигал. С каждым годом церковь посещало все больше народа. Послушать яркие проповеди приходили не только местные жители, но и прихожане других церквей.

Зримым свидетельством успеха Ивана Аристарховича Мухина на ниве пастырской деятельности стало стремление его прихожан возвести в слободе еще один храм. Прежняя церковь, хотя и была достаточно крепкой, и благодаря усилиям причта содержалась в должном порядке, но не могла

уже вместить всех прихожан и гостей Куртомышевской слободы, желающих посетить службу особенно в праздники. Поэтому, получив все надлежащие разрешения 27 июня 1867 г., Куртамышевский причт торжественно заложил первый камень в основу будущего трехпрестольного храма во имя Воскресения Господня [7, л.16]. Строительство производилось на церковные средства и длилось пять лет. Главный престол был освящен 20 сентября 1873 г. [8, л.40]. Освящение пределов состоялось позднее. Правого во имя Абалацкой иконы Божьей Матери – 27 июня 1875 г., левого – 22 ноября того же года в честь благоверного князя Александра Невского [9, л.2]. В Клировой ведомости за 1885 г. появилось сообщение о том, что в храме устроены печи, и служба в нем, прежде совершавшаяся только в летнее время – с пасхи, стала проводиться постоянно [11, л.1]. Возведение церкви и ее обустройство вылилось в большие по тем временам суммы. За корпус храма уплатили более 43 000 руб., а иконостас обошелся в 9 500 руб. [19, с.718]. Однако траты позволили создать прекрасный памятник архитектуры. Вот как описывает храм Воскресения Господня Николай Чернавский: «...в основу плана его [...] был положен правильный квадрат, по углам которого воздвигнуты четыре небольших башенки из коих одна служит колокольнею, посреди башенок поставлен высящейся над самой башней громадный купол, около шести сажен в диаметре. Для украшения снаружи храма приделаны со всех сторон четыре портала, образуемые двумя парами больших круглых колон, увенчанных фронтоном. Внутри храма четыре пилона, поддерживающие купол, из коих двумя передними, отделяется главный алтарь от предельных; в парусах пилон находится изображение евангелистов, а на лицевой стороне двух первых пилон написаны две большие иконы: Рождества Христова и преображения Господня». Храм вышел просторным и светлым, поскольку был снабжен множеством окон в стенах и куполе. Чернавский заключил, что «при крайней простоте своих форм, храм, построенный в Византийском стиле, носит монументальный и величественный вид» [19, с.718–719].

Жители Куртамышевской слободы не без основания гордились новым храмом и стали именовать его на городской лад собором. Со временем так стали поступать и по всему Челябинскому уезду. Тем более, что здесь, как в городах, не служилось утрени, а всенощная. После литургии пели всегда «Высшую небесь» с молитвами: Матери Божьей, Николаю Чудотворцу и преподобному Макарию. Стараниями настоятеля в соборе по праздникам пел прекрасный хор, слава которого простерлась далеко за пределы слободы [19, с.718]. Признавая заслуги пастыря в многотрудном деле устройства уже второго храма в уезде, Святейший Синод наградил Ивана Аристарховича бронзовым наперсным крестом. Наконец, 29 июня 1895 г. он был удостоен сана протоиерея [12, л.187].

Иван Аристархович служил церкви без малого полвека, за этот долгий срок, заслужив уважение, как пасомых, так и сослуживцев. Прихожане, правда, вспоминали, что протоиерей порой бывал резок и подчас край-

не настойчив, воплощая в жизнь то, что считал своим пасторским долгом, однако, узнав его ближе, каждый понимал, что отец Иван – человек, в сущности, сердечный, любящий сказать меткое словцо и отпустить добрую шутку. Подчиненные отмечали: главным правилом настоятеля было: «ссор из избы не выносить». Он не терпел конфликтов в коллективе и в случае возникающих недоразумений первый же шел навстречу миру, забывая произошедшее [18, с.667–668].

Иван Аристархович Мухин служил церкви без малого пятьдесят лет. За четыре месяца до смерти он простудился и скончался 13 июня 1896 г. от скоротечно развившейся астмы. Место упокоения отец Иван обрел в ограде Воскресенского храма, позади алтаря, при правом пределе. Могилу пастыря обложили кирпичом в виде склепа [18, с.665].

Судьба Ивана Аристарховича Мухина была типичной для представителя духовного сословия. Он происходил из семьи потомственных священнослужителей, и выбор духовной карьеры был предпочтителен для него. Ему удалось превратить службу в истинное служение церкви и людям. Об этом свидетельствуют, прежде всего, не многочисленные награды, полученные им от высокого начальства, а уважительные и теплые отзывы его прихожан и подчиненных. Протоирей добросовестно выполнял многочисленные священнические обязанности и активно занимался благотворительностью. Являясь настоятелем Куртамышевского прихода, он 28 лет преподавал в местных учебных заведениях, тем самым активно способствуя распространению образования среди жителей слободы. Однако самым лучшим свидетельством неустанных трудов протоиерея Мухина на благо ближнего стали два храма, построенные в Челябинском уезде при непосредственном участии протоиерея.

Источники и литература

1. Манчестер Л. Поповичи в миру: духовенство, интеллигенция и становление современного самосознания в России. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 448 с.
2. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф.173. Оп. 9. Д.80.
3. ОГАОО. Ф.173. Оп.9. Д.260
4. ОГАОО. Ф.173. Оп.9. Д.267.
5. ОГАОО. Ф.173. Оп.9. Д.305
6. ОГАОО. Ф.173. Оп.9. Д.338.
7. ОГАОО. Ф.173. Оп.9. Д.556.
8. ОГАОО. Ф.173. Оп.9. Д.784.
9. ОГАОО. Ф.173. Оп.9. Д.840.
10. ОГАОО. Ф.173. Оп.9. Д.979.
11. ОГАОО. Ф.173. Оп.9. Д.1176.
12. ОГАОО. Ф.173. Оп.9. Д.1504.
13. ОГАОО. Ф.173. Оп.11. Д.864.

14. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф.И-226. Оп.3. Д.194.
15. ОГАЧО. Ф.И-226. Оп.3. Д.195.
16. *Протоиерей И.А. Мухин*. Возникновение Иванковского прихода Челябинского уезда. (Мои Воспоминания. 10 октября 1848 г. – 2 октября 1897 г.) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1898. №20. С.788–797.
17. Устав Духовных Консисторий. СПб.: Синодальная типография, 1883. 200 с.
18. *Чернавский Н.* Протоиерей И.А. Мухин. (Некролог) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1898. №17. С.665–668.
19. *Чернавский Н.* Слобода Куртамыш // Оренбургские епархиальные ведомости. 1896. №23. С.713–721.
20. *Чернавский Н.* Слобода Куртамыш (Окончание) // Оренбургские епархиальные ведомости. 1897. №3. С.134–141.

«I am a priest, I am a husband, I am a householder...»: the life path of Ivan Aristarchovich Mukhin (1825–1898)

A.G. Phot
LLC Garant Service
Orenburg, Russian Federation

This article discusses the fate of the pastor of the Chelyabinsk district I.A. Mukhin. Based on the analysis of archival documents from the regional archives and materials from the «Orenburg Eparchial News», the author traces both the personal life of the archpriest and his official activities. Particular attention is paid to the contribution of Ivan Aristarkhovich to the construction of two churches in the Chelyabinsk district.

Keywords: Everyday life, Orenburg diocese, post-reform period, I.A. Mukhin, parish, church.

For citation: Phot A.G. “I am a priest, I am a husband, I am a householder...”: the life path of Ivan Aristarchovich Mukhin (1825–1898). From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 2, pp.18–24. (In Russian)

Информация об авторе:

Фот Алёна Гергардовна – кандидат исторических наук, архивист ООО Гарант Сервис (Оренбург, Российская Федерация); e-mail: fotalena@mail.ru

Phot Alyona Gergardovna – Cand. Sci. (history), archivist of LLC Garant Service (Orenburg, Russian Federation).

Семейное устройство участников Январского восстания
в Оренбургской ссылке в 1863–1873 гг.

С.А. Четвериков

*Оренбургская областная универсальная
научная библиотека им. Н.К. Крупской
Оренбург, Российская Федерация*

В статье рассматриваются вопросы семейного устройства участников Январского восстания 1863 г., высланных на жительство под надзор полиции и водворенных на казенных землях Оренбургской губернии. Отмечается, что 14% от общего числа лиц, состоявших под надзором полиции в городах губернии, прибыли к месту проживания вместе с членами своих семей – детьми, женами, мужьями и племянницами. Указывается, что почти каждый пятый из уроженцев Западного края, водворенных в Оренбургской губернии, женился на местной жительнице. Некоторые из ссыльных обзавелись имуществом и остались жить в крае.

Ключевые слова: Польское восстание 1863 г., ссылка, Оренбургская губерния, водворение на казенных землях, семьи ссыльных.

Для цитирования: Четвериков С.А. Семейное устройство участников Январского восстания в Оренбургской ссылке в 1863–1873 гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №2. С.25–33.

Расположенная на границе с Азиатскими государствами и отдаленная от столиц более чем на 1500 километров, Оренбургская губерния с момента своего основания в середине XVIII в. являлась местом ссылки для лиц, проявлявших «вредные политические стремления». В г. Оренбург «на службу куда пригодится» высылались солдаты и чиновники, имевшие смелость произнести дерзновенные речи против императора; члены тайных обществ, мечтавшие о политических преобразованиях или о даровании независимости западным окраинам страны; участники национально-освободительного движения в Царстве Польском и Западном крае. На службу в оренбургские батальоны направлялись пленные польские конфедераты и солдаты Великой армии Наполеона I, декабристы, члены революционных кружков и тайных обществ, взятые в плен участники Польского восстания 1831 г.

Особую категорию ссыльных составляли лица, высланные с территории Царства Польского и Западного края за причастность к Январскому восстанию 1863 г. Оно началось с нападения на гарнизоны русских войск в г. Варшаве в ночь с 10 на 11 января, а после разгрома основных сил мятежников приняло вид партизанской войны. Его очагами стали Варшавская, Виленская и Ковенская губернии, где мятежническое движение нашло поддержку среди крестьянского населения [27, с.70].

В целях прекращения политических беспорядков виленскому военному, гродненскому, минскому и ковенскому генерал-губернатору В.И. Назимову 14 января 1863 г. был дан Высочайший рескрипт, предоставлявший ему право «принимать особые меры, необходимые к охранению спокойствия в крае» [26, с.60–61]. Согласно данному рескрипту, для определения степени виновности лиц, взятых в плен с оружием в руках; лиц, обвиненных в содействии мятежникам; а также подозреваемых в укрывательстве участников мятежа, были созданы Военно-судные комиссии. Их решения вступали в силу по конфирмации (после их утверждения) В.И. Назимовым. Участники восстания предавались военному суду с исполнением приговора на месте после его утверждения начальником губернии, на территории которой они были задержаны.

На основании особых правил Министерства внутренних дел Российской империи от 11 мая 1863 г. «О наложении взысканий на мятежников» участники мятежа были разделены, в зависимости от тяжести совершенных преступлений, на пять категорий. К первой категории были отнесены лица, захваченные с оружием в руках и принимавшие участие в сражениях с русскими войсками. Они приговаривались к смертной казни или осуждались на каторжные работы в Сибири. Ко второй – четвертой категориям относились лица, находившиеся в «мятежнических бандах», но не принимавшие участия в сражениях с русскими войсками, а также лица, сочувствовавшие восставшим. Вторая категория мятежников высылалась с лишением всех прав состояния в Сибирь. Третья категория приговаривалась к ссылке в отдаленные губернии или в Сибирь на жительство под надзор полиции. Четвертая категория направлялась на жительство под надзор полиции с лишением всех прав состояния в отдаленные губернии России. Пятую категорию мятежников составляли лица, добровольно возвратившиеся из банд, но не принятые на поруки обществом, а также лица, оставленные «под сильным подозрением» – чье участие в восстании не было доказано. Данные уроженцы Западного края приговаривались к водворению (принудительному поселению) на казенных землях в отдаленных губерниях империи.

Циркуляр Министерства внутренних дел Российской империи №79 от 28 мая 1863 г. сообщал оренбургскому и самарскому генерал-губернатору А.П. Безаку о назначении вверенной ему губернии «местом ссылки для уроженцев Западного края, имевших вредные политические стремления» [23, л.20].

Датированный тем же числом циркуляр Министерства внутренних дел Российской империи №80 определял порядок отправления ссыльных и правила надзора за ними. Согласно циркуляру, на каждого преступника, высылаемого из пределов Западного края, составлялось извещение. В нем указывалась губерния, в которую он назначен на жительство; обозначалось сословие, к которому принадлежал ссыльный; один ли он отправляется или с семейством; имеет ли собственные средства к существованию или должен пользоваться пособием от казны [1, л.65].

Надзор за ссыльными участниками восстания поручался губернаторам, которые должны были разделить все населенные пункты, предназначенные

для их расселения, на два разряда, «сообразно населенности, климатическим условиям, топографическому положению и материальным удобствам жизни. Основанием назначения ссыльного на жительство в том или другом разряде местности служили их поведение и нравственность» [2, л.7].

При этом в соответствии с правилами, Высочайше утвержденными 17 сентября 1862 г., супругам лиц, приговоренных к ссылке с лишением всех прав состояния, не участвовавшим в их преступлениях, предоставлялась свобода выбора: следовать или не следовать за ними в ссылку [25, с.88–89].

Во избежание побегов участников восстания 1863 г., прибывших на места ссылки вместе с членами семьи, 29 мая 1864 г. Министерством внутренних дел Российской империи был издан циркуляр №105. В соответствии с ним «дети ссыльных, находившиеся добровольно при родителях, лишались права отлучек из мест, определенных для их жительства, и помещались под строгий надзор полиции» [22, л.148]. Данные ограничения действовали вплоть до 10 декабря 1872 г.

Женам и детям лиц, высылаемым на жительство под надзор полиции без лишения прав состояния, на основании циркуляра Министерства внутренних дел Российской империи №205 от 25 июня 1864 г. разрешалось отправиться в ссылку вместе с ними [23, л.80]. При этом они лишались права отлучаться из определенного правительством места жительства и помещались под строгий надзор полиции, как и высылаемые лица, за которыми они изъявили желание следовать.

К середине 1865 г. на жительство под надзор полиции в Оренбургскую губернию за причастность к произошедшим в Царстве Польском политическим беспорядкам были отправлены 506 человек. Из них вместе с семьями прибыли 69 человек, или 14% от общего числа осужденных.

Материалы «Ведомостей о лицах, состоявших под надзором полиции в Оренбургской губернии» дают представление о том, кто из родственников участников восстания пожелал отправиться вместе с ними в ссылку. Например, в 1863 г. в Оренбургскую губернию на жительство под надзор полиции прибыл шляхтич Ковенской губернии Матеуш Буковский с женой Марианой [3, л.24].

В сентябре 1863 г. в г. Уфу вместе с двумя племянницами были доставлены дворянки Виленской губернии Адель и Идалия Городенские, сосланные за распространение ложных слухов против правительства и по неблагонадежности в политическом отношении [4, л.28 об.].

В ноябре 1863 г. в г. Стерлитамак прибыла губернская секретарша Теофила Антоновна Мисевич, высланная за неблагонадежность в политическом отношении. Узнав о возможности воссоединиться с семьей, она обратилась к оренбургскому и самарскому генерал-губернатору А.П. Безаку с просьбой прислать к ней из Царства Польского дочерей Екатерину, Марию и Стефанию. Данная просьба была удовлетворена, девушки прибыли в г. Стерлитамак в июне 1864 г. [4, л.35 об.].

В декабре 1863 г. в г. Стерлитамак была доставлена помещица Черниговской губернии Антонина Соккульская с гувернанткой Эмилией Катуман за

подговор крестьян к важным свидетельствам в пользу обвиняемого в мятеже мужа [4, л.40 об.]

Шляхтичи Царства Польского Николай, Розалия, Иван и Михалина Щук были отправлены на жительство под надзор полиции в г. Оренбург 23 марта 1864 г. по распоряжению Главного начальника Северо-Западного края за неблагонадежность в политическом отношении. Николай и Розалия получали от казны содержание по 15 копеек в сутки на пропитание и 1 рубль 50 копеек в месяц на наем квартиры. Иван с Михалиной получали казенное пособие в половинном размере. В 1867 г. Михалина Щук приняла православие и стала жить отдельно от мужа [7, л.135 об.].

В марте 1864 г. в г. Челябинск были сосланы за участие в политических беспорядках дворяне Гродненской губернии Франциска, Марианна и Викентий Яворовские. При Франциске находилась ее малолетняя дочь [8, л.116 об.].

В г. Уфе вместе с женой и двумя малолетними детьми проживал помещик Борисовского уезда Минской губернии Цезарий Роговский, высланный за «хранение у себя в запрещенное время нескольких ружей, кинжалов и других военных боевых припасов, а также запрещенного костюма» [5, л.76 об.].

В июле 1864 г. в г. Оренбург прибыла дворянка Ковенской губернии Валерия Вейсенгоф, сосланная за участие во всех происходивших демонстрациях, ношение траурных и разных революционных платьев, доказывающих ее сочувствие мятежникам, а также за старание привлечь к мятежу молодых людей. Вместе с ней в ссылку отправились племянница Каземира Забельская и служанка Елизавета Митолова [5, л.101 об.].

В г. Стерлитамак в августе 1864 г. были доставлены мещанин города Гродно Вильгельм Гильберт с женой Юзефой и малолетним сыном, виновные в составлении подложных прошений, а также за неблагонадежность в политическом отношении [5, л.149 об.].

В декабре 1864 г. на жительство под надзор полиции в г. Белебей были присланы дворянин Ковенской губернии Петр Петрович с женой Анелией Яковлевной и двумя малолетними детьми (осуждены за допущение вступления в шайку мятежников старших сыновей Леона и Павла) [5, л.104 об.].

Отдельного внимания заслуживает помещица Виленской губернии Франциска Завадская, высланная в г. Оренбург в ноябре 1863 г. «за участие в мятеже, приеме у себя мятежников и неоднократное снабжение их деньгами и продовольствием», муж которой, не участвовавший в восстании, отказался ехать вместе с ней в ссылку [4, л.37 об.].

Согласно уведомлению, отправленному оренбургским гражданским губернатором К.Н. Боборыкиным в Министерство внутренних дел 11 ноября 1865 г., на территории Оренбургской губернии под надзором полиции за политические преступления находились: в г. Оренбурге – 83 человека (из них 25 членов семей прибыли добровольно); в г. Троицке – 40; в г. Челябинске – 70 (из них добровольно прибыли 13); в г. Верхнеуральске – 42 человека (из них добровольно прибыли 6) [18, л.7].

Участники Январского восстания 1863 г. из простого сословия (мещане, однодворцы, крестьяне) подлежали принудительному водворению на казен-

ных землях во внутренних губерниях империи, сопровождавшемуся лишением всех прав состояния и причислением по прибытии на место ссылки к крестьянскому сословию. Большими партиями они направлялись в г. Псков, где на сборном пункте уроженцам Западного края выдавалась арестантская одежда, состоящая из фуражной шапки, шинели, полукафтана, летних и зимних шаровар, подштанников, рукавиц, галстука, рубахи, одной пары сапог и полушубка [14, л.27]. Затем ссыльных отправляли пешим этапом в г. Уфу для дальнейшего распределения по селениям Оренбургского и Челябинского уездов.

Согласно уведомлению Министерства внутренних дел Российской империи №5499 от 12 ноября 1863 г., в числе первой партии в Оренбургскую губернию из Царства Польского были отправлены для поселения на казенных землях за политические проступки 13 мещан и 33 крестьянина, обремененных семьями [13, л.5–5 об.].

При этом не все семьи участников восстания 1863 г., приговоренных к ссылке в Оренбургскую губернию, прибыли к определенному для них месту жительства. Например, в числе первых преступников, назначенных Военно-судными комиссиями к водворению на казенных землях Оренбургской губернии, значились дворянки Фелициана Рымашевская, Паулина Францкевич с дочерьми Эмилией, Казимирой, Александрой и Констанцией; Анастасия Михайлевич с дочерьми Констанцией и Анной. В процессе пересылки им было изменено место отбывания наказания, и вместо г. Оренбурга они отправились на поселение в Пермскую губернию [12, л.1–5].

В августе 1864 г. киевский военный губернатор Н.Г. Казнаков уведомил оренбургского и самарского генерал-губернатора А.П. Безака об отправке для водворения на казенных землях однодворца Киевской губернии Евстафия Подвысоцкого с семейством, виновного в «произнесении дерзких слов об особе Государя Императора». Но, по случаю беременности, его жена с малолетними детьми были оставлена на прежнем месте жительства [16, л.1].

Всего к 13 апреля 1866 г. в Оренбургской губернии было водворено 299 участников восстания, из которых 8 человек женились на православных.

В ноябре 1864 г. Министр внутренних дел Российской империи П.А. Валуев разрешил польским уроженцам, водворенным на казенных землях Оренбургской губернии за политические преступления, обращаться во вверенное ему министерство с просьбой о присылке к ним их семейств. Он потребовал оренбургского и самарского генерал-губернатора А.П. Безака составить список принудительно поселенных в Оренбургской губернии уроженцев Западного края, пожелавших присылки своих семей, поскольку «прочное устройство крестьянского хозяйства крайне затруднительно без пособия женских рук» [17, л.1].

В марте 1865 г. с просьбой прислать семейства обратились 6 ссыльных поселенцев. Предложения приехать к мужьям на определенные правительством места жительства были разосланы в различные губернии империи. Ответ был получен лишь от крестьянки Ковенской губернии Анны Станкуновой, которая отказалась приезжать в Оренбургскую губернию, объясняя это тем,

что ее муж «был развратного поведения и после брака, прожив с ней не более пяти месяцев, бросил ее на произвол судьбы, ради своей любовницы» [17, л.94].

В 1867 г. с подобной просьбой к министру внутренних дел обратились 10 человек. Согласно уведомлению Ломжинского губернского правления (сейчас г. Ломжа, Польша), жена водворенного в Оренбургской губернии Антона Ольшевского не изъявила согласия на переселение для совместного жительства с мужем, сославшись на «большое расстояние, отделяющее ее от него и по уверенности в безбедном настоящем положении ее отца». Получив отказ, А.Ольшевский обратился к оренбургскому генерал-губернатору Н.А. Крыжановскому с просьбой «оценить и продать оставшееся у него на родине недвижимое имущество (землю и дом), а вырученные деньги не вручать жене, только мне, как действительному владельцу оно» [20, л.48 об.]. Добившись развода, А.Ольшевский в 1869 г. вступил в брак с купчихой 1-й гильдии Глафирой Бакакиной [21, л.43].

Жены Антона Войтовича, Станислава Пули, Павла Хоецкого и Антона Калинского отказались приезжать к мужьям, указав в качестве причины наличие малолетних детей. Жена Игнатия Доминского – Юзефа отказалась от переезда в Оренбургскую губернию, сославшись на «расстроенное здоровье». Получив отказ жены, С.Пуля обратился к Н.А. Крыжановскому с просьбой развести его и позволить вступить в брак с дочерью крестьянина села Новоникитино Оренбургского уезда Аграфией Зубровой [20, л.49]. Решение данного вопроса потребовало вмешательства епископа Оренбургского и Уральского Митрофана, который 3 мая 1871 г. уведомил генерал-губернатора, что, согласно Своду законов гражданских издания 1857 г. (статья 45, пункт 2, том X, часть 1), «браки ссыльных расторгаются только в случае, когда сосланный лишен всех прав состояния». Поляки, высланные в Оренбургскую губернию со своей родины за произведенный мятеж без лишения всех прав состояния, «не могут подлежать под изложенное в этом законе правило». Таким образом, польским поселенцам, обратившимся с просьбой вступить в новые браки по той причине, что оставшиеся у них на родине жены не изъявили согласие прибыть к ним для совместного жительства, следовало отвечать отказом [20, л.89].

Жены Михаила Стемпневского – Агнешка и Войцеха Каминского – Францишка согласились приехать в Оренбургскую губернию вместе с детьми, однако «для сей надобности в распоряжении Оренбургского губернского правления не оказалось средств для их отправки». Они прибыли к мужьям лишь в 1873–1874 гг.

В 1869 г. с просьбой «выслать жену» обратились ссыльные поселенцы Юзеф Фукс и Франц Морис. В ответ на предложение выехать в Оренбургскую губернию Марианна Фукс ответила отказом, указав, что «она имеет на месте жительства родителей и родственников, от которых получает средства к существованию, и не желает покидать родины» [20, л.81]. Францишка Морис изъявила желание отправиться к мужу [20, л.98].

В феврале 1872 г. крестьянин Гродненской губернии Матеуш Адашкевич, высланный в г. Уфу под строгий надзор полиции в сентябре 1863 г. за

нахождение в рядах мятежников, обратился с просьбой к Н.А. Крыжановскому. Он просил его «прислать к нему из Гродненской губернии за счет казны жену для совместного жительства и обзаведения хозяйства в г. Троицке, где пожелал поселиться». Данная просьба была удовлетворена [15, л.20].

Многочисленные ограничения, наложенные правительством на лиц, высланных под надзор полиции в Оренбургскую губернию (лишение права на неприкосновенность переписки, запрет покидать назначенные губернаторами места пребывания, запрет обучать детей и вступать в государственную и общественную службу), не являлись препятствием для заключения браков как между ссыльными, так и между ссыльными и местными жителями.

Например, сосланный в г. Верхнеуральск за участие в мятеже губернский секретарь Виленской губернии Михаил Волчаский в 1865 г. женился также на ссыльной уроженке Виленской губернии Аполонии Лудзевич, обвинявшейся в «укрывательстве в своем доме мятежников» [7, л.104].

Право вступать в браки с крестьянками и свободного состояния русскими подданными «с тем, чтобы дети от этих браков были крещены в православную грекороссийскую веру», было даровано уроженцам Царства Польского, взятым в плен в ходе восстания 1830–1831 гг., Высочайше утверждено указом от 28 мая 1834 г. [24, л.1].

Действие этого указа было подтверждено министром внутренних дел Российской империи А.Е. Тимашевым. В особом письме, составленном в ответ на запрос оренбургского генерал-губернатора Н.А. Крыжановского 8 мая 1869 г., он сообщал, что для заключения брака между состоявшими под надзором полиции уроженцами Западного края и русскими подданными разрешения не требуется. Сам процесс заключения брака «происходит на общих основаниях» [21, л.45]. Он указывал на действующее законодательство и требовал, чтобы к нему более не обращались с подобными просьбами.

Всего к середине 1869 г. из 299 участников Январского восстания 1863 г., водворенных на казенных землях Оренбургской губернии, 56 человек, или 19%, женились на православных [19, л.31].

Благодаря значительному числу межнациональных браков встречались случаи, когда ссыльные поселенцы, осужденные за участие в восстании 1863 г., после дарования амнистии отказались возвращаться на родину, мотивируя это тем, что женились на русских и получили средства на «домообзаведение». Так, разрешение причислиться к Оренбургскому мещанскому обществу получили крестьянин Люблинской губернии Войцех Лучинский [9] и мещанин города Житомира Иван Дусай [11]. Право поселиться в Оренбургской губернии и поступить на государственную службу получил дворянин Минской губернии врач Владислав Симонович [10]. Разрешение остаться в Челябинском уезде было даровано водворенному в с. Чудиново участнику восстания австрийскому подданному Феликсу Бржостовскому. Он «женился, прижил детей, имел в селе дом и полное хозяйство». Сославшись на болезнь жены, Ф. Бржостовский не пожелал возвращаться в Австрию и принял присягу на подданство [6].

Таким образом, членам семей участников Январского восстания 1863 г. предоставлялась свобода выбора: следовать или нет за своими родственниками в ссылку. Ограничения, вводимые для жен и детей ссыльных, были направлены в первую очередь на предотвращение побегов неблагонадежных лиц из мест, определенных для их пребывания правительством. Административные власти старались не вмешиваться в личную жизнь ссыльных, соглашаясь на разводы и приветствуя заключение межнациональных браков с русскими подданными. В целях прочного устройства крестьянского хозяйства на новом месте поселения ссыльным выдавались деньги на «домообзаведение», также им дозволялось обращаться в Министерство внутренних дел с просьбой прислать к ним их жен, оставшихся на родине.

Источники и литература

1. Объединенный Государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф.6. Оп.18. Д.212.
2. ОГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.461.
3. ОГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.493.
4. ОГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.495.
5. ОГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.533.
6. ОГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.656.
7. ОГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.662.
8. ОГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.717.
9. ОГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.732.
10. ОГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.761.
11. ОГАОО. Ф.6. Оп.18. Д.763.
12. ОГАОО. Ф.10. Оп.7. Д.56.
13. ОГАОО. Ф.10. Оп.7. Д.60.
14. ОГАОО. Ф.10. Оп.7. Д.88.
15. ОГАОО. Ф.10. Оп.7. Д.94.
16. ОГАОО. Ф.10. Оп.7. Д.154.
17. ОГАОО. Ф.10. Оп.7. Д.174.
18. ОГАОО. Ф.10. Оп.7. Д.190.
19. ОГАОО. Ф.10. Оп.7. Д.210.
20. ОГАОО. Ф.10. Оп.7. Д.245.
21. ОГАОО. Ф.10. Оп.7. Д.265.
22. ОГАОО. Ф.10. Оп.7. Д.359.
23. ОГАОО. Ф.10. Оп.7. Д.361.
24. ОГАОО. Ф.172. Оп.3. Д.1489.
25. ПСЗРИ. Собр. II. Т. XXXVII. Ч. 2. № 38688.
26. ПСЗРИ. Собр. II. Т. XXXVIII. Ч. 1. № 39161.
27. *Славутинский С.Т.* Город Гродно и Гродненская губерния во время последнего польского мятежа // Исторический вестник. 1899. Т. XXXVII. С. 53–79.

The family placement of the participants of the January uprising
in Orenburg exile in 1863–1873

S.A. Chetverikov

*N.K. Krupskaya Orenburg Regional Universal Scientific Library
Orenburg, Russian Federation*

The article deals with the issues of family arrangement of the participants of the January uprising of 1863, who were deported to live under police supervision and settled on state lands of the Orenburg province. It is noted that 14% of the total number of persons who were under police supervision in the cities of the province arrived at their place of residence together with their family members – children, wives, husbands and nieces. It is indicated that almost every fifth of the natives of the Western Territory, settled in the Orenburg province, married a local resident. Some of the exiles acquired property and remained to live in the region.

Keywords: Polish uprising of 1863, exile, Orenburg province, settling on state lands, families of exiles.

For citation: Chetverikov S.A. The family placement of the participants of the January uprising in Orenburg exile in 1863–1873. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 2, pp.25–33. (In Russian)

Информация об авторе:

Четвериков Сергей Алексеевич – кандидат исторических наук, заведующий сектором редких книг Оренбургской областной универсальной научной библиотеки им. Н.К. Крупской (Оренбург, Российская Федерация); e-mail: serg_17@mail.ru

Chetverikov Sergey Alekseevich – Cand. Sci. (history), Head of the Sector of Rare Books of the N.K. Krupskaya Orenburg Regional Universal Scientific Library (Orenburg, Russian Federation).

Первый в Стерлитамаке (купец Зариф Ибрагимович Утямышев)

Р.Ф. Масагутов¹, М.И. Роднов²

¹ *Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация;*

*Общество татарских краеведов Республики Башкортостан
Уфа, Российская Федерация*

² *Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН
Уфа, Российская Федерация*

Город Стерлитамак являлся одним из центров торгово-предпринимательской деятельности на Южном Урале. В пореформенный период здесь сформировалась немалая прослойка купцов, занимавшихся выделкой и торговлей кожами, сбытом хлеба и леса, внутренней торговлей товарами массового спроса, а затем и производством (мыловаренным, мукомольным, др.). В Стерлитамаке складываются крупные капиталы, одним из ведущих предпринимателей стал Мухаметзариф Ибрагимович Утямышев. Это был один из самых передовых купцов, он первым стал использовать новейшие банковские технологии безналичного расчета и операции с ценными бумагами. В отдельные годы обороты Утямышева только через Уфимское отделение Волжско-Камского коммерческого банка превышали сто и даже двести тысяч рублей. Сыновья успешно продолжили дело, создав торговый дом. Семейный бизнес просуществовал до конца Российской империи.

Ключевые слова: Стерлитамак, Утямышевы, экономика, торговля, купечество, кожевенная торговля, чайная торговля, банк, мукомольное производство.

Для цитирования: Масагутов Р.Ф., Роднов М.И. Первый в Стерлитамаке (купец Зариф Ибрагимович Утямышев) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №2. С.34–54.

Возникший в конце XVIII в. второй по величине и значению город современного Башкортостана – Стерлитамак – выделялся из всех уездных центров. Здесь находился один из очагов кожевенного ремесла и торговли, огромные объемы выделанной кожи разных сортов отправлялись на продажу [65; 70]. В отличие от прочих уездных столиц края, тихих, полусельских, провинциальных, Стерлитамак был не административным, а в первую очередь экономическим центром. В 1862 г. историк-краевед Р.Г. Игнатьев свидетельствовал: «Стерлитамак принадлежит к числу промышленных городов России [...] Стерлитамак разделяется на собственно город и две слободы: “Татарскую и Кожевенную”. Из них первая населена Казанскими Татарами, Башкирцами и Тептярями; последняя же – кожевенниками, исключительно старообрядцами безпоповщинской и беглопоповщинской сект; все они выселились сюда из разных мест России, или

по своей воле как люди предприимчивые, или высланы правительством» [18, с.78–79].

Индустриальный облик Стерлитамака подтвердил в 1910 г. писатель С.Р. Минцов: «Берег Стерлитамака таков, что ехать мимо него надо, крепко зажавши нос: весь он усеян кожевенными заводами, длинная линия плотов и мостков вся была покрыта бабами, мывшими в реке грязную шерсть; здесь же моют и очищают от загнившего мяса кожи» [25, с.20].

В Стерлитамак в основном с юга поступало большое количество скота и сырых кож на переработку, что привело к возникновению значительных торговых операций, а так как основными поставщиками скота были киргиз-кайсаки (казахи) и башкиры, также казаки, то именно мусульманское, татарское купечество Стерлитамака специализировалось на торговле (кожевенные мастерские принадлежали русским). По данным ревизии 1816 г., в Стерлитамаке большинство купцов (459 душ обоюбого пола) составляли татары, среди мещан (917 душ) преобладали русские [31, л.3 об].

Это привело к тому, что в Стерлитамаке к началу XX в. сложился самый большой процент татарского (мусульманского вообще) населения среди всех городов Уфимской губернии. На 1904 г., если в Уфе «турко-татар» проживало 15% от всех жителей, в Белебее – 11,6%, в Бирске, Златоусте и Мензелинске – менее 5%, то в Стерлитамаке их насчитывалось 35,7% [10, с.170].

Многочисленное татарское купечество Стерлитамака преимущественно было представлено мелким бизнесом, до 1863 г. подавляющее большинство числилось в 3-й гильдии. После ликвидации 3-й гильдии началось массовое перечисление татарских купцов в мещане, что отразила уфимская пресса. Так, в 1865 г. список лиц, исключенных Казенной палатой из купцов, не заплативших за купеческое свидетельство и официально зачисленных в мещанское сословие магометан по Стерлитамаку, занимает целую страницу: «купеческий сын Земалитдин Зейнуллин Азилгареев, его сын Багаутдин; купец Феттахитдин Зюбеиров, его сын Фасхутдин; купец Валиулла Усманов Салихов, его сын Нигаметьюлла; купеческий сын Сембетьюлла Калимуллин Салихов; купеческий племянник Мухаметьюсуп Исмагилов Салихов; Нурмухамет Альмухаметев; купеческий племянник Саладуддин Муфтахитдинов Валитов; купеческий брат Юсуп Земалитдинов Валитов», многие другие [37].

В наступивших экономических реалиях выжить и успешно развивать бизнес смогли предприниматели, сумевшие выйти за рамки традиционных операций по скупке и перепродаже сырья, нашедшие новые ниши в торговле, научившиеся использовать инновации. И такой личностью, первым среди татарских предпринимателей Стерлитамака, стал купец Мухаметзариф¹ Ибрагимович Утямышев, основавший устойчивый бизнес, успешно

¹ Также в документах фигурирует как Зариф.

функционировавший с 1850-х гг. до Первой мировой войны и революционного хаоса.

Из-за масштаба личности историки не могли не заметить З.И. Утямышева, но в научных трудах о нем лишь кратко упоминается, что связано со сложным сбором источников и вообще слабой изученностью татарского предпринимательства. Семья Утямышевых (казанская ветвь) вошла в число немногих купеческих династий, удостоенных небольших, но отдельных повествований в научно-популярной литературе [17, с.168]. Ф.Ф. Нигамедзинов включил Утямышевых в список 15 историй о фамилиях татарских купцов [36], попали они и на страницы истории татарского народа [19, с.304]. В статье М.И. Роднова приведены некоторые данные по операциям З.И. Утямышева в Уфимском отделении Волжско-Камского коммерческого банка [63]. Стерлитамакский историк И.В. Денисов разместил краткую справку про Утямышевых в энциклопедии «Башкортостан» [15]. Интересный материал собрал краевед Ф. Юмагузин [75].

Утямышевы не коренные уроженцы Стерлитамака. По ревизской сказке 1857 г. 21-летний Мухаметзариф Ибрагимович Утямышев учтен малмыжским купцом 3-й гильдии вместе с женой Гайниязмал Бикбаевой [12, л.63, 65]. По указу Вятской казенной палаты от 6 октября 1854 г. он перешел в купечество из малмыжских мещан. Указом №1029 от 12 февраля 1858 г. той же палаты Мухаметзариф был причислен к купцам г. Арска Казанской губернии [11, л.15].

Род Утямышевых происходит из деревни Маскара Малмыжского уезда Казанской губернии (современное село Мачкара Кукморского района Республики Татарстан). В своей книге по истории татарских населенных пунктов Шигабутдин Марджани описывает, что деревню Маскару основал Ишман сын Туктаргали из деревни Бурибаш (в переводе «волчья голова»). Покинуть родную деревню Ишман решил после крупной ссоры с родственниками. Причем обида была настолько сильна, что он, уходя из деревни, разобрал построенную им деревянную мечеть и перевез ее в Маскару [23, с.189]. Архивные документы подтверждают, что Ишман переселился в Маскару до 1678 г. [42, л.732]. Внук Ишмана, сын Юсупа Утямыш стал родоначальником именитой купеческой династии [41, л.737]. Один из сыновей Утямыша – Габдулла – развернул крупную производственную и торговую деятельность. Принадлежавшая ему текстильная фабрика в Маскаре приносила большие доходы. На свои средства Габдулла строил мечети и медресе. Шигабутдин Марджани писал о нем: «Один из крупных предпринимателей округи, никто с ним не может соперничать как по уровню богатства, так и по щедрости, к тому же весьма богобоязненный и горячий поклонник наук и просвещения» [23, с.190]. Его сыновья Ибрагим и Исхак пошли по стопам отца. Известными купцами являлись дети Ибрагима – Мухаметгариф и Мухаметзариф Утямышевы. Они вели в Казани торговлю сахаром и мануфактурной продукцией собственного производства [75].

Мухаметзариф в начале 1860-х гг. обосновался в Стерлитамаке, о чем свидетельствует запись в окладной книге 1864 г. [30, л.247]. В 1866 г. в семье Мухаметзарифа и второй жены Бибижайнимал родился, скорее всего, первенец – дочь Фархрибану (26 марта 1866 – 30 июня 1891 г.) [32]. Семья проживала в доме по улице Большой Татарской (ныне улица 7 ноября) в приходе (махалле) 1-й каменной мечети (находилась на месте современного четырехэтажного дома по улице Худайбердина, 46) [29, л.28].

Как большинство стерлитамакских предпринимателей, Утямышев участвовал в кожевенном бизнесе. В 1866 г. у стерлитамакского 2-й гильдии купца Утямышева хранились 234 штуки сырых и невыделанных кож, описанных за долги стерлитамакского купца 2-й гильдии Шагиахмета Ишмуратова [73]. Но, по всей видимости, изначально он создает многопрофильную торговлю как сырьем, так и потребительскими товарами. На заседании Учетного комитета Уфимского отделения Государственного банка в 1888 г. говорилось, что стерлитамакский купец 2-й гильдии Зариф Ибрагимович Утямышев торгует с 1861 г. в Стерлитамаке и оттуда по всему Стерлитамакскому уезду чаем, сахаром, хлебом и кожей [43, л.389 об.].

Кроме посреднической торговли сырьем (скупка у населения или мелких сельских барышников и перепродажа оптовыми партиями владельцам кожевенных заведений, вывоз за пределы уезда), З.И. Утямышев увидел перспективы потребительского рынка быстро развивавшегося и очень зажиточного Стерлитамакского уезда. А в условиях господства полунатурального хозяйства, когда многое производилось самими жителями, самыми востребованными являлись привозные чай и сахар, потребление которых стремительно увеличивалось во всех слоях общества, а традиции чайной торговли у казанских татар (включая Утямышевых) сложились давно [20].

Наиболее выгодной операцией была оптовая закупка чая и сахара на крупных ярмарках и в больших городах, при этом З.И. Утямышев, видимо, не имел собственной розничной торговли, а поставлял привезенный товар владельцам мелких лавочек. На 1888 г. указано проживание З.И. Утямышева в Стерлитамаке в собственном каменном двухэтажном доме (стоимостью 20 тыс. руб., застрахованном на 7 тыс. руб. в Московском страховом от огня обществе), другой городской недвижимости у него не имелось.

В Уфимском отделении Госбанка проанализировали его деятельность. Кожу Утямышев покупал за деньги в Стерлитамаке и уезде «у Башкир», а хлеб поступал «из своих посевов на арендуемой земле» [43, л.389 об.]. Многие стерлитамаковцы занимались земледелием, у городских татар имелась собственная земля, недалеко от Стерлитамака располагались так называемые «Татарские хутора», где Утямышев имел в личной собственности 18 дес. (10 дес. выгона, 7,38 под пашней, 0,62 сенокосного покоса). Более того, в конце XIX в. З.И. Утямышеву в Карагушевской волости принадлежало внушительное поместье в 2074,1 дес., включая мягкую пашню – 1960 дес., выгон – 70, неудобья и весьма обширную усадьбу на площади в целых 30 дес. [71, с.224–225].

Изобилие плодородных черноземов, аренда которых стоила копейки, начало пароходства по Белой и возможности вывоза хлеба привлекли энергичного предпринимателя. Земельная недвижимость оставалась у Утямышевых и далее, по переписи 1912–1913 гг. в Стерлитамакском уезде в прилегающей к городу Николаевской волости Б.Утямышевой на хуторе Тукаевых принадлежало 110 дес. (посева 35 дес.), а в другой ближайшей Резановской волости А.З. и М.З. Утямышевы имели в собственности два участка. Первый находился возле деревни Кучербаевой (61 дес., пашня, сенокос), второй – у самого Стерлитамака (94,12 дес., одна пашня) [74, с.64–67].

Во время Столыпинской реформы земли Татарских хуторов были оформлены в личную собственность в виде отрубов, Утямышевы скупали мелкие участки обедневших собственников, сдавая затем их в аренду [24, с.75]. 17 января 1915 г. Стерлитамакская уездная землеустроительная комиссия произвела разверстку земли Стерлитамакского татарского мещанского общества, в результате которой братья Утямышевы стали обладателями 393 дес. земли (11,41% от общего земельного фонда), из них 150 дес. находились в долгосрочной аренде у крестьян Помряскинского общества [34, л.346]. К началу 1917 г. возле деревни Казадаевки Резановской волости купцам Абдулле и Мустафе Зарифовичам Утямышевым в единоличной собственности принадлежало 75,12 дес. земли (усадебная и пашня) [26].

Отметим нестандартный характер бизнеса в общем городском предпринимателя. Утямышев посчитал, что выгоднее самому заняться сельскохозяйственным производством (а это значит, наличие рабочего скота, инвентаря, найм батраков), чем просто скупать зерно у крестьян и помещиков.

Торговые же операции с чаем и сахаром к 1888 г. З.И. Утямышев осуществлял на Ирбитской и Нижегородской ярмарках, закупал товар в Москве у разных торговцев. Уфимские купцы, члены Учетно-ссудного комитета при местном отделении Госбанка заключали: «Утямышев членам Учетного Комитета и вообще известен давнишнею своею торговлею с хорошей стороны. Он считается весьма солидным, умелым и честным торговцем, заслужившимся и в отдаленных краях большого доверия, чего доказывают продажи ему Ирбитских, Нижегородских и Московских торговцев в кредит» [43, л.370].

Такой разъездной характер бизнеса приводил к расширению кругозора, предприниматель увидел новые возможности именно в крупных городах. Утямышев выбирает Уфу. Хотя в соседнем Оренбурге торговали многие стерлитамакские предприниматели, Утямышев, видимо, там был редкий гость. К примеру, среди клиентуры Оренбургского филиала Волжско-Камского банка на 1 января 1894 г. значилось немало стерлитамакских купцов и мещан (Дезорцев, Поповы, Садовские, Шабрины), много имелось мусульман, но З.И. Утямышев в документации не встречается [46].

Тем временем в ноябре 1873 г. в Уфе открывается филиал одного из крупнейших в Империи частного Волжско-Камского коммерческого банка (далее – ВККБ), который быстро стал ведущим банковским учреждением Уфимской губернии, почти монополистом (по закону другие частные банки уже не имели права открывать здесь свои отделения).

Банк предлагал широкий спектр услуг клиентам, самыми востребованными стали операции с безналичными платежами по чековой книжке. Это было особенно выгодно крупным предпринимателям, занимавшимся продажей или ввозом товаров из-за пределов края. Уходили в прошлое сомнительные долговые расписки, необходимость держать массу наличности и охрану при поездках, ждать месяцами, когда поступят деньги.

Теперь клиент оставлял в банке образец подписи, открывал текущий счет (не менее 100 руб.) и получал чековую книжку, банк осуществлял бухгалтерское обслуживание – любые платежи, поступления, переводы, уплата налогов, снятие налички, буквально все транзакции можно было быстро и легко провести. Чек действовал несколько дней, выписывался на предъявителя, самому купцу не обязательно было ездить в банк. Чековая книжка, расчеты по текущим счетам экономили время, по поручению клиента банк по телеграфу невероятно быстро для той эпохи переводил деньги за тысячи верст, в другой город, где имелось отделение ВККБ или банк партнер [64, с.24]. В пореформенный период в России появилась первая массовая и общедоступная (если есть средства) система безналичного обслуживания бизнеса и населения.

Сотни уфимских предпринимателей открывали текущие счета в ВККБ, и в 1875 г. в отделение банка в Уфе, располагавшееся на улице Большая Казанская (ныне – улица Октябрьской Революции), пришел Мухаметзариф Ибрагимович Утямышев. Он стал вообще первым мусульманином, открывшим текущий счет (№126) в Волжско-Камском банке, татарские купцы через банк проводили лишь операции с векселями, краткосрочными долговыми расписками.

Стерлитамакский предприниматель, закупавший большие партии чая и сахара за пределами Уфимской губернии, вывозивший хлеб и кожу, оценил все удобства банковских инноваций. Уже в 1875 г. Утямышеву поступило на чековую книжку 20000 руб., а сам он перевел партнерам 19024,2 руб. Банк выплачивал держателям текущих счетов проценты по вкладам, как и всем прочим клиентам, но они были самые маленькие, от 3,5 до 4% в первые годы. В 1875 г. Утямышев «заработал» смешную сумму в 33 руб. 83 коп. [47, л.87]. Деньги на текущих счетах держали не для накоплений, а для быстрых переводов.

В 1875 г. оборот капитала (сумма поступлений и перечислений) З.И. Утямышева по счету №126 составил 39024,2 руб. Бизнес Утямышева процветал, вторая половина 1870-х – первая половина 1880-х гг. стали эпохой расцвета. Оборот капиталов через Уфимское отделение ВККБ нарастал: в 1876 г. – 56100 руб., в 1877 г. – 61550 руб., в 1880 г. –

140200 руб., в 1881 г. – 229000 руб., в 1882 г. – 172000 руб., в 1883 г. – 264272 руб., в 1884 г. – 124000 руб., в 1886 г. – 62000 руб. [48, л.87]. Сумы часто «круглые», всегда без копеек, приход и расход совпадают, например, в 1882 г. на текущий счет №126 поступило 86 тыс. руб. и столько же, 86 тыс. руб., Утямышев перечислил. Это крупные оптовые сделки, причем совершавшиеся очень быстро, в течение суток, если не часов.

К примеру, в 1882 г., при таком огромном обороте капитала, З.И. Утямышеву Уфимский филиал Волжско-Камского банка начислил за год микроскопическую сумму процентов в 60 копеек. Деньги на счету №126 вообще не лежали, покупатели переводили (или приносили в Уфу, в банк) средства, а Утямышев тут же перечислял их оптовым торговцам чаем и сахаром, закупая крупные партии товара. Остаток на 31 декабря 1880 г. на счету №126 составлял 106 руб. 91 коп., но в том году прошла ревизия, и на 25 июля 1880 г. у З.И. Утямышева лежали в банке эти же 106 руб. 91 коп. [49, л.108 об.], то есть Утямышев совершил свои оптовые сделки еще в начале года.

Анализ финансовой документации позволяет считать предпринимателей с оборотом капитала свыше 100 000 руб. крупными и крупнейшими, по крайней мере, для провинции [62, с.146]. В начале 1880-х гг. Зариф Ибрагимович стабильно входил в число ведущих купцов Уфимской губернии, никто из уроженцев Стерлитамака не мог с ним сравниться по оборотам капитала через Уфу (ВККБ), не было равных и среди татарских купцов края.

Текущие счета сообщают информацию только о сделках с безналичным расчетом, но за 1880 г. есть данные, что З.И. Утямышев взял товар у фирмы «Братья Зензиновы», расплатившись тремя векселями в 350, 1500 и даже 6400 руб. с оплатой через Уфимское отделение ВККБ 5 декабря [49, л.87]. То, что банк принял к учету (купил с дисконтом, ниже номинальной стоимости) долговые расписки (векселя) на такую большую сумму, свидетельствует о прочном положении Утямышева и авторитете в деловом мире. Векселей суммой более 5000 руб. на тот момент в портфеле банка насчитывалось пять штук.

Векселя в России выдавались на срок не более 9 месяцев, снова видим сделку, заключенную в начале года, по всей видимости, на какой-то зимней ярмарке, которые тогда становились центрами оптовой торговли. А партнером Зарифа Ибрагимовича была фирма наследников известного сибирского предпринимателя Михаила Андреевича Зензинова (1805–1873), нерчинского купца 1-й гильдии, проживавшего в Забайкалье. Видимо, у них Утямышев и приобретал крупные партии китайского чая [46, л.107].

Купец 2-й гильдии Зариф Ибрагимович Утямышев на 1883 г. был избран гласным (депутатом) Стерлитамакской городской думы [13, с.121]. Успешный бизнес, богатство, общественное признание – жизнь удалась.

Активно проводивший операции через Волжско-Камский банк З.И. Утямышев для расширения бизнеса обращается в Уфимское отделе-

ние Государственного банка с просьбой открыть ему и там кредитную линию. Вопрос рассматривался в Учетном комитете 4 ноября 1888 г., рекомендацию Зарифу Ибрагимовичу дали известные уфимские купцы А.П. Зайков и Г.С. Соловьев.

В Госбанке тщательно изучили бизнес З.И. Утямышева. В течение года он продавал товаров на 300–500 тыс. руб. (чаю и сахару от 200 до 350 тыс. руб., хлеба – на 20 тыс., сырых кож – от 80 до 130 тыс. руб.), в том числе в кредит чай и сахар от 75 до 100 тыс. руб. Существование продаж в кредит на векселя говорит о наличии сети торговцев, с которыми Утямышев поддерживал длительные и доверительные отношения.

В их числе были как крупные, так и мелкие предприниматели. Так, в 1888 г. З.И. Утямышев продавал в кредит (принимал у покупателей векселя) уфимскому купцу Латифу Хакимову, стерлитамакским купцам Абдулле Менлишеву, Хади Хавирову, Гумару Ибрагимовичу Кармышеву, казанскому купцу Гарифу Ибрагимовичу Утямышеву, арскому купцу Ахмету Шафеевичу Ишмуратову. Доверял Зариф Ибрагимович лишь мусульманам.

На ярмарках контакты были шире. Здесь сам Утямышев на крупные суммы брал чай и сахар за долговые расписки. Только в феврале 1888 г. на Ирбитской ярмарке, через временное ярмарочное отделение Госбанка, З.И. Утямышев купил товар у кяхтинского 1-й гильдии купца Федора Федоровича Прорубникова, выдав 26 февраля векселя на 4000 и 970 руб. (срок платежа 30 ноября); у другого кяхтинского купца Василия Алексеевича Собенникова – векселя на 25000 и 1325 руб. (с 26 февраля до 25 мая) и торгового дома Коковин и Басов – векселя на 15997,5 и 5400 руб. (с 27 февраля по 25 и 20 июля). Как видим, З.И. Утямышев подписывал и совсем краткосрочные векселя сроком на три и пять месяцев. Значит, был уверен в своих финансовых возможностях [43, л.389]. В Госбанке находился присланный со стороны (incasso) вексель кяхтинского купца Алексея Михайловича Лушникова, который ему выдал Утямышев в Ирбите, на огромную сумму в 11040 руб. [44, л.969 об.–970]. Очередная крупнооптовая сделка с китайским чаем.

С другой стороны, во время ярмарок З.И. Утямышев (казанский купец) продавал товар за векселя, в долг. Во временных ярмарочных отделениях Госбанка З.И. Утямышев пользовался кредитом, в Ирбите на 30–80 тыс. руб., в Нижнем – на 18 тыс. руб. В 1888 г. в Ирбите он взял два векселя по 15 тыс. руб. каждый у казанского купца Гарифа Ибрагимовича Утямышева (с 18 февраля по 14 и 25 августа), а в Нижнем принял векселя Ахмета и Абдурахима Ишмуратовых в 7500 и 1000 руб. Брал долговые расписки Зариф Ибрагимович в первую очередь у родственников и близких знакомых [55, л.120].

Эти сделки под векселя обеспокоили правление Госбанка, которое указало на долги Утямышева в Уфимском и Нижегородском филиалах, иногда векселя переписывали, то есть отодвигали срок уплаты с согласия,

естественно, кредитора. Но из Уфы ответили, что все нормально, один из этих векселей Утямышев уже уплатил в срок. «Г. Утямышев хорошо известен Учетному Комитету за вполне солидного коммерсанта, заслуживающего со стороны Банка полного доверия, как по своим личным качествам, так равно и по своим обширным и прочным торговым делам». А по поводу векселей уфимские купцы добавили, что «торговцы, с которыми он находится в сношениях и векселя которых он может представить к учету, все люди известно солидные, заслуживающие доверия; из них, например, Гариф Ибрагимович Утямышев имеет кредит в Казанском отделении Государственного Банка в 30 000 рублей». И 23 декабря 1888 г. правление Госбанка утвердило кредитную линию З.И. Утямышеву в 25 тыс. руб. [43, л.389 об., 397 об., 404, 405].

Кредитом он пользовался долгие годы (например, в 1897 г.), но осторожно, торговал под векселя не всегда, например, в 1895 г. он купил хлеб у оренбургских купцов Степана Яковлевича Назарова и Николая Игнатьевича Потешкина за два векселя в 1000 и 1500 руб. [44, л.84 об.; 45, л.302]. Судя по найденным документам, операции Утямышева через Госбанк носили второстепенный характер.

А банковская отчетность Уфимского филиала ВККБ неожиданно показала падение оборотов капитала: в 1887 г. вообще не было никакого движения, хранился крохотный остаток в 214 руб. 88 коп., в 1889 г. сделок через Волжско-Камский банк Утямышев совершил лишь на 27 тыс. руб. [50, л.78 об.].

Причиной сокращения оборотов в Волжско-Камском банке, видимо, стал «казанский проект». Зарифу Ибрагимовичу становится «тесно» в Стерлитамаке, и он принимает участие в Нурмынской мануфактуре. Она была учреждена еще в 1884 г. в форме товарищества на вере (так называемое коммандитное товарищество, когда акционерами выбирается полномочный управляющий, остальные вкладчики только получают дивиденд, не участвуя в оперативном руководстве бизнесом). Уставной капитал фирмы «Нурмынская мануфактура Ишмуратова и К^о» в 20 тыс. руб. собрали четыре предпринимателя: арские 2-й гильдии купцы Ахмет и Абдрахман Ишмуратовы, казанский 2-й гильдии купец Мухаммадгариф Утямышев и стерлитамакский 2-й гильдии купец Мухаметзариф Утямышев. Предприятие выпускало бязь, китайку и другие ткани (в Интернете упоминается бязекрасильная фабрика в деревне Казанбаш под Арском) [19, с.304].

Это было, видимо, сравнительно небольшое предприятие, пай в 5 тыс. руб. для купца с годовыми оборотами свыше 100 тыс. руб. не являлся существенным. Зарифа Ибрагимовича, наверняка, вовлек его брат Гариф Ибрагимович Утямышев, в то время влиятельный казанский купец, на 1890 г. он член совета Казанского купеческого банка [38, с.72]. З.И. Утямышев приобретает недвижимость в Казани и на 1891 г. даже избирается гласным (депутатом) Казанской городской думы [39, с.12]. Но уже к 1893 г. Зарифа Ибрагимовича в числе гласных нет. Отголоском деловых

контактов стал отправленный 28 декабря 1891 г. из Уфимского в Казанский филиал ВККБ трансфер (перевод) в 5844,94 руб. по приказу брата, Г.И. Утямышева [51, л.72 об.].

Можно допустить, что «казанский проект» был для стерлитамакского предпринимателя непродолжительным, неосновным и непрофильным активом (сюжет требует отдельного исследования). Прочно обосноваться в большом городе, среди жесткой конкуренции развитого казанского бизнеса не получилось. Зариф Ибрагимович возвращается в любимый Стерлитамак.

Здесь отлаженный, устойчивый бизнес работал как часы. Основные оптовые операции по закупке чая и сахара по-прежнему проводились безналичным расчетом по чековой книжке и текущему счету №126 в Уфимском отделении Волжско-Камского банка. Оборот капитала З.И. Утямышева составлял: в 1890 г. – 146532,55 руб., в 1891 г. – 61073,62 руб., в 1892 г. – 123012 руб., в 1893 г. – оборотов не было, в 1894 г. – 12989 руб., в 1895 г. – 67426,78 руб., в 1896 г. – 71800 руб., в 1897 г. оборотов снова не было, в 1898 г. – 16200 руб., в 1899 г. – 30681 руб. [51, л.75 об.; 53, л.9 об.; 54, л.15 об.; 55, л.13].

Естественно, масштабы бизнеса колебались, в отдельные годы текущий счет №126 вообще не использовался, а средний оборот несколько снизился, но положение Утямышева оставалось вполне крепким. В эти годы огромные изменения происходят в чайной торговле, в 1888 г. в Уфу пришла железная дорога, а в начале 1890-х гг. началось строительство великого Транссиба. Старый караванный путь через Ирбит заглох, теперь чай из Кяхты доставлялся до ближайшей железнодорожной станции, там грузился в вагоны и отправлялся... в Уфу, которая стала одной из чайных столиц России [69, с.25–33]. Утямышеву потребовалось налаживать новые связи. И резко возросла конкуренция, на уфимском чайном рынке обосновались крупнейшие российские фирмы Губкина, Кузнецова, Вогау, др. Теперь мелкие уездные торговцы уже не зависели от крупного оптовика, легко доехать до Уфы, а там широчайший выбор всех сортов чая.

В меньшей степени Зариф Ибрагимович совершал сделки под векселя. В Уфимском филиале ВККБ у него был открыт кредит на 20 тыс. руб., в 1894 г. банк купил (учел) его вексель на 8000 руб., в 1895 г. уже вексель должника Утямышева на 3700 руб. лежал в портфеле банка [52, л.22].

З.И. Утямышев сохранял тесные контакты с казанской родней. Например, 21 декабря 1896 г. из Уфы в Казань (через ВККБ) ушел трансферт (перевод) в 1500 руб. на И.Утямышева [53, л.3]. Это был племянник Мухаметзарифа Ибрагимовича – Измагил Мухамет-Гарифович Утямышев, крупный предприниматель, купец 1-й гильдии, оптовый торговец чаем и сахаром, а также хлебом, владелец мыловаренного завода и товарищества Казанской мануфактуры «Утямышев и К^о». Оборот капитала в 1902 г. превышал 700 тыс. руб. [14].

Купец оставался уважаемым членом местного бизнес-сообщества. На 1891 г. Мухаметзариф Ибрагимович Утямышев являлся кандидатом (замещающим) в члены от земства Стерлитамакского уездного податного присутствия, где обсуждались вопросы налогообложения, затем раскладочного по промысловому налогу присутствия (по 1903 г.) [40, с.40]. С возрастом З.И. Утямышев все больше внимания уделяет благотворительности. На 1896 г. он состоит почетным членом Губернского попечительства детских приютов, одной из важнейших благотворительных организаций в Уфе, которое возглавлял лично губернатор (по 1900 г.) [72, с.210]. Основной функцией почетных членов из купцов была материальная поддержка.

На 1894–1897 гг. купец Зариф Ибрагимович Утямышев снова избирается гласным (депутатом) Стерлитамакской городской управы, участвует в управлении городом [20, с.223]. На 1897 г. З.И. Утямышев, вместе с купцами А.В. Кузнецовым и А.В. Сухоруковым, считался крупнейшим хлебным торговцем в Стерлитамаке, а также первым в кожевенной торговле и продаже чая [1, с.194, 196, 197].

Свои немалые капиталы Мухаметзариф Ибрагимович Утямышев не забывал вкладывать в городскую недвижимость. Главный жилой дом З.И. Утямышева был одним из самых дорогих в Стерлитамаке. В конце 1879 г. власти оценили его в 1500 руб., с ним в то время могли соперничать лишь дома купцов Д.М. Ростовцева (2000 руб.) и В.С. Попова (1200 руб.) [9, с.14]. На 1898 г. в Стерлитамаке ему принадлежало 7 домовладений (участки земли с постройками, включая медресе): №11 и 14 в квартале 56 (в первом помещалась кладовая для товара), №16 в квартале 57 (там находилась «чайная Журавлева»), №24 в квартале 61-м, №1 в квартале 108 (пустое место), №11 в квартале 148-м, а на усадьбе №8 в квартале 149-м располагалось медресе, по соседству и под тем же номером стояла мечеть [29, л.28, 29 об., 35, 69 об., 102 об., 104].

З.И. Утямышев оказывал небольшую благотворительную поддержку исламскому образованию в родном городе. Еще в 1887 г. он выстроил деревянное медресе для детей бедняков, «потратив на строительство десятую часть средств, вырученных от продажи полученного урожая хлеба», отметим, что Утямышев занимался сельским хозяйством. По всей видимости, он участвовал в содержании медресе. Школа Утямышева закрылась после 1906 г. из-за нежелания спонсора, добавим и собственника участка земли, вводить в преподавание новый метод. В 1899 г. Утямышев принял участие в перестройке старого каменного медресе (построенного в 1825 г.) [16, с.12, 14]. Нельзя не признать весьма скромными масштабы религиозной благотворительности Зарифа Ибрагимовича при его оборотах капитала.

А в бизнесе ему нельзя было не отказать в оригинальности. В 1898 г. Утямышев открывает в Уфимском отделении Волжско-Камского банка отдельный, второй, специальный текущий счет №59. Такие счета заводили самые «продвинутые» предприниматели. При всех достоинствах безналич-

ных платежей, вкладчик мог оплачивать покупку лишь при наличии на своем счету необходимой суммы. Но часто требовалось осуществить сделку быстро, а деньги от партнеров еще не поступили, вот на этот случай банк предлагал клиентам услуги по специальному текущему счету [62, с.134].

Вкладчик передавал банку в залог (обеспечение) пакет ценных бумаг, и на эту сумму ему открывали кредитную линию. З.И. Утямышев отдал Уфимскому филиалу ВККБ пакет гарантированных правительством ценных бумаг на 8190 руб. По таким бумагам правительство гарантировало дивиденд, это были самые дорогие, востребованные фондовым рынком и частными клиентами, бумаги: билеты 1-го и 2-го внутренних с выигрышами займов, облигации восточных займов, свидетельства железнодорожной ренты, свидетельства Государственного банка и пр. [62, с.136, 142].

Зариф Ибрагимович приобретает подобные ценные бумаги и под их обеспечение начинает осуществлять сделки по специальному текущему счету №59. Он был первым татарским (мусульманским) предпринимателем в те годы, использовавшим операции с ценными бумагами. Лишь в 1902 г. аналогичные счета открыли С.М. Назиров и Х.С. Рахманкулов [49, л.175].

Практически вся биржевая торговля ценными бумагами в России совершалась при помощи специальных текущих счетов до востребования (онколь, on call) под обеспечение ценных бумаг [22, с.147, 148]. Мелких биржевых игроков, спекулянтов так и звали «онколисты». Специальный текущий счет в ВККБ отличался от онкольного кредита, хотя, в принципе, и с него можно было заниматься биржевой игрой. Интересовался ли этим Утямышев, неизвестно.

Обороты по специальному текущему счету №59 З.И. Утямшева находились в «средних пределах»: в 1898 г. – 13325,64 руб., в 1900 г. – 49858,72 руб., в 1901 г. – 37696,73 руб., в 1902 г. – 48773,51 руб., в 1903 г. – 38372,97 руб., в 1904 г. – 8610,58 руб. и счет закрывается [54, л.19; 55, л.17; 56, л.80; 58, л.92; 59, л.126]. Но они превышали обороты по его простому текущему счету, как было в 1901 и 1902 гг. Оперативное финансирование сделок Зариф Ибрагимович перенес на специальный счет, обратим внимание, здесь всегда присутствуют копейки, покупка каких-то конкретных товаров, часто малыми объемами. Это было очень удобно, например, в конце 1899 г. за Утямышевым числился долг по специальному счету в 3750,6 руб. Средства ему от партнера еще не поступили, но банк санкционировал сделку, ведь обеспечение Утямшева составляло свыше 8 тыс. руб. Деньги пришли попозже [67, с. 279].

Последние годы жизни Зариф Ибрагимович не предавался созерцанию, а твердой рукой держал бразды правления семейного бизнеса. Обороты капитала по простому текущему счету в начале нового столетия составляли: в 1901 г. – 11380,77 руб., в 1902 г. – 18843,29 руб., в 1904 г. – 42516,43 руб., в 1905 г. – 16500,16 руб., в 1906 г. – 13737,56 руб., в 1908 г. на счету хранился остаток в 215,95 руб. [57, л.81; 58, л.74]. Престарелый

предприниматель в 1904 г. даже разместил рекламу [2], старался идти в ногу со временем:

Продолжались сделки под векселя, только в 1901 г. при кредитной линии Утямышева в 20 тыс. руб., Уфимский филиал ВККБ учел (купил) его долги на 10 тыс. руб. и векселя его клиентов на 6 тыс. руб. [57, л.106]. Торговые связи Утямышева раскинулись по всей (восточной части) России. На конец 1902 г. в банке хранились два векселя З.И. Утямышева, присланные из Московского отделения ВККБ, на 500 и 131,2 руб. с оплатой 25 января следующего года, на 642,92 руб. (расчет 4 января) и 118,69 руб. (оплата 6 января) [58, л.69 об.].

Мухаметзариф Утямышев скончался 2 сентября 1907 г. в возрасте 80 лет от головной боли [33]. Однако, после его кончины, отлаженный, функционировавший десятилетиями бизнес, один из самых продолжительных в крае, не пропал. Сыновья, уже немолодые люди, Абдулла и Мустафа Зарифовичи Утямышевы решают не делить наследство (а споры, видимо, были, текущий счет отца №126 сохранялся в Волжско-Камском банке по 1909 г., значит юридически наследство еще не перешло наследникам), а создать единую фирму, сохранив аппарат сотрудников и налаженные связи с покупателями и поставщиками. Наверняка, отец постепенно ввел сыновей в управление семейным делом, они уже имели немалый опыт.

Как видно из рекламного объявления за 1908 г. [2], созданная к началу 1908 г. торговая фирма «Братья Утямышевы» продолжила торговлю, в основном чаем и сахаром:

Содержание рекламы, однако, свидетельствует о существенных переменах в семейном бизнесе. Кроме традиционных направлений (продажа чая и сахара, приемка хлеба), появляются керосиновые, нефтяные и соляные склады. Стерлитамакские предприниматели уже с конца 1880-х гг. использовали расположенные сравнительно недалеко железнодорожные станции Самаро-Златоустовской магистрали как торговые «ворота» города. И братья Утямышевы открывают отделения в Давлеканово и Шафраново [3].

В 1910 г. публикуется реклама уже Торгового дома братьев А. и М. Утямышевых. Главным по-прежнему выделялась торговля байховым чаем, а также плиточным и кирпичным вместе с сахаром, «покупка хлеба зернового разного рода». Но была продолжена продажа нефти, гудрона,

мазута, соли, крупчатки, отрубей и керосина. Действовало отделение в Давлеканово [3].

В 1910 г. был учрежден (открыл действия) Торговый дом «Братьев А. и М. Утямышевых» в форме полного товарищества, то есть оба совладельца «управляют делами т-ва и подписывают всякого рода обязательства оба товарища», они отвечают всем своим имуществом, включая личное, по долгам предприятия. Участниками товарищества были только сыновья З.И. Утямышева – Абдулла и Мустафа Зарифовичи Утямышевы, основной капитал – 20 тыс. руб. [8, с.104].

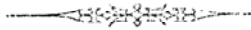
Сохранив отцовское наследие, братья начали постепенную трансформацию бизнеса в сторону реализации нефтепродуктов, которые в Стерлитамаке становились все более и более востребованными, а также хлебной торговли. Известнейшая в Стерлитамаке фирма продолжила работу, она заслужила признание местного бизнес-сообщества, и на 1911 г. внук Абдулкарим Абдуллич Утямышев вошел в состав правления местного Общества взаимного кредита (по 1917 г., фамилию искажали) [4, с.73]. С 1913 г. Абдулла Зарифович Утямышев избирается членом от уездного земства в 1-е Уездное раскладочное по промысловому налогу присутствие (по 1917 г.) [6, с.182]. В 1908 г. Абдулла Зарифович Утямышев состоял членом Уфимской товарной биржи [66, с.189].

Братья Утямышевы не стали заводить текущий счет в банке, как их отец, но Уфимское отделение ВККБ открывает им кредитную линию на 20 тыс. руб. Торговый дом «Утямышевы Братья» совершает сделки под векселя, в 1909 г. в банке лежали обязательства их клиентов на 9500 руб., в 1912 г. – на 25291,45 руб. (векселя самих Утямышевых банк учел на 1800 руб.). Братья проводят операции через открывшееся в Стерлитамаке отделение Сибирского торгового банка, туда из Уфы отправили вексель Г.А. Попова на 2000 руб. с оплатой Утямышевым не позднее 16 февраля 1913 г. [60, л.59 об.].

Сыновья З.И. Утямышева унаследовали отцовские способности к инновациям, и к 1912 г. в Стерлитамаке они открывают крупчатную мельницу (20, затем 22 рабочих), где вырабатывали пшеничную муку тонкого помола (паровая машина, 6 станков, годовая производительность 600 тыс. пуд. [28]), а также типографию «Нур» [5, с.181, 184] (открыта в 1909 г., к 1915 г. преобразовано в товарищество, куда вошли крупные предприниматели Стерлитамака [16, с.152–153]). Здание мельницы простояло до 2004 г. [75]. Затем, к 1913 г. Торговый дом братьев А. и М. Утямышевых учреждает крупчатную вальцово-механическую мельницу на железнодорожной станции Давлеканово Белебеевского уезда (22 рабочих, в 1914 г. – 14). В 1913 г. одним из двух агентов страхового общества «Якорь» в Стерлитамаке стал Абдулкарим Зарифович Утямышев, тогда единственный мусульманин – страховщик во всей Уфимской губернии [6, с.197, 201].

В многопрофильном бизнесе братьев Утямышевых основное значение приобретает мукомольное производство, что отразила реклама за 1914 г. [7].

Торговый домъ
Бр. А. и М. Утямышевыхъ.
Крупчатная мельница
БАКАЛЕЙНАЯ и ГАЛАНТЕРЕЙНАЯ
ТОРГОВЛЯ
керосинный-нефтянный складъ
покупка зернового хлѣба.

Адресъ телеграммъ: Давлеканово Утямышевымъ.

Обширная торговля мукой приводила изредка к конфликтным ситуациям. В 1913 г., видимо, мелкий торговец Хабибулла Нурмухаметович Урманцев купил на Давлекановской мельнице Утямышевых товара на 2000 руб., уплатив векселем, который те сдали в Волжско-Камский банк. Но когда в 1914 г. пришел срок платежа, Урманцев не заплатил. Банк обратился в суд, иск был предъявлен «к обоим ответчикам» (Утямышевым и Урманцеву) и удовлетворен судом 23 июня 1914 г. На принадлежавшую торговому дому «Братья Утямышевы» мельницу в Давлеканово наложили запрещение (арест). 9 июля 1914 г. торговый дом уплатил 500 руб. (второй, наверняка, был несостоятелен), обещая осенью вернуть остальное, но «никаких платежей не поступило» более [61, л.20 об., 21, 36 об., 37]. Подобные мелкие неприятности не имели значения.

На 1914 г. братьям Утямышевым в Стерлитамаке принадлежало 4 домовладения (у отца было семь) по адресам: улица Дворянская, 202, Мало-Татарская, 105, Большая Татарская, 95 и Мечетная улица, дом №31 – владельцы Абдулла и Мустафа Утямышевы [27, л.14, 16 об., 18 об., 25 об.].

По сведениям краеведа Ф.Юмагузина, братья проживали на отдельных усадьбах, но изначально находившихся в общей собственности. Мус-

тафа Зарифович Утямышев (супруга Ракия Хафизовна, урожденная Хабибуллина, детей не было) обосновался в 9-комнатной квартире с электрическим освещением на втором этаже главного здания, первый занимали магазины на Сенной площади. А на Большой Татарской улице, №11, в 7-комнатной квартире жил Абдулла Утямышев с обширным семейством: супруга Зухра, сын Абдулкарим, сноха Бибигайша (урожденная Баязитова), внуки Гариф и Муса. Несколько домов Утямышевых в Стерлитамаке внесены в реестр памятников истории и архитектуры [75].

У Утямышевых были обширные родственные связи с другими знатными купеческими династиями. Одна из дочерей Мухаметзарифа Магруй была замужем за Мухамадхадеем Хабировым. Его сын Абдулла взял в супруги Зухру, дочь имама из Стерлибашево Харриса Тукаева [16, с.120]. Женой Абдулкарима, сына Абдуллы Утямышева, была Бибигайша Баязитова, дочь крупного стерлитамакского купца Калимуллы Баязитова.

В годы Первой мировой войны, когда нарастали проблемы с продовольствием, мукомольные мельницы приносили огромную прибыль и находились в центре внимания. Так, в 1916 г. фирма Утямышевых подозревалась в поставках муки в Финляндию, откуда грузы шли во враждебную Германию. Отгрузки с мельницы в Давлеканово были немалые. Только с 3 октября 1915 г. по 12 марта 1916 г. Утямышевы из Давлеканово в Чишмы вывезли 41 тыс. пуд. хлеба, уже из Чишмов он направлялся в центр страны. В Чишмах хлеб либо перекупали обосновавшиеся там еврейские предприниматели, частью сами Утямышевы вывозили давлекановскую муку (8 тыс. пуд. за указанный период времени) [68, с.241].

Все предприятия Утямышевых в Стерлитамаке и Давлеканово функционировали до 1917 г. Во время революционных событий Утямышевы покинули город. В 1921 г. советские власти муниципализировали дома Утямышевых по улице Мечетной №19 площадью 105 кв. м, по улице Тихвинской №4 площадью 38 кв. м [35, л.27, 28 об.]. Мустафа с женой Ракией уехали в Ташкент. Они умерли бездетными: Мустафа в 1942 г., Ракия в 1980 г. [75]. К сожалению, судьба остальных представителей рода нам не известна.

Будучи потомком знатного рода татарских купцов, Зариф Ибрагимович Утямышев не только продолжил, но и значительно расширил семейное дело. Обосновавшись в г. Стерлитамаке в 1870-х гг., он вскоре вошел в число передовых купцов Уфимской губернии, причем никто в крае не смог сравниться с ним по оборотам торгового капитала. Большие доходы Зариф и его сыновья смогли выручить за счет продажи чая и сахара. В предпринимательской деятельности он первым начал использовать банковские технологии безналичного расчета и операции с ценными бумагами. Ему принадлежали крупные землевладения, мельница, торговые дома, магазин колониальных товаров, типография. Полученную прибыль Утямышев не жалел на благотворительность. Он являлся попечителем 1-й Стерлитамакской соборной мечети и нескольких медресе. Сыновья Зарифа

Абдулла и Мустафа, унаследовав отцовский бизнес, переориентировали его в сторону реализации нефтепродуктов и хлебной торговли, благодаря чему сколотили огромное состояние. Торговый дом братьев Утямышевых просуществовал до революции 1917 г., после чего Утямышевым пришлось покинуть родные места.

Личность Зарифа Утямышева представляет собой модель татарского предпринимателя-управленца, умело сочетавшего в себе организационные, производственные, социальные, управленческие, инновационные и экономические способности. Для создания благоприятных условий своей деятельности и преобразования внутренней и внешней среды бизнеса, он активно включается в общественно-политическую, культурную и духовную жизнь общества. Тем самым создаются объективные предпосылки для созидательного взаимодействия общества и предпринимательских структур.

Источники и литература

1. Адрес-календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1899 год. Уфа: Уфим. губ. стат. комитет, 1899. 236 с.
2. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1908 год. Уфа: Тип. губ. правления, 1908. 200 с.
3. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1910 год. Уфа: Тип. губ. правления, 1910. 244 с.
4. Адрес-календарь Уфимской губернии и справочная книжка на 1911 год. Уфа: Тип. губ. правления, 1911. 247 с.
5. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1912 год. Издание Уфимского губернского статистического комитета. Уфа: Электр. губ. тип., 1912. 196 с.
6. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1913 год. Издание Уфимского губернского статистического комитета. Уфа: Электр. губ. тип., 1913. 315 с.
7. Адрес-календарь Уфимской губернии на 1914 год. Издание Уфимского губернского статистического комитета. Уфа: Электр. губ. тип., Уфа, 1914. 257 с.
8. Банковая и торговая газета (СПб.). 1910. №5. С.184 (первичная информация): Вестник финансов. 1910. №19. 9 (22) мая. С.292).
9. Вестник Уфимского земства 1880 г. Вып. 3. Уфа: Печатня Н. Блохина, 1880. 316 с.
10. Города России в 1904 году. СПб.: Типо-лит. Ныркина, 1906. 907 с.
11. Государственный архив Кировской области (ГАКО). Ф.176. Оп.2. Д.1642.
12. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.3. Оп.2. Д.306.
13. *Гурвич Н.А.* Справочная книжка Уфимской губернии. Сведения числовые и описательные относятся к 1882–83 гг. и только весьма немногие – к прежним годам. Уфа: Изд. Н. К. Блохина, 1883. 249 с.
14. *Девярых Л.И.* Из истории казанского купечества. Казань: Титул, 2002. 157 с.
15. *Денисов И.В.* Утямышевы // Региональный интерактивный энциклопедический портал «Башкортостан»: [Электронный ресурс] URL: <http://bashenc.online/ru/articles/77496> (дата обращения: 05.06.2022).
16. Дневник татарского муллы Мухамметгарифа Рамеева = Татар мулласы Мөхәммәтгариф Рәмиев көндәлеге / сост. Р.Ф. Масагутов, пер. А.М. Гайнутдинов. Казань: Грумант, 2022. 180 с.

17. Золотые страницы купечества, промышленности и предпринимательства Татарстана. Т.2. Казань: Яналиф, 2001. 269 с.

18. *Игнатъев Р.Г.* Собрание сочинений (уфимский и оренбургский период) / отв. ред. В.А. Лабузов; сост. М.И. Роднов. Т.1: 1859–1866 годы. Оренбург: Изд. центр ОГАУ, 2011. 230 с.

19. История татар с древнейших времен в семи томах. Т. VI. Формирование татарской нации XIX – начало XX в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2013. 1003 с.

20. Календарь и справочная книжка Уфимской губернии на 1897 год. Уфа: Тип. губ. правления, 1896. 367 с.

21. *Кореева Н.А.* Казанское купечество в системе чаеоторговли в середине XIX века (по материалам товарной книги купца Е.Леденцова) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2020. №10. Т.2. С.58–71.

22. *Лизунов П.В.* Банкирский дом «Г. Вавельберг» и его владельцы: от меняльной лавки до акционерных банков в Петербурге и Варшаве // Экономическая история: ежегодник. 2018/2019. М.: ИЦ Института российской истории, 2020. С.95–151.

23. *Марджани Шигабутдин.* Мустафад аль-ахбар фи ахвали Казань ва Булгар: (Источники по истории Казани и Булгара) / АН СССР, Казан. фил., Ин-т яз., лит. и истории им. Г. Ибрагимова. Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. 414 с.

24. *Масагутов Р.Ф.* Землевладение и землепользование татар уездного города Стерлитамак в конце XVIII – первой трети XX века // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2020. №10. Т.2. С.75–76.

25. *Минцлов С.Р.* Уфа. Дебри жизни. Дневник 1910–1915 гг. Уфа: Башк. кн. изд-во, 1992. 176 с.

26. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.И-132. Оп.1. Д.1079.

27. НА РБ. Ф.И-132. Оп.1. Д.1346.

28. НА РБ. Ф.И-132. Оп.1. Д.2228.

29. НА РБ. Ф.И-132. Оп.1. Д.2343.

30. НА РБ. Ф.И-138. Оп.1. Д.1381.

31. НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.306.

32. НА РБ. Ф.И-295. Оп. 9. Д.998.

33. НА РБ. Ф.И-295. Оп.16. Д.1671.

34. НА РБ. Ф.Р-166. Оп.1. Д.65.

35. НА РБ. Ф.Р-168. Оп.1. Д.98.

36. *Нигамедзинов Ф.Ф.* Татарское купечество Казанской губернии. Казань: Изд-во Ин-та истории АН РТ, 2005. 204 с.

37. Оренбургские губернские ведомости. 1865. 26 июня.

38. Памятная книжка Казанской губернии за 1889–1890 год / сост. В.Люстрицкий. Казань: Губ. стат. комитет. 1890. 226, 74 с.

39. Памятная книжка Казанской губернии за 1891–92 год / сост. В.Люстрицкий. Казань: Тип. губ. правления, 1892. 253, 1, 80 с.

40. Памятная книжка Уфимской губернии на 1891 год / под ред. Н.А. Гурвича. Уфа: Изд. Уфимским стат. ком. под ред. члена и д. секретаря Н.А. Гурвича 1891. 154, 109 с.

41. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 350. Оп.2. Д.1194.

42. РГАДА. Ф.1209. Оп.1. Д.6453.

43. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф.587. Оп.52. Д.1113.

44. РГИА. Ф.587. Оп.52. Д.1114.

45. РГИА. Ф.587. Оп.52. Д.1159.
46. РГИА. Ф.595. Оп.3. Д. 621.
47. РГИА. Ф.595. Оп.3. Д.1178.
48. РГИА. Ф.595. Оп.3. Д.1179.
49. РГИА. Ф.595. Оп.3. Д.1183.
50. РГИА. Ф.595. Оп.3. Д.1190.
51. РГИА. Ф.595. Оп.3. Д.1197.
52. РГИА. Ф.595. Оп.3. Д.1202.
53. РГИА. Ф.595. Оп.3. Д.1205.
54. РГИА. Ф.595. Оп.3. Д.1208.
55. РГИА. Ф.595. Оп.3. Д.1210.
56. РГИА. Ф.595. Оп.3. Д.1211.
57. РГИА. Ф.595. Оп.3. Д.1212.
58. РГИА. Ф.595. Оп.3. Д.1213.
59. РГИА. Ф.595. Оп.3. Д.1214.
60. РГИА. Ф.595. Оп.3. Д.1220.
61. РГИА. Ф.595. Оп.3. Д.1229.
62. *Роднов М.И.* Волжско-Камский коммерческий банк и уфимское купечество (вторая половина XIX – начало XX веков). Уфа: КнигаПринт, 2020. 236 с.
63. *Роднов М.И.* Мусульмане – вкладчики Уфимского отделения Волжско-Камского коммерческого банка (1870–1880 гг.) // Единство. Гражданственность. Патриотизм. Уфа: Мир печати, 2019. 392 с.
64. *Роднов М.И.* С чековой книжкой в кармане (состав клиентуры Уфимского отделения Волжско-Камского банка, пользовавшейся чековыми книжками по текущим счетам в 1874 г.) // Тульский научный вестник. Серия История. Языкознание. 2021. Вып. №3 (7). С.19–33.
65. *Роднов М.И.* Стерлитамакская пристань и хлебная торговля в крае в конце XIX – начале XX веков // В центре Евразии / отв. ред. Д.П. Самородов. Стерлитамак: Стерлитамак. Гос. пед. академия, 2007. Вып. IV–V. С.44–50.
66. *Роднов М.И.* Уфимская товарная биржа (1905–1917 годы). Уфа: Альфа-Реклама, 2016. 216 с.
67. *Роднов М.И.* Экономические связи Оренбурга на рубеже 1880–1890-х годов (по материалам Оренбургского отделения Волжско-Камского банка) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. Электронный научный журнал. 2020. №4 (36). С.272–283.
68. *Роднов М.И., Дегтярев А.Н.* Хлебный рынок Уфимской губернии в конце XIX – начале XX века. Уфа: Уфим. гос. академия экономики и сервиса, 2008. 258 с.
69. *Роднов М.И., Макарова В.Н.* Торговля чаем в Уфимской губернии (вторая половина XIX – начало XX в.) // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2016. №2. С.25–33.
70. *Самородов Д.П.* Становление и развитие системы стационарной торговли в дореволюционной Башкирии (эпоха капитализма). М.: Уникум-Центр, 2001. 255 с.
71. Сборник статистических сведений по Уфимской губернии. Т.VII. Свод экономических данных по губернии. Ч.II. Список земельных владений губернии. Уфа: Уфим. губ. земская управа, 1901. 795 с.
72. Справочная книжка и адрес-календарь Уфимской губернии на 1896 год. Уфа: Тип. губ. правления, 1895. 260, 18 с.
73. Уфимские губернские ведомости. 1866. 17 декабря.
74. Частновладельческое хозяйство Уфимской губернии. Уфа: Уфим. губ. 1915. 153 с.
75. *Юмагузин Фаяз.* По прозвищу Утямыш. История именитого купеческого рода // Стерлитамакский рабочий. 2016. 11 апреля.

The first in Sterlitamak (merchant Zarif Ibrahimovich Utyamyshev)

R.F. Masagutov¹, M.I. Rodnov²

¹ *Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation;
Society of Tatar Local Historians of the Republic of Bashkortostan
Ufa, Russian Federation*

² *Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal
Research Center of the Russian Academy of Sciences
Ufa, Russian Federation*

Sterlitamak city was one of the centers of commercial and entrepreneurial activity in the Southern Urals. In the post-reform period, a considerable stratum of merchants, engaged in the dressing and trade of leather, sale of bread timber, domestic trade in consumer goods and other production (soap-making, flour-grinding, etc.) was formed here. Large capitals are formed in Sterlitamak, Mukhametzarif Ibragimovich Utyamyshev became one of the leading entrepreneurs. It was one of the most advanced merchants, he was the first to use the latest banking technologies for cashless payments and securities transactions. In some years, Utyamyshev's turnover only through the Ufa branch of the Volga-Kama Commercial Bank exceeded one hundred and even two hundred thousand rubles. His sons successfully continued the business by creating a trading house. The family business lasted until the end of the Russian Empire.

Keywords: Sterlitamak, Utyamyshevs, economy, trade, merchants, leather trade, tea trade, bank, flour milling.

For citation: Masagutov R.F., Rodnov M.I. The first in Sterlitamak (merchant Zarif Ibrahimovich Utyamyshev). From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 2, pp.34–54. (In Russian)

Информация об авторах:

Масагутов Руслан Фанисович – научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); председатель Исполкома Общества татарских краеведов Республики Башкортостан (Уфа, Российская Федерация); e-mail: medgarant-ooo@yandex.ru

Роднов Михаил Игоревич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела истории и истории культуры Института истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Уфа, Российская Федерация); e-mail: mrodnov@ufanet.ru

Masagutov Ruslan Fanisovich – researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); Chairman of the Executive Committee of the Society of Tatar Local Historians of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russian Federation).

Rodnov Mikhail Igorevich – Dr. Sci. (history), Leading Researcher of the Department of History and Cultural History of the Institute of History, Language and Literature, Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences (Ufa, Russian Federation).

Взаимоотношения Войскового хозяйственного правления
Оренбургского казачьего войска с неказачьими органами
управления Оренбургской губернии в конце XIX – начале XX в.

А.В. Мещеряков

*АНО «Музей В.С. Черномырдина»
Черный Отрог, Российская Федерация*

В статье рассматривается вопрос о взаимодействии Войскового хозяйственного правления с неказачьими органами власти (Контрольной палатой, Казенной палатой и Горным управлением). Часто такие отношения были противоречивы, так как каждый из них пользовался своими нормативными актами и отстаивал собственные интересы. Нередко это приводило к ведомственным или судебным разбирательствам, что впоследствии могло повлечь изменение законодательства.

Ключевые слова: Войсковое хозяйственное правление, Оренбургское казачье войско, Контрольная палата, Казенная палата.

Для цитирования: Мещеряков А.В. Взаимоотношения Войскового хозяйственного правления Оренбургского казачьего войска с неказачьими органами управления Оренбургской губернии в конце XIX – начале XX вв. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №2. С.55–61.

Одним из важнейших вопросов управленческой проблематики является определение места органа управления в системе государственного аппарата. По роду своей деятельности Войсковому хозяйственному правлению (далее – ВХП) приходилось взаимодействовать как с органами казачьего управления (например, Главным управлением казачьих войск, наказным атаманом, Войсковым штабом, атаманами отделов), так и с неказачьими институтами власти. В первую очередь это Контрольная и Казенная палаты, с которыми ВХП постоянно находилось во взаимодействии. Целью статьи станет анализ взаимоотношения ВХП с неказачьими органами управления.

Начнем с анализа взаимодействия ВХП и Контрольной палаты. Контрольная палата в Российской империи представляла собой местное учреждение государственного контроля, занимавшееся документальной ревизией счетов всех государственных учреждений губернии, в том числе и ВХП. Учитывая, что до 1878 г. контролирующая функция за денежными расходами возлагалась на контрольное отделение ВХП, то после передачи этих функций Контрольной палате отношения между органами были достаточно сложные.

По закону ВХП ежегодно составляло сметы об ожидаемых доходах и расходах. Затем проект сметы поступал на проверку в местную Контроль-

ную палату, где должен был быть рассмотрен в течение двадцати дней, после чего уходил на утверждение к высшему начальству. В случае несогласия ВХП с выводами Контрольной палаты, они обсуждались в общем присутствии Правления совместно с Управляющей Палатой или уполномоченным лицом [10, ст.11, с.699].

По итогам финансового года Контрольная палата проверяла отчет по доходно-расходной смете. Проверялись как доходы, так и расходы. В случае большого недопоступления запланированного дохода, Контрольная палата запрашивала объяснения, по какой причине это случилось, и хотела знать о принятых мерах, способствующих к взысканию этой недоимки [8, л.59–59 об.].

В отчете по расходам указывались потраченные во время командировок деньги на покупку оборудования, на печать документов в типографии и другие финансовые операции. ВХП отвечало в том числе и за отчетность расходов военных отделов, станиц и хуторов [4, л.47, 56, 64].

Отчетность состояла из предоставленной в Контрольную палату оправдательной документации за потраченные деньги. Причем если ВХП вовремя не отправляло отчетные документы, то Контрольная палата входила с ним в переписку, требуя выслать их для проверки. Следует отметить, что проверка документации Контрольной палатой занимала длительное время. Так, в 1908 г. Контрольная палата делала запрос в ВХП о недостающих оправдательных документах только за 1906 г. По итогам проверки Контрольной палатой составлялась ведомость, в которой значились собственно израсходованная сумма и список недостающих документов по расходам. К примеру, за 1906 отчетный год доставало оправдательных документов по 23 пунктам на общую сумму 74551 руб. 42 коп. [5, л.3–5 об.]. Основная часть этой суммы была связана с переводом денег из депозита ВХП в общий войсковой капитал. По ним требовалось отправить журнальное постановление Общего присутствия ВХП о перечислении этих денег, что не должно было вызвать каких-то трудностей. Тем не менее, по одному из переводов возникла проблема. Сумма в размере 24834 руб. была переведена из депозита без особого на это распоряжения со стороны ВХП. Она осталась неизрасходованной от суммы в 91000 руб., полученной от казны по смете Главного управления казачьих войск на покупку строевых лошадей для казаков, о чем и было сообщено в Контрольную палату [5, л.9].

Более мелкие суммы, по которым не было оправдательных документов, приходились в основном на станичные правления. Для решения этой проблемы ВХП составляло отдельную ведомость по станицам, отмечая в ней недостающие документы. Затем оно рассылало постановления каждой станице об этих документах. В ответ получало подтверждение о наличии документов или ответ о невозможности их выслать в связи с различными причинами. Все полученные документы переправлялись в Контрольную палату [5, л.6–20].

Следует отметить, что срока давности проверки документов у Контрольной палаты не было. Довольно часто Контрольная палата запрашивала документы пятилетней давности [7, л.1–2 об.]. Были и курьезные случаи. В 1911 г. Контрольная палата запросила отчет об израсходованной горным инженером Скольковским суммы в размере 200 руб., выданных ему в 1869 г. Горное ведомство ВХП, естественно, выслать этот отчет не смогло, так как этот сотрудник умер [6, л.19 об.].

Под прикрытием ревизии финансовых дел ВХП Контрольная палата пыталась вмешиваться и во внутренние дела ВХП. Так, в журнале заседаний Межевого отделения ВХП за 1891–1894-е гг. в докладе исполняющего обязанности начальника Отделения за январь 1892 г. говорится о том, что Контрольная палата не удовлетворена работой Межевого отделения. Главная причина неэффективности работы, по мнению Контрольной палаты, являлось то, что сэкономленные в течение 1886–1891-х гг. от жалованья и столовых деньги, возникшие в связи некомплектom штатного состава, тратились на премии сотрудникам Межевого отделения. Это признавалось Контрольной палатой недопустимым. В результате чего было возбуждено преследование в общем ревизионном порядке. Также Оренбургская контрольная палата выступила с инициативой войти в переписку с Военным министерством и обсудить варианты более эффективной работы по размежеванию земель Оренбургского казачьего войска (далее – ОКВ), а деньги в размере 12783 руб. 70 коп., выданные на премии чинам Межевого отделения, вернуть в войсковую казну с запрещением таких выплат в последующем [4, л.11 об., 12].

Началась долгая переписка между ведомствами, в которой ВХП дало свое объяснение произошедшему. Во-первых, срок размежевания войсковых земель был рассчитан неправильно, поэтому задача не могла быть выполнена за 13 лет. Во-вторых, размежевание земель шло более быстрыми темпами, чем было заявлено в графике. В-третьих, штат за это время постоянно менялся, и если в один год был недостаток кадров, то в другой год чинов на работу было нанято больше штатного расписания. В-четвертых, премирование сотрудников оказалось эффективным способом мотивации для ускорения работы. В-пятых, труд землемера имел свои особенности, и применять общие правила оплаты труда, как в случае с обычным чиновником, просто было нельзя [1, с.118–122]. В итоге приведенные доводы ВХП позволили признать выводы Контрольной палаты неправильными.

Таким образом, Контрольная палата участвовала не только в проверке сметы, предусмотренной по закону, но и вмешивалась во внутренние дела ВХП, пытаясь стать инициатором изменения в подходах к решению крупной экономической проблемы ОКВ, связанной с размежеванием земель.

Еще одним институтом управления, которое не входило в систему управления ОКВ, но с которым ВХП постоянно находилось во взаимодействии, являлась Казенная палата и подчиненные ей казначейства.

Казенная палата – это губернское учреждение Министерства финансов в Российской империи. На Казенную палату со второй половины XIX в. возлагалось счетоводство и отчетность по приходу и расходу сумм в губернских и уездных казначействах, непосредственно ей подчиненных. В обязанности последних входили все расчетные мероприятия с деньгами. Они выдавали губернским и казачьим учреждениям нужные суммы и принимали неистраченные суммы.

Несмотря на то, что у ВХП одной из основных функций являлась финансовая, все денежные средства хранились в казначействе, поэтому между ними часто возникали противоречия.

Одним из первых противоречий стала организация делопроизводства. Так, в 1892 г. в Казенную палату от Оренбургского губернского казначейства поступил рапорт о том, что последние постоянно получают конверты с надписями «нужно», «весьма нужно», «экстренно». При вскрытии же их оказывается, что это обычные ассигновки, не представляющие особой важности. Вызвано это было тем, что чиновники ВХП не соблюдали правила и инструкцию, по которой подписывать конверты должны были те, кто подписывал ассигновку. В ВХП пометки делал тот, кто заведует в учреждении отправлением пакетов, из-за этого и получалась такая путаница. Поэтому Казенная палата просила распорядиться ВХП, чтобы оно привело в порядок делопроизводство в своих учреждениях, согласно принятым инструкциям [9, л.79–79 об.].

Вторым спорным вопросом являлось распределение денег между войсковым капиталом и государством. Показательным случаем стал спор между Казенной палатой и ВХП. Речь шла о том, что после осуждения за растрату общественных денег в сумме 92 руб. 93 коп. поселковый атаман И.Н. Лучевников должен был вернуть эту сумму, а также с него должны были быть взысканы еще 5 руб. в пользу казначейства. Общая сумма в размере 102 руб. 4 коп. с атамана была взыскана Троицкой полицией и сдана в Троицкое казначейство. Зачислена же она была в общий войсковой капитал. Когда это выяснилось, Казенная палата просила ВХП перевести 5 руб. из войсковых сумм в число государственных доходов на счет местной полиции. ВХП в свою очередь уведомляло Казенную палату о том, что сумма в размере 5 руб. поступила правильно и возврату не подлежит [8, л.4–7].

Еще одним важнейшим вопросом стала борьба с коррупцией. Для этого Министерство финансов вышло с предложением о ежемесячном сличении счетов распорядительных управлений со счетами казначейств, так как наибольшее количество хищений происходило по подложным ассигновкам. Ввиду этого предложения в 1889 г. Департамент государственного казначейства распорядился обратиться к начальникам учреждений г. Оренбурга с разъяснениями о важности мероприятий по борьбе с коррупцией. Однако губернское казначейство отмечало, что многие распорядительные управления, в том числе ВХП, Войсковой штаб и Управление

1-го военного отдела, относились к порядку сличения счетов совершенно индифферентно. Они либо вовсе не высылали в казначейство ведомости для сличения, либо высылали их по истечении шести месяцев, причем ведомости эти включали в себя отчетность не за один месяц, как следовало, а за несколько месяцев. Поэтому управляющий Оренбургской казенной палатой просил Наказного атамана ОКВ распорядиться по управлениям казачьих войск, чтобы они, согласно правилам, ежемесячно высылали счета для сличения [8, л.7].

В ответе ВХП уведомляло управляющего Казенной палатой, что распоряжение по управлению было сделано. Однако ВХП просило отправить распоряжение также по казначействам, чтобы и они соблюдали правила, в частности записывали принятые ассигновки в журнал [8, л.51].

Таким образом, между ВХП и Казенной палатой с подчиненными ей казначействами часто возникали споры и конфликты. Связаны они были с нерешенными денежными вопросами между ведомствами (финансовым и военным), а также с нежеланием ВХП работать по правилам, созданным Министерством финансов, из-за все той же разной ведомственной подчиненности.

С другими неказачьими органами управления ВХП взаимодействовало в случаях возникновения смежных с войсковыми вопросов. К примеру, сложным вопросом оставалось развитие горного дела на территории войска из-за запутанности законодательства. Особые противоречия складывались с золотопромышленниками. Так, в 1890 г. в ВХП от окружного инженера VII Оренбургского округа пришел рапорт старшего горного землемера Подкорытова о сопротивлении, которое оказали атаман Мельниковского поселка Дорогин и казаки этого поселка при отводе Федосеевского золотого прииска. В частности, горный землемер просил разъяснить казакам положение Горного совета, утвержденное министром Государственных имуществ 29 сентября 1886 г., по которому золотопромышленники не обязаны заключать договоры при отводе золотосодержащих площадей [3, л.32]. В ответ на это Общее присутствие ВХП приняло постановление, по которому действия атамана и казаков были оправданы, так как ВХП еще в 1869 г. циркулярным распоряжением предписало станичным правлениям не допускать отводов площадей под золотые прииски без заключения договора и уплаты определенного законом вознаграждения.

Данное дело закончилось постановлением ВХП о том, что и в дальнейшем казакам не следовало допускать золотопромышленников на земли ОКВ без предварительных соглашений, так как это приносило прямой экономический ущерб войску. Об этом было сообщено Уральскому Горному управлению, окружному инженеру VII округа, Межевому отделению и Кундравинскому станичному правлению, а затем данное распоряжение было отправлено на утверждение в Главное Управление казачьих войск [3, л.32 об.]. После утверждения (18 мая 1892 г.) данное постановление приобрело силу закона. То есть ВХП исполняло возложенные на него функ-

ции по улучшению хозяйства войска, действуя исключительно в интересах ОКВ, несмотря на то, что это шло вразрез с общеимперскими законами.

Следует отметить, что подобный инцидент произошел еще раз в 1894 г. в той же станице, куда землемер Подкорытов прибыл для отвода земли под золотые прииски, только с другим человеком – женой купца Чеканова [3, л.4 об.]. Но он вновь получил отпор от казаков, которые действовали согласно указу ВХП, по которому станичным и поселковым властям запрещалось допускать золотопромышленников к межеванию земли под золотые прииски до тех пор, пока они не заключат арендное соглашение [3, л.6, 7 об.]. Причем дело закончилось дракой, за что на казаков было заведено уголовное дело. На их защиту встал атаман 3-го отдела Оренбургского казачьего войска и ВХП. Однако из-за того, что дело поступило в Троицкий окружной суд, ВХП смогло защищать права казаков только в качестве третьего лица. Тем не менее своим постановлением ВХП просило Уральское Горное Управление привлечь старшего землемера Подкорытова к ответственности и принять меры для того, чтобы такие инциденты больше не повторялись [2, с.519–521].

Таким образом, ВХП при столкновении с органами власти, не входящими в систему управления ОКВ, пыталось всячески отстоять интересы войска, даже если это шло вразрез с общеимперским законодательством. Причем ВХП было последовательно в своих действиях и добивалось, чтобы постановления, вынесенные им, приобретали силу закона.

Источники и литература

1. *Мещеряков А.В.* Реконструкция карьеры Оренбургского казачьего чиновника конца XIX века (на примере служащего войскового хозяйственного правления А.П. Попова) // Белгородский диалог – 2011. Проблемы российской и всеобщей истории, г. Белгород, 15–16 апреля 2011 г.: сб. избранных научных тр. Междунар. науч. конф. студентов, магистрантов и аспирантов / [редкол.: С.Н. Прокопенко (отв. ред.) и др.]. Белгород: ГиК, 2011. С.118–122.

2. *Мещеряков А.В.* Оценка властных полномочий Войскового хозяйственного правления Оренбургского казачьего войска по отношению к неказачьим органам власти (на примере судебного прецедента) // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. №16 (135). С.519–521.

3. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО) Ф.37. Оп.3. Д.176(а).

4. ОГАОО Ф.37. Оп.3. Д.209(а).

5. ОГАОО. Ф.37. Оп.3. Д.628.

6. ОГАОО. Ф.37. Оп.3. Д.632.

7. ОГАОО. Ф.37. Оп.3. Д.646.

8. ОГАОО. Ф.37. Оп.4. Д.135.

9. ОГАОО. Ф.37. Оп.4. Д.139.

10. Свод законов Российской империи. В 5 кн. Кн.1. Т.1–3. «Свод губернских учреждений». Издание неофициальное / под ред. И.Д. Мордухай-

Болтовского. СПб.: Русское Книжное Т-во «Деятель», 1912. [12], 439, XIII, 737, XX, 404, XI, [1], 41, [3] с.

Relations between the Military Economic Board
of the Orenburg Cossack Army with non-Cossack authorities
of the Orenburg province in the late 19th – early 20th centuries

A.V. Meshcheryakov
Chernomyrdin Museum
Cherny Otrog, Russian Federation

The article deals with the issue of the interaction of the Military Economic Board with non-Cossack authorities (the Control Chamber, the Treasury and the Mining Department). Often such relations were contradictory, since each of them used his own regulations and defended his own interests. Often this led to departmental or judicial proceedings, which could subsequently lead to changes in legislation.

Keywords: Military Economic Board, Orenburg Cossack Army, Control Chamber, Treasury.

For citation: Meshcheryakov A.V. Relations between the Military Economic Board of the Orenburg Cossack Army with non-Cossack authorities of the Orenburg province in the late 19th – early 20th centuries. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 2, pp.55–61. (In Russian)

Информация об авторе:

Мещеряков Александр Валерьевич – заведующий образовательным отделом АНО «Музей В.С. Черномырдина» (Черный Отрог, Оренбургская область, Российская Федерация); e-mail: mescher90@mail.ru

Meshcheryakov Alexander Valerievich – Head of the educational department of the Chernomyrdin Museum (Cherny Otrog, Russian Federation).

Землеустроительные проекты Оренбургского войскового казачьего самоуправления в 1917–1918 гг.

Т.К. Махрова

*Южно-Уральский государственный университет
Челябинск, Российская Федерация*

В статье рассматриваются проблемы решения земельного вопроса в России в период революционного противостояния 1917–1918 гг. Интерес представляют позиции всех групп населения с учетом их сословного, классового, национального состава, в том числе специфического военно-земледельческого сословия, имеющего и закрепленный за войском земельный фонд, и опыт самоуправления. Противоречивая позиция отражала стремление сохранить в своих интересах контроль над войсковой территорией и самостоятельно сформулировать актуальные в новых условиях принципы «трудового землепользования» при неопределенной в данный период окончательно общегосударственной позиции.

Ключевые слова: Оренбургское казачье войско, Войсковой круг, землепользование, войсковые земельные комиссии.

Для цитирования: Махрова Т.К. Землеустроительные проекты Оренбургского войскового казачьего самоуправления в 1917–1918 гг. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №2. С.62–69.

В начале XX в. для Оренбургского казачьего войска (далее – ОКВ) земельный вопрос актуализировался не как количественный, а как вопрос сохранения под контролем закрепленного за войском земли, ее внутреннего перераспределения и эффективного использования (в первую очередь, традиционного сельскохозяйственного).

Имеющиеся данные о фактических размерах душевого надела оренбургского казака не отличаются единством критериев. Не преследуя цели выяснить степень реальной остроты земельного вопроса на территории ОКВ, укажем лишь на то, что обострение это современники и исследователи связывали с приростом населения, активным наделением войсковой землей офицеров и чиновников, ростом количества отводов под прииски и другие несельскохозяйственные нужды. По характеристике С.А. Девяткина, «1917 год нашел в этом районе [Оренбургской] губернии, во-первых, обеспеченное землей казачье население, во-вторых, совершенно безземельное крестьянство, вселившееся в станицы и поселки, в-третьих, крестьянские поселки, осевшие на офицерских участках на праве купли и аренды земли, в-четвертых, крупных и мелких частновладельцев казачьего и неказачьего сословия, и, наконец, войсковые запасные земли, земли монастырей, городов и других учреждений» [1, с.123].

В военное время и по мере возвращения казаков с фронта земельные противоречия воспринимались острее в связи со сложностями организации продовольственного дела и снабжения населения товарами первой необходимости. Уже в сентябре 1917 г. Чрезвычайный Войсковой круг принял решение передать «все дела продовольствия на казачьей территории от губернской продовольственной управы в руки войскового самоуправления... просить Временное правительство отпустить войску кредиты на продовольственное дело и сделать распоряжение промышленным комитетам об отпуске казачьему самоуправлению фабрикатов». Несколько месяцев спустя самовольный вывоз хлеба и продажа скота за пределы войска были запрещены. Были установлены твердые цены на хлеб, началось создание «дружеских артелей» взаимопомощи в обработке и уборке полей [4, л.67, 100 об.,101; 6, л.124–125].

Первые попытки сформулировать принципы новой внутривойсковой аграрной политики предпринял в апреле 1917 г. Первый Войсковой круг. Было признано необходимым отчуждение всех находящихся в границах войска офицерских участков (частично уже проданных), частновладельческих и монастырских земель в пользу казаков, занимающихся земледелием. Однако стремление вернуть попавшие в «чужие руки» войсковые земли лишь декларировалось, решение же вопроса откладывалось до созыва Всероссийского Учредительного собрания. Пока же Войсковой круг сформировал войсковую земельную комиссию и земельные управы на местах. Для сбора сведений о землепользовании газета «Оренбургский казачий вестник» с июля 1917 г. начала печатать подробную земельную анкету (около 130 вопросов), «чтобы всякая войсковая нужда и потребность в земельных отношениях была показана и принята во внимание» [8]. Первый Войсковой круг постановил принять меры к устранению дальнотерриториальности и чересполосицы (традиционной проблемы казачьего общинного землепользования), для чего решил полевые земли для каждого казака отводить не раздроблено, а в одном месте. Желательной формой землепользования была признана «мелкообщинная», ведущая к кооперации труда в сельском хозяйстве. В земельных анкетах казаки предлагали свои варианты, например, выделение на хутора или продление срока передела земли до 50 лет [9]. Стремление не допустить частного владения землей сочеталось с желанием разрушить общинную форму землепользования. Первый Войсковой круг постановил выбор форм передать на усмотрение поселкам. В ходе обсуждения некоторые депутаты высказались против уравнения в правах по землепользованию женщин с мужчинами, за что агроном К.Л. Каргин назвал их «деспотами», а Войсковой круг в итоге утвердил равные права на землю для обоих полов [4, л.36 об.].

В октябре 1917 г. конференция казаков Юго-Западного фронта обсудила принятые Войсковым кругом документы. В решениях конференции говорилось: «Все земли казачьего войска, леса, рыболовные воды и прочие угодья со всеми недрами как историческое достояние казачества, состав-

ляющее неотъемлемую и неприкосновенную собственность каждого данного казачьего войска, должно быть сохранено». Конференция одобрила требование возвращения войску частновладельческих земель, выделенных из войсковой территории высочайшими повелениями (офицерских, чиновничьих, помещичьих и др.). Казенные, удельные, кабинетные, монастырские, церковные земли, находящиеся на войсковых территориях, также должны быть возвращены в собственность казачьих войск на основе общего принципа отчуждения земель в пользу трудящихся масс. Крестьянские же земли, расположенные на территории казачьих войск, рекомендовано было оставить в распоряжении тех, кто их обрабатывал [10].

Незавершенность политических решений по крайне важному для большинства населения страны вопросу в условиях начинавшегося вооруженного противостояния непосредственно влияла на ситуацию в деревне. На местах казаки не дожидались Учредительного собрания и явочным порядком захватывали офицерские и частновладельческие участки. Слухи о непосильном налогообложении чуть не сорвали весенний сев. Комиссариат земледелия при Челябинском Совете крестьянских, рабочих, казачьих и армейских депутатов вынужден был даже опубликовать 16 мая 1918 г. в «Известиях» Совета воззвание: «Товарищи трудовые крестьяне, казаки и мусульмане! В деревне распространяются нелепые слухи о несообразных налогах, которыми будто бы хотят обложить народ... лишь бы нарушить спокойствие деревни, лишь бы вызвать в ней волнение... Народное волнение отзовется на посевах, вызвав недосев хлеба, а в результате голод, причиной которого окажется Советская власть и закон о социализации земли. Будьте тверды, товарищи, и спокойно смотрите вперед, ведь мы только организуемся, а организация нового строя – дело не легкое, а, главное, требующее продолжительного времени. Хозяйство народное у нас расстроено, никакого учета ему не велось, теперь приходится все учитывать и производить в стройную систему... Жизнь учимся мы и приближаемся к истине. Не верьте слухам и спокойно принимайтесь за посев» [7, л.71].

Много конфликтов возникало при проведении землеустроительных работ, разделе земли между поселками. Прошения и заявления по этому поводу поступали в адрес Войскового круга от жителей станиц Павловской, Травниковской, Нижнепавловской, Дедуровской и других. Осенью 1918 г. острые дебаты развернулись на заседании Троицкого уездного съезда Советов. Часть делегатов требовала немедленного исполнения приказа А.И. Дутова о том, что отобранные у кулачества и переданные беднякам земли должны быть возвращены обратно с посевом. После того как 48 из 72 делегатов в знак протеста покинули заседание, съезд не принял никакого решения и прекратил работу [12, л.16].

Земельная комиссия ОКВ вынуждена была признать немедленную реформу общевойсковой масштаба единственным выходом из создавшегося положения. Предложено было сначала провести тщательное обследо-

вание земель, но оно могло затянуться на десятилетия (подобное обследование, начавшееся в 1900 г., не было закончено и к 1914 г.). На своих заседаниях 21–26 сентября 1918 г. земельная комиссия Чрезвычайного Войскового круга ОКВ заслушала доклады Войскового правительства по аграрному вопросу, о работе почвенной экспедиции, об утверждении и штатах войсковой, окружных и станичных земельных комиссий, о возвращении в собственность войска доступа к меновому двору и земель, остающихся свободными вследствие сужения караванной и солевозной торговли, доклады по оброчному и землеустроительному отделам.

Комиссия предложила различие землепользователей скорее по классовому, чем по сословному признаку: «Земли, находящиеся в мелком крестьянском владении (купчие земли), требуют общегосударственного решения. Оставление наших земель за теми, кто их использует действительно личным трудом, является мерой справедливой, тем более что земля досталась им не даром и спекулятивного дохода с нее не извлекают... Все офицерские участки, монастырские и частновладельческие земли необходимо теперь же передать в войсковой земельный фонд, из которого казаки малоземельных станиц могли бы получить в аренду соответствующие местным земельным нормам участки на особо льготных условиях». Аренда на особо льготных условиях предполагалась для платежеспособных казаков. Земельная комиссия попыталась также преодолеть препятствия домохозяевам в выходе на хутор, предложив передавать частновладельческие земли станичным обществам не сплошным массивом, а сразу разбив их на хутора. Надеялись, что это даст возможность предприимчивым казакам сразу рационально вести хозяйство, которое будет показательным для остального населения. И лишь «в крайнем случае, в силу естественных условий» предполагалось возможным оставить эти земли для общинного землепользования или для прирезки станичным обществам, что могло отвечать интересам «малодостаточных» казаков [2, с.12–14].

29 сентября 1918 г. Чрезвычайный Войсковой круг ОКВ утвердил «Обязательное постановление №2 Войскового правительства от 22 августа 1918 года о праве и порядке пользования землею на 1918–1919 года на территории Оренбургского казачьего войска». Находящиеся на территории войска частновладельческие и монастырские земли безвозмездно отчуждались, поступали на учет станичных правлений и становились запасом для первоочередного наделения нуждающихся по установленной норме. Преимущество отдавалось «лицам, обрабатывающим землю личным трудом». Арендная плата за излишки земли сверх душевой нормы должна была поступать войску. По заявлению бывших частных владельцев или арендаторов земли в их распоряжении оставлялось необходимое (в пределах общевойсковой душевой нормы) для посева, покоса и других хозяйственных надобностей количество земли – «под страхом ответственности за неиспользование» оставленной земли по назначению. Такая же ответственность возлагалась на всех получивших от станичного правления

землю для обработки. Станичное правление наблюдало за установлением на этих землях правильного севооборота. Монастырям отводилось по 100 десятин казенной нормы. Без последующего наделения предполагалось отчуждать участки земли, принадлежавшие подданным воюющих с Россией держав неславянского происхождения, включая «болгар – не русских подданных». Если бывшие собственники земли были нетрудоспособны, не имели средств к существованию и не получали душевых наделов, им полагалось пособие из войсковых средств (для чего предполагалось учредить особый отдел призрения при Войсковом правительстве). Войсковой земельный фонд – вплоть до окончательного решения о землеустройстве – решено было использовать путем сдачи в аренду не более чем на три года, в первую очередь – казакам до пяти десятин «на наличные души мужского и женского пола по местным нормальным арендным ценам, установленным войсковым правительством», а из оставшегося фонда – разночинцам с торгов [5, л.2–2 об., 6–6 об.].

Наделение земель «иногородних» и разночинцев ставилось в зависимость от потенциальной возможности зачисления их в войсковое сословие. Для этого «Временное положение о самоуправлении войска» делило разночинцев на 5 категорий. Временно проживавшие в станицах без оседлости (1-я категория) не наделялись землей. Коренные разночинцы, имевшие оседлость в станицах (2-я категория) или проживавшие в станицах на правах аренды (3-я категория), наделялись землей по их ходатайству после принятия местным казачьим обществом в казачье сословие и утверждения Войсковым кругом. Проживавшие на собственных землях (4-я категория), если их размер был больше общевойсковой нормы, могли наделяться дополнительными участками только Войсковым кругом по отзыву станичных обществ в особом протоколе. В таком же порядке наделялись землей «иногородние», проживавшие на свободных войсковых землях на правах арендаторов (5-я категория). Решение о наделинии землей «иногородних» зависело и от отношения к большевикам: сочувствовавшие Советской власти могли лишиться земельного участка. Открытым остался вопрос об установлении порядка и размера взимания с разночинцев посаженной платы за земли казачьи, занятые усадьбами, гумнами и огородами [5, л.2–2 об.].

Обязанность разбирать споры, а также разрешать все другие вопросы, связанные с проведением земельной реформы, Войсковое правительство возлагало на местные земельные комиссии. 29 сентября 1918 г. Войсковой круг утвердил «Положение о земельных комиссиях в Оренбургском казачьем войске». Войсковые и окружные земельные комиссии создавались при Войсковом правительстве. Функции станичных земельных комиссий исполнялись станичными правлениями. В составе войсковой земельной комиссии – председатель (член Войскового правительства), начальники отделов Войскового правительства (агрономического, землеустроительного, оброчного, лесного, горного, статистического, юридического), представитель от почвенной экспедиции, три представителя от Войскового

круга (по одному от каждого округа), чиновник особых поручений при Войсковом правительстве и назначенный Войсковым правительством секретарь (докладчик, участвующий в работах с правом совещательного голоса). По желанию в заседаниях могли участвовать члены Войскового правительства и окружные атаманы с правом решающего голоса. С правом совещательного голоса на заседания комиссии могли приглашаться «сведущие лица». Войсковая земельная комиссия руководила и контролировала деятельность окружных комиссий, рассматривала жалобы с мест, разрабатывала инструкции, проекты и заключения по земельному вопросу. Аналогичную структуру и функции (по отношению к станичным комиссиям) имели окружные земельные комиссии. Их основной задачей становилось доведение до мест решений войсковой земельной комиссии и урегулирование споров и недоразумений между отдельными лицами и обществами, возникающих на почве пользования и владения землей (по принципу третейских судов – «примирительных камер»), а также «приостановление действий частных лиц, направленных к обесценению земельных и сельскохозяйственных имуществ», вплоть до изъятия в случае необходимости таких имуществ из распоряжения частных лиц. Первой инстанцией по разрешению земельных споров между частными лицами являлись станичные комиссии, их решения можно было обжаловать в окружной комиссии в недельный срок. Члены земельных комиссий должны были работать бесплатно, жалование полагалось только секретарям (600–700 руб. в месяц) и машинисткам (380 руб. в месяц), представители Войскового круга в войсковой комиссии и окружного съезда в окружной комиссии обеспечивались суточными и прогонными деньгами. Для борьбы с захватами офицерских земель и самовольный распашкой войсковых оброчных земель предлагалось расширить штат смотрителей (с 9 до 40) «для окарауливания оброчных статей, рек, озер от самовольных хищнических пользований» [5, л.2–4, 7–9]. Особенно усилились такие захваты весной 1919 г., правительство Колчака вынуждено было даже временно признать захватчиков арендаторами [13, л.81].

Надеждам на Учредительное собрание не суждено было оправдаться. Принятый 14 февраля 1919 г. закон «О социалистическом землеустройстве и мерах перехода к социалистическому земледелию» оставит бывшие войсковые земли в пользовании трудящихся, оседло проживающих на войсковых территориях, занимающихся сельским хозяйством лиц и общин по нормам и в порядке, указанном в законе [3]. До окончательного землеустройства войсковые запасные земли и бывшие частновладельческие, офицерские, церковные и прочие участки должны были поступить в ведение войсковых земельных комитетов для распределения между нуждающимися.

6 апреля 1919 г. заседавший в Троицке (с февраля по июль) Войсковой круг изменил резолюцию о земле в духе защиты «интересов трудового казачества»: «Все офицерские и частновладельческие, бывшие офицерские

участки и земли монастырские, отчужденные ранее на территории войска, взять на учет и считать входящими в общинную собственность казаков области войска Оренбургского». Бывших собственников решено было наделить из их же участков душевым наделом по «общеказачьей норме» 30 десятин. Большая часть проданных офицерами участков (200 тыс. дес.) попала в руки не крестьян, а скупщиков, иностранцев, промышленников, скотовладельцев. Казачество потребовало возвращения этих земель общине. Круг объявил о решении «уничтожить частное владение землей свыше установленной трудовой нормы». Вопрос об иностранных подданных должны были решить центральные органы власти [11, с.3, 321–324].

Сама постановка земельного вопроса в отношении казачьего населения предполагала принятие широкого круга решений – о статусе земельных владений казачьих войск, порядке землепользования, нормах земельного казачьего пая, судьбе офицерских и частновладельческих участков, претензиях на землю проживавших на войсковой территории лиц невойскового сословия («киногородных»). Однако за два года весьма активного для условий вооруженного противостояния внутривойскового законотворчества политика войсковой верхушки не получила четкого оформления. В крестьянской стране с воюющим населением четкая и последовательная землеустроительная политика приобретала особую актуальность. Решения же войскового представительства оренбургских казаков по земельному вопросу оказались временными, излишне дискуссионными, чтобы стать, например, лозунгом антибольшевистского сплочения, обещания – неопределенными, как и перспективы их быстрой и беспрепятственной реализации.

Источники и литература

1. *Девяткин С.А.* Землепользование // Сельскохозяйственные районы и земельные нормы Оренбургской губернии / под ред. Л.Л. Ловырева. Оренбург: Оренполиграфпром, 1927. 267 с.
2. Доклад Войскового правительства Оренбургского казачьего войска 19 сентября чрезвычайному войсковому кругу. [Б.м.]: [Б.и.], 1918. 197 с.
3. Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 1919. 14 февраля.
4. Объединенный государственный архив Оренбургской области (ОГАОО). Ф.1912. Оп.1. Д.7.
5. ОГАОО. Ф.1912. Оп.2. Д.102.
6. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). Ф.596. Оп.1. Д.222.
7. ОГАЧО. Ф.596. Оп.1. Д.266.
8. Оренбургский казачий вестник. 1917. 12 июля.
9. Оренбургский казачий вестник. 1917. 1 октября.
10. Оренбургский казачий вестник. 1917. 28 октября.
11. Протоколы заседания 3-го очередного Войскового круга Оренбургского казачьего войска. Троицк: [Б.и.], 1919. 479 с.

12. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.106. Оп.3. Д.558.
13. РГВА. Ф.106. Оп.3. Д.613.

Land management projects of the Orenburg military
Cossack self-government in 1917–1918

T.K. Makhrova
South Ural State University
Chelyabinsk, Russian Federation

The article deals with the problems of solving the land issue in Russia during the period of revolutionary confrontation in 1917–1918. Of interest are the positions of all groups of the population, taking into account their estate, class, national composition, including the specific military-agricultural estate, which has a land fund assigned to the army, and the experience of self-government. The contradictory position reflected the desire to maintain control over the military territory in their own interests and to independently formulate the principles of “labor land use” that were relevant in the new conditions, with an undetermined nationwide position at that time.

Keywords: Orenburg Cossack army, military circle, land use, military land commissions.

For citation: Makhrova T.K. Land management projects of the Orenburg military Cossack self-government in 1917–1918. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 2, pp.62–69. (In Russian)

Информация об авторе:

Махрова Татьяна Кимовна – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права, трудового права Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета) (Челябинск, Российская Федерация); e-mail: lotto@list.ru

Makhrova Tatyana Kimovna – Dr. Sci (history), Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law, Labor Law, South Ural State University (National Research University) (Chelyabinsk, Russian Federation).

Нагайбаки в эмиграции

Р.Р. Аминов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

Настоящая статья посвящена истории нагайбаков, не принявших власть Советов и оказавшихся впоследствии на территории Китая и других соседних государств. Исследуются вопросы социально-правового положения нагайбаков, их адаптации в новых условиях. Нагайбаки были расселены в китайских провинциях и на пограничных с ними территориях крайне неравномерно, что не способствовало их сплочению и оформлению территориальных общин. Особое внимание уделяется судьбе Н.И. Бектеева, оставившего заметный след в истории русской эмиграции в Китае.

Ключевые слова: нагайбаки, эмиграция, Н.И. Бектеев, Тяньцзин, Синьцзян.

Для цитирования: Аминов Р.Р. Нагайбаки в эмиграции // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №2. С.70–79.

Как известно, одними из плодов Первой мировой войны стали социально-политические катаклизмы в России: революции 1917 г. и Гражданская война. Последняя породила такое явление, как массовая российская эмиграция, в том числе и казачья.

В ноябре 1917 г. в так называемом дутовском мятеже участвовали нагайбаки станиц Кассельская и Остроленская. Одна из причин участия нагайбаков на стороне Дутова могла заключаться в происхождении жены атамана (Александра Васильева была нагайбачкой из Остроленской станицы), именно поэтому у нагайбаков Дутов пользовался особой популярностью [1, с.47]. Супруга атамана Дутова после его смерти переехала в китайский город Тяньцзин и жила там [3, с.101].

Нагайбаки пос. Париж разделились в своих взглядах на ситуацию в период Гражданской войны. В частности, есть сведения, что зажиточная часть парижан поддержала дутовцев, а бедная, напротив, встала на сторону красных, возглавляемых братьями Кашириными, а также В.К. Блюхером. Нагайбаки пос. Кассель в целом были на стороне белых, среди красных касселевцев отметим А.П. Ишимова, который вовремя предупредил Каширина о положении дел в Касселе. Послевоенный голод 1920-х гг. серьезно осложнил ситуацию в нагайбакских селах. К примеру, смертность в пос. Кассель доходила до 15 чел. в день, к тому же деревню охватила эпидемия тифа. По рассказам нагайбаков, многим из них пришлось уйти с Дутовым в Китай [3, с.101, 104].

По мнению историка Олега Ратушняка, мотивы ухода казаков за рубеж были различны. Одни казаки вынужденно стали эмигрантами, боясь

репрессий большевиков, другие же ушли, поддавшись эмоциям, ну и наконец, небольшая часть эмигрировала с целью воссоединиться с родными [16, с.156].

Интересны судьбы отдельных нагайбаков. Так, по словам краеведа Светланы Вдовиной, ее дед предпочел остаться и принять новую власть. Дядя Нины Ишмекеевой (пос. Париж) – Тимеев состоял в армии Дутова и дошел с ним до китайской границы, где был застрелен [3, с.102].

Стоит отметить, что большая часть представителей офицерской династии нагайбаков Альметьевых приняла Советскую власть и не оказалась в числе эмигрантов. Единственным обнаруженным нами эмигрантом из данного знатного рода является Альметьев Николай Михайлович (1872–1938). В 1918 г. он занимал должность начальника казачьего и инородческого отдела штаба Оренбургского войскового округа, был в составе генерального штаба Юго-Западной армии, участвовал в так называемом голодном походе 1919 г., к истории которого мы еще вернемся. Позднее, как и многие выжившие участники данного похода, он оказался в эмиграции в Китае. В 1920 г. в Синьцзяне принял участие в формировании войск бригады Брянцева, которая создавалась с целью нападения на СССР, кроме этого выясняется, что Николай Михайлович дал поручение офицеру Бектееву обратиться к германским и японским консулам за помощью оружием и деньгами. Есть также сведения, что Альметьев в 1935 г. разведчиком Ширмером привлекался как шпион германской разведки. 6 июня 1938 г. он был арестован НКВД Узбекской ССР и обвинялся в том, что с 1917 г. по день ареста был одним из активнейших участников контрреволюционной белогвардейской организации [4, с.89].

Казачи другой нагайбакской офицерской династии Бектеевых также были в числе эмигрантов. Одним из них являлся Георгий Бектеев (умерший около 1952 г.) [4, с.112], но о его судьбе известно крайне мало. Куда больше информации о Николае Ивановиче Бектееве, к судьбе которого мы вернемся позднее.

В этой связи нельзя не сказать, что в открытых источниках нами обнаружена информация о том, что знаменитый полковник Оренбургского казачьего войска Гавриил Васильевич Енборисов по происхождению нагайбак. Кроме того, ошибочно утверждение, что пос. Арси, в котором проживал Енборисов, был образован нагайбаками. В фамилии Енборисов есть тюркская основа, имя Енборис, или Янборис, несомненно, тюркского происхождения, но наш опыт изучения ревизских сказок и метрических книг поселений нагайбаков показывает, что в них не встречаются персоны с фамилией Енборисов, или Янборисов, учитывая, что фамилии нагайбаков получили распространение еще в первой половине XIX в. Не остается никаких сомнений в том, что Енборисов не имеет никакого отношения к нагайбакам, но не исключено, что его далекие предки когда-то были крещены, и род развивался обособленно от нагайбаков в русской среде [7].

За счет отхода остатков белой армии, гражданского населения и казаков в Китай в 1917–1922-е гг., можно говорить о русской колонизации. И.В. Чапыгин выделяет три волны данных миграций. Первую он датирует концом 1919 – началом 1920 г. (кризис Омского правительства, его падение и прибытие каппелевцев в Забайкалье), вторую – октябрём 1920 г. (время падения власти атамана Семенова в Забайкалье) и, наконец, третью – концом 1922 г. [22, с.35].

В конце декабря 1919 г. 11-й Оренбургский казачий полк (ОКП) в составе отходящих войск армии адмирала Колчака оказался в пределах г. Красноярск [8, с.48]. Месяцем ранее начался так называемый ледяной поход, в ходе которого менее чем за четыре месяца (с 14 ноября 1919 г. по 11 марта 1920 г.) был совершен почти 2500-километровый конно-пеший переход от Барнаула до Читы. В данном героическом событии участвовали и нагайбаки [11, с.126].

11 марта 1920 г., в последний день перехода к Чите, штаб 11-го ОКП и его сотни расквартировались в близлежащих деревнях. Всех больных, которых было около половины, разместили в госпитале г. Чита, а здоровых после небольшого отдыха призвали к исполнению священного долга для борьбы с большевиками. Через пару дней полк перекинули на Амурскую железную дорогу для продолжения данной затянувшейся борьбы. Так закончилась эпопея ледяного похода по Ангаре, Лене через Байкал казаков 11-го ОКП и 3-го Барнаульского стрелкового полка. Больше двух месяцев эти военные части находились в непрерывном движении, оказавшись в итоге в Забайкалье [8, с.80, 81, 83–84].

В марте 1920 г. оренбуржцы в составе отряда генерала Бакича, входившего в Семиреченскую армию атамана Анненкова, насчитывавшую более чем 10 тыс. чел. без учета беженцев, оказались прижатými красными частями к китайской границе вблизи г. Чугучак. Нагайбаки, а вместе с ними и другие оренбуржцы (1600 чел.) во главе с новоиспеченным губернатором Семиреченской области А.И. Дутовым перешли русско-китайскую границу и были интернированы у г. Кульджа. Все данные воинские соединения вкүпе с примкнувшим к ним гражданским населением к 1922 г. были окончательно распределены: часть вернулась домой, часть офицеров, солдат и казаков ушла на Дальний Восток, часть разъехалась по городам Китая: Шанхай, Харбин, Тяньцзин и Пекин [22, с.35–36].

6 февраля 1921 г. в г. Суйдун был убит атаман А.И. Дутов. Данная весть быстро распространилась среди казаков, находившихся как в Западном Китае, так и на Дальнем Востоке. По результатам собрания оренбургских казаков в г. Харбин от 1 марта, было принято решение назначить на вакантный пост Н.С. Анисимова, который должен был вести сложную работу по объединению находящихся вдали от Родины казаков ОКВ, взяв на себя ответственность за них [6, с.146–147]. Позднее стал известен факт необоснованной растраты Н.С. Анисимовым денежных средств из войсковой казны, что послужило причиной его отстранения от занимаемой

должности. 16 февраля 1923 г. оренбургскими казаками в качестве войскового атамана ОКВ за рубежом был избран генерал И.Г. Акулинин, который узнал о своем назначении лишь в июне 1923 г., так как на момент своего избрания он находился в Париже [17, с.180].

В китайских провинциях оставались тысячи военных и гражданских беженцев, неуверенных в своем будущем, так как их правовое положение требовало корректировки [15, с.102].

Надо отметить, что российская эмиграция в Китай, в том числе и казачья, оказалась значительной. Есть данные, что там обосновалось до 250 тыс. россиян, основной контингент которых расположился в Маньчжурии, Харбине, Шанхае и других близлежащих районах. Доля казаков среди бывших российских граждан, эмигрировавших в Харбин до 1923 г., составляла примерно 15%. Общее же количество казаков-эмигрантов, осевших в Китае, приближалось к 25 тыс. чел. [18, с.73].

Нас прежде всего интересует численность оренбургских казаков, осевших на территории Китая. В 1923 г. на заграничной территории Дальнего Востока проживало свыше 5000 оренбургских казаков-эмигрантов, из которых 1200 чел. осели в Кульдже, 800 чел. – в Маньчжурии, 700 чел. – в лагере в Сайдине, по 500 чел. обосновались в Харбине в полосе отчуждения КВЖД, а также в лагере в Гучене, 150 чел. – в лагерях Гирина, еще меньше – 100 чел. – в лагере Чань-Чуня, в лагере Южсина было 50 чел. и т.д. [23, с.60–61]

Несомненно, чтобы управлять всей этой массой, необходимо было создать определенные организации, что не заставило себя ждать. Осенью 1922 г. был создан «Союз казаков на Дальнем Востоке», который возглавил атаман Семенов. «Союзу казаков» подчинялись и казачьи станицы, образованные в Харбине, в частности Оренбургская казачья Дальневосточная станица и другие станицы на восточной линии КВЖД. Главными задачами «Союз казаков» ставил следующие: свергнуть коммунистический режим, установить в России законность и порядок, и, наконец, сообразности защите интересов казаков и закрепить их права в будущем государстве [23, с.72–74].

В некоторых китайских областях наблюдалось превалирование казаков определенного войска. В частности, в провинции «Трехречье» практически в абсолютном большинстве преобладали казаки Забайкальского войска [2; 18, с.73]. Кроме Трехречья, нами не обнаружено областей, которые были бы населены конкретными казаками того или иного войска.

Помимо Трехречья и Харбина русская община формировалась и в провинции Северо-Западного Китая – Синьцзян. В составе так называемой русской диаспоры были не только этнические русские, но и евреи, узбеки, киргизы, казахи и другие народы. Пестрый этнический состав способствовал и конфессиональному разнообразию – мусульмане, иудеи, баптисты, католики и старообрядцы [12, с.43].

В начале 1920-х гг. вышел ряд указов, заметно ограничивавших права русских эмигрантов в Китае. В частности, русским адвокатам запрещалось вести дела в китайских судах, теперь дела эмигрантов из СССР являлись прерогативой сугубо китайских судей и адвокатов [15, с.104–105]. Кроме этого, 23 сентября 1920 г. властями Китая был издан закон, согласно которому упразднялись российские дипломатические консульские учреждения. Таким образом, все русские, находящиеся в Китае, были подчинены юрисдикции местных законов [10, с.161].

На примере Шанхая мы можем наблюдать, что, несмотря на выход ряда указов, ограничивающих в правах русское население Китая, в целом такое положение не ущемляло их свободу. Так, они получали право работать там, где хотели, иметь движимое и недвижимое имущество, собственные госпитали, школы, храмы, подтверждалась свобода слова и печати, а также созыв различного рода собраний и образование общественных организаций. Эмигрантов допускали и к выборам муниципального совета – по сути дела правительства г. Шанхай [10, с.163].

Возвращение казаков на Родину осложняла политика советских властей, которые 5 января 1922 г. опубликовали декрет от 15 декабря 1921 г. «О лишении прав гражданства некоторых лиц, находящихся за границей» [14, с. 198].

Оренбуржцы, в их числе и нагайбаки, находясь вдали от Родины, кроме казачьей службы зарабатывали на жизнь, будучи занятыми поденными работами, извозом, лесозаготовками, строительством, земледелием и скотоводством, охотой и рыболовством, торговлей, служили в частных государственных учреждениях [23, с.62]. В то же время, несмотря на обустроенность казаков, есть сведения о том, что в июне 1927 г. в Тяньцзине (русской колонии), где проживало порядка 7 тыс. чел., были лица, необеспеченные, немалая часть которых была представлена казаками. Сложная ситуация с трудоустройством спланивала казаков – они объединялись в артели носильщиков и грузчиков, работали на черновой работе, заменяя на этих вакансиях китайцев, некоторые из эмигрантов попрошайничали [10, предисловие, с.5; 17, с.204].

Заметно облегчала жизнь нагайбакам-эмигрантам деятельность различного рода организаций, таких как, к примеру, основанный в январе 1923 г. Харбинский комитет помощи русским беженцам (ХКПРБ), задачами которого были: обеспечить беженцев бесплатным питанием, оказать им необходимую юридическую и медицинскую помощь, а также содействовать в трудоустройстве и предоставлении общежития [14, с.199].

Некоторые из нагайбаков вполне успешно существовали в чужой и незнакомой для них среде. Так, Азарий Иванович Леонтьев в Китае сумел сколотить состояние, открыв часовую мастерскую и ювелирный магазин. Примечательно, что он вернулся на Родину только в 1957 г. Есть данные, что решившие вернуться раньше Леонтьева погибли в НКВД. Азарий Леонтьев сумел привезти с собой некоторую часть своего состояния, вшив в

одежду золотые украшения, всем своим родственникам он раздарил часы [3, с.102].

Въезд в СССР был довольно проблематичным. Эмигранты могли получить заграничные виды и свидетельства на возвращение домой только после восстановления их в правах ЦИК СССР. В случае же желания эмигранта получить гражданство ему следовало прожить в Китае не менее пяти лет, обладать имуществом, а также работой, которая беспроблемно позволяла бы ему жить на территории государства. Позднее, во 2-й половине 1920-х гг., российские беженцы обязаны были прописываться по месту своего жительства, которое выдавали на разные сроки: три месяца, полгода, год [15, с.155, 190, 197].

Государственный переворот в Синьцзяне 1933 г., осуществленный силами бывших русских белогвардейцев 12 апреля, казалось бы, заметно должен был укрепить авторитет белогвардейцев во внутривосточной жизни провинции [5, с.19–20]. Но не все так однозначно.

Несмотря на все тяготы эмигрантской жизни, отношение российских эмигрантов к демобилизации носило негативный характер. В частности, генерал Н.И. Бектеев в 1934 г. заявил: «Трехлетняя война в Синьцзяне легла тяжелым бременем на плечи русских. За это время русские нажили себе много врагов внутри Синьцзяна. Сейчас эта война закончена. Часть русских распускается по домам. Встает вопрос, каким путем русские, уходящие по домам, смогут обеспечить себе безопасное проживание. Опыт 14-летнего нахождения в Синьцзяне говорит за то, чтобы русские, пользуясь своим настоящим положением, могли получить и обеспечить заслуженные права. Нужна гарантия безопасности. Я, выражая свое мнение от всего командного состава и рядовых, считаю, что для русских в таких городах, как Кульджа и Чугучак, необходима своя милиция. Без собственной милиции, без оставления части оружия у демобилизуемых русские могут подвергнуться опасностям со стороны своих врагов» [15, с.365–366].

В 1934 г. произошел так называемый Чугучакский инцидент, суть которого состояла в том, что находившиеся в городе русские части были незаконно разоружены по приказу командующего войсками Китая генерала Джао. Эмигранты полагали, что в отношении китайцев будут предприняты какие-либо санкции, но этого не последовало [5, с.20].

Ситуация достигла апогея 10 ноября 1934 г., когда в ходе банкета у дубаня (высшее должностное лицо с военно-административными функциями), проведенного по случаю возвращения Русского отряда с места боевых действий, произошел интересный случай, наглядно демонстрирующий отношение к русским эмигрантам: так, при входе в зал генерал Николай Иванович Бектеев был обезоружен охраной дубаня в присутствии своих же офицеров и гостей мероприятия, последовавшие вслед извинения дубаня – Бектеева не устроили. Покидая зал, он оставил свой маузер и намеренно при всех присутствующих, сказал: «В дни осады я ежедневно являлся в Ямынь к дубаню в полном вооружении, и никто тогда меня не

обезоруживал». Кроме этого, он дал слово не брать больше в руки оружие, вернув его дубаню, а также не надевать военную форму, тем самым он дал понять, что в период опасности его признавали, а теперь китайские власти начали забывать его заслуги [5, с.20–21].

Созданное японскими властями в 1934 г. Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ) ставило целью улучшить экономическое положение русских. С началом Великой Отечественной войны в 1941 г. была введена карточная система на получение продовольственных и промышленных товаров. Любые организации: банки, фирмы, частные фабрики, мастерские, как русские, так и иностранные – необходимо было зарегистрировать в Бюро [9, с.70].

В неблагоприятной обстановке находились нагайбаки Харбина, где осуществлялась тотальная слежка, процветали доносы и следовавшие за ними допросы и пытки. При БРЭМ был образован переселенческий отдел под руководством хорунжего М.Н. Гордеева, в задачи которого входило устройство эмигрантских поселков в глухой провинции, где переселенцы занимались охотой, земледелием, скотоводством. Харбин таким образом вычищался от эмиграции. Данный план был осуществлен и в таежных районах Восточной линии (КВЖД). В начале 1930-х гг. значительно окрепли позиции Г.М. Семенова. Большая часть русских эмигрантов в Китае в конце 1930-х – начале 1940-х гг. проявляла лояльность к японским властям или же оказывала формальное сопротивление, уклоняясь от воинской службы в Квантунской армии. Покинув Маньчжурию, они оказывались в южных и юго-восточных районах Китая, в некоторых случаях – в других странах [20, с.187–194].

Участие русских эмигрантов во внутренних делах в провинциях сводилось к отстаиванию своих прав. 19 мая 1934 г. было образовано Русское экономическое общество (РЭО). Председателем данной организации стал генерал-лейтенант Н.И. Бектеев, полковник И.В. Глушков стал его заместителем, а секретарем РЭО назначили подполковника Л.Н. Аллеманова [15, с.369].

С началом Второй мировой войны положение эмигрантов резко изменилось и отнюдь не в лучшую сторону: исчезли многие центры российской эмиграции в Азии и Европе, последовали новые исходы казаков уже из Китая в другие страны мира, в их числе были и нагайбаки. Таким образом, казакам пришлось вновь приспособиваться к совершенно иным условиям существования в США, Австралии, странах Латинской Америки [19, с.256–257; 21, с.80]. Особняком стоит ситуация в Харбине, где в августе 1945 г. начались аресты местных жителей сотрудниками контрразведки СМЕРШ (смерть шпионам – *Р.А.*). В общей сложности из 36 тыс. 711 русских, учтенных БРЭМ к 1 октября 1942 г., порядка 15 тыс. арестовали в августе-сентябре 1945 г. Новые власти Китая были категоричны в отношении русских эмигрантов: ущемляли в жилплощади, снабжении топливом и продовольствием. После выхода в 1954 г. указа советского правительства, кото-

рый разрешал эмигрантам вернуться в СССР при условии участия в освоении целинных земель, русские покидали Харбин [9, с.71–72].

Подытоживая, отметим, что, оказавшись на территории Китая, оренбургские казаки стали заложниками своей судьбы. Возвращение домой означало верную смерть, многие из них это понимали. Новая власть не была заинтересована в возвращении и нахождении контингента, который выступил против большевистского режима. Получившие гражданство в Китае и устроившие более или менее свою жизнь, нагайбаки и сами не хотели возвращаться в родные пенаты, где не было уверенности в завтрашнем дне.

В новых условиях некоторые из нагайбаков сумели достичь определенных высот. Прежде всего имеется в виду Азарий Иванович Леонтьев, сумевший сколотить состояние, благодаря открытию часовой мастерской и ювелирного магазина, но, несмотря на это, вернувшийся на Родину в 1957 г. Китайские власти охотно использовали казаков, имевших опыт военной службы, в налаживании внутривосточных конфликтов, и они неплохо справлялись с возложенными на них обязанностями. Так, Николай Иванович Бектеев являлся одной из знаковых казачьих фигур, обосновавшихся в этой местности.

Несмотря на определенные права, такие как свобода слова, печати, отсутствие запретов при трудоустройстве, нагайбакам было сложно адаптироваться к новым условиям. Казаков, оказавшихся в сложных жизненных ситуациях, поддерживали созданные в 1920-х гг. всевозможные организации, такие как Восточный казачий союз (1923 г.), различного рода комитеты помощи, Харбинский комитет помощи русским беженцам (ХКПРБ), Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжурии (БРЭМ), Русское экономическое общество (РЭО) и т. д. В 1929–1931 гг. эмигрантские общины русских пополнялись также оказавшимися здесь по результатам проведения коллективизации другими казаками. К концу Второй мировой войны большая часть казаков, получивших гражданство Китая, осталась там навсегда, другая часть переселилась поближе к границе с СССР. Усматриваются нагайбаки во второй половине XX в. и в Ханты-Мансийске, в котором они проживают до сих пор. Очевидно, что Вторая мировая война способствовала новой, но гораздо менее значительной по масштабу волне эмиграции.

Источники и литература

1. *Аминов Р.Р.* Татары-казаки Оренбургского казачьего войска в 1917 г. // Народы Поволжья и Приуралья между революциями (1905–1917 гг.): сб. статей. Казань: Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ, 2017. С.44–48.
2. *Аргудяева Ю.В.* Русские казаки в Трёхречье (первая половина XX в.). Благовещенск: Издательство АмГУ; ООО «ИПК «ОДЕОН», 2016. 480 с.
3. *Белоруссова С.Ю.* Динамика этничности нагайбаков в XVIII–XXI вв.: Дисс. ... канд. ист. наук. Екатеринбург, 2017. 304 с.

4. Ганин А.В., Семенов В.Г. Офицерский корпус Оренбургского казачьего войска. 1891–1945: Биографический справочник. М.: Русский путь; Библиотека-фонд «Русское Зарубежье», 2007. 676 с.: ил.

5. Долдин Н.И. Пути земные. Т.2. Илийский край. Жизнь и судьба соотечественников переселенцев с Урала, Алтая, Семиречья в поисках Беловодья, время военных и мирных событий в Илийском крае. Томск: [б.и.], 2016. 221 с.

6. Енборисов Г.В. От Урала до Харбина. Оренбургское казачье войско. М.: Вече, 2014. 288 с.

7. Енборисов Гавриил Васильевич. Википедия. Свободная энциклопедия: [Электронный ресурс] URL: http://ru.wikipedia.org/wiki/Енборисов,_Гавриил_Васильевич (дата обращения: 23.01.2022).

8. Зуев А.В. В борьбе за Родину (Оренбургские казаки в борьбе с большевиками). Харбин: [б.и.], 1937. 136 с.

9. Капран И.К. Условия жизни русских харбинцев в 1930–1940-е гг. // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая: материалы международной научно-практической конференции, посвященной 120-летию русской истории г. Харбина, прошлому и настоящему русской диаспоры в Китае (Харбин, 16–18 июня 2018 г.) / отв. ред. Ли Яньлин, ред. кол.: А.М. Буяков, С.Ю. Еремин, А.А. Забияко, И.К. Капран, М.Б. Сердюк; пер. на кит. яз., лит. ред. Чжоу Синьюй и др. Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2019. С.68–73.

10. Красноусов Е. Шанхайский русский полк // Белая эмиграция в Китае и Монголии / составление, научная редакция, предисловие и комментарии доктора исторических наук С.В. Волкова. М.: ЗАО Центрполиграф, 2005. С.160–373.

11. Мацакова В.М. Великий Сибирский Ледяной поход (к 100-летию трагедии Белой армии) // Гуманитарные проблемы военного дела. 2020. №2 (23). С.126–129.

12. Мецзяков А.Ю., Антропов О.К. Русская диаспора на китайской земле: вариант культурной гибридности // Журнал фронтальных исследований. 2017. №2(6). С.30–58.

13. Мусеев А. Туристический портал Челябинской области. Фершампенуаз у них – столица, а Париж – село: [Электронный ресурс] URL: http://www.карта74.рф/tourism/articles/fershampenuaz_u_nih_stolica_a_parizh_selo/ (дата обращения: 18.03.2022).

14. Наземцева Е.Н. История русской эмиграции в Китае 1920–40-е гг.: эволюция правового статуса // Человеческий капитал. 2012. №5 (41). С.198–205.

15. Наземцева Е.Н. Политико-правовое положение русских эмигрантов в Китае в Китайско-советских отношениях 1920–1949 гг.: Дисс. ... докт. ист. наук. М., 2018. 477 с.

16. Ратушняк О.В. Адаптация казаков-эмигрантов к жизни в зарубежье (1920–1960-е гг.) // Историческая и социально-образовательная мысль. 2014. №6. Ч.2. С.156–158.

17. Ратушняк О.В. Казачье Зарубежье как социально-исторический феномен: образование, структура, проблемы общественно-политической, социально-экономической и культурной жизни (1920–1960-е гг.): Дисс. ... докт. ист. наук. Краснодар, 2017. 533 с.

18. Сергеев О.И. Вторая мировая война и исторические судьбы российской казачьей эмиграции // Россия и АТР. 2021. №4. С.71–81.

19. *Сергеев О.И.* Исход в Китай, исход из Китая: войны первой половины XX в. и российская казачья эмиграция // Вглядываясь в прошлое: Мировые войны XX века в истории Дальнего Востока России. Монография / под ред. д-ра ист. наук, профессора Л.И. Галлямовой. Владивосток: ДВО РАН, 2015. С.256–269.

20. *Худобородов А.Л.* Казачья эмиграция в Манчжурии в период японской оккупации (1932–1945 годы) // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2002. №1. С.186–196.

21. *Худобородов А.Л., Яшина М.А.* Российское казачество на чужбине. 1920–1940-е годы: монография. Челябинск: Край Ра, 2017. 359 с.

22. *Чапыгин И.В.* Дальневосточная российская эмиграция (1920–1930-е гг.): учеб. пособие. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 94 с.

23. *Чапыгин И.В.* Казачья эмиграция в Китае: монография. Иркутск: Изд-во ИГУ, 2014. 171 с.

Nagaibaks in exile

R.R. Aminov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

This article is devoted to the history of the Nagaibaks, who did not accept the power of the Soviets and subsequently found themselves on the territory of China and other neighboring states. The issues of the social and legal status of the Nagaybaks, their adaptation to the new conditions are being studied. The Nagaibaks were settled in the Chinese provinces and on the territories bordering them extremely unevenly, which did not contribute to their unity and the formation of territorial communities. Particular attention is paid to the fate of N.I. Bekteev, who left a noticeable mark on the history of Russian emigration in China.

Keywords: nagaibaks, emigration, N.I. Bekteev, Tianjin, Xinjiang.

For citation: Aminov R.R. Nagaibaks in exile. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 2, pp.70–79. (In Russian)

Информация об авторе:

Аминов Рустем Равилевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); e-mail: rustem_270988@mail.ru

Aminov Rustem Ravilevich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Борьба Красной армии и Уральского казачества в трудах бывших красных командиров

А.М. Дубовиков

*ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет сервиса»
Тольятти, Российская Федерация*

В статье показано отражение событий истории борьбы Уральского казачества против Красной армии в период Гражданской войны в работах авторов, являвшихся непосредственными участниками тех событий со стороны Красной армии. При этом показаны особенности работ, написанных разными авторами в разное время, что позволяет наглядно представить, как изменились традиции освещения событий Гражданской войны в советской исторической литературе в разные исторические периоды.

Ключевые слова: Уральское казачество, Гражданская война, историческая литература о Гражданской войне, Иван Кутяков, Николай Хлебников.

Для цитирования: Дубовиков А.М. Борьба Красной армии и Уральского казачества в трудах бывших красных командиров // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №2. С.80–94.

В советское время ни простой обыватель, ни профессиональный историк не могли ознакомиться с трудами казачьих авторов-белоэмигрантов, а доступ к архивным документам, огласка которых была нежелательна, был ограничен. Поэтому историческая литература о борьбе Красной армии против Уральского казачества слишком «однобока». Она содержит информацию о событиях и называет имена, но о ее объективности говорить не приходится. Тому есть немало причин, главная из которых – идеология, формировавшая негативный имидж белогвардейца – злобного и жестокого защитника интересов «помещиков и капиталистов». Правда, казаков часто делили на богатых и бедных. Конечно же, бедные воевали против зажиточных земляков, которых взяться за оружие заставил страх потери своих богатств. Такая картина не соответствовала действительности, но негативный образ «белого» казака укоренился и в литературе (научной и художественной), и в общественном сознании.

Все советские авторы, писавшие о борьбе Красной армии с Уральским казачеством, были люди пришлые, не имевшие представления о жизни, традициях и нравах уральских казаков. Они не могли понять причину фанатичного упорства, с которым казаки сражались за свою землю с незваными гостями. Д.А. Фурманов был родом из Ярославской, Н.М. Хлебников – из Костромской, Я.А. Володихин и И.С. Кутяков – из Самарской губернии.

Среди советских авторов наибольший интерес представляют непосредственные участники описываемых ими событий, то есть «живые источники». Это Иван Семенович Кутяков [см.: 9, 10], Николай Михайлович Хлебников

[см.: 18]. Так, в числе авторов книги «Легендарная Чапаевская», кроме Н.М. Хлебникова, указаны его соавторы – П.С. Евлампиев и Я.А. Володихин, но вряд ли их участие в написании книги было столь активным. Скорее всего, Хлебников взял в соавторы боевых товарищей, доживших до написания книги, изданной через много лет после описываемых в ней событий. В 1922 г. Д.А. Фурманов написал своего «Чапаева», вышедшего в 1923 г. [17], и десятки раз переиздававшегося только в 20–30-е гг. Но это произведение является скорее художественное, чем научное, а потому рассматриваться не будет.

На момент гибели Чапаева 22-летний Кутяков был командиром одной из двух бригад 25-й дивизии, сменившим Чапаева на этом посту; 24-летний Хлебников – начальником артиллерии той же дивизии; 23-летний Володихин – помощником начальника штаба одной из двух ее бригад; 22-летний Евлампиев – комиссаром одного из полков той же дивизии.

Книга «Легендарная Чапаевская», столь популярная в советские годы, – это типичный образец работ 60–80-х гг. о Гражданской войне [18]. Вступительную статью авторы завершили словами: «Славным зачинателям дивизии – В.И. Чапаеву и Д.А. Фурманову, всем, кто боролся с врагами нашей Родины, под знаменем 25-й Чапаевской, мы и посвящаем наш скромный труд» [18, с.6]. Кого в данном случае следует считать «врагами Родины» – понятно. Но авторы не могли не знать, что считать «зачинателями дивизии» Чапаева с Фурмановым не совсем верно. Фурман (именно такой была настоящая фамилия комиссара) в Красную армию пришел в феврале 1919 г., тогда как Чапаев (до выхода в свет книги Фурманова он носил фамилию «Чеваев») склонил на сторону революции тыловой 138-й полк, стоявший в Николаевске (ныне – г. Пугачев Саратовской области) еще осенью 1917-го. Позже он возглавлял разные отряды Красной гвардии, а в 25-ю дивизию, действительно, пришел с Фурмановым, но Чапаев был уже третьим ее командиром после Захарова и Восканова.

Вряд ли имело место и дружеское прощание Фурманова с Чапаевым, описанное Хлебниковым и соавторами, вложившими в уста Чапаева слова: «Прощай, Митяй, во многих боях мы с тобой были, много горя мы с тобой видели, полюбил я тебя крепко, и жаль расставаться» [18, с.153]. Но сегодня хорошо известно о непростых отношениях командира с комиссаром, вылившихся в острый конфликт. Правда, в «Википедии» сообщается, что к моменту расставания Фурманова с Чапаевым их конфликт уже угасал, а его причиной было ухаживание Чапаева за супругой Фурманова, находившейся при муже [21]. За основу статьи в «Википедии» взята книга П.А. Аптекаря, на которую указывает абсолютное большинство имеющихся там сносок [2]. Но Аптекарь склонен к героизации Чапаева и Красной армии не меньше, чем его советские предшественники. Видимо, в силу симпатии к главному персонажу своего труда, он не включил в книгу отдельные факты биографии своего героя, оставляя лишь позитив, иногда далекий от истины. Чапаев показан героем, талантливым военачальником и, безусловно, положительным персонажем и у другого автора – В.О. Дайнеса в книге с тем же названием [5]. Информацию о Чапаеве собирали и его дети – Александр и Клавдия, посвятившие ему свою книгу, изданную в 1979 г. Их соавтором стал Я.А. Володихин. В 1987 г. вы-

шло 2-е издание этой книги, «исправленное и дополненное» [19]. Обе книги были изданы в Чебоксарах, и это не случайно. Чапаев – уроженец деревни Будайки Чебоксарского уезда Казанской губернии – в Чувашии особенно популярен и почитается как национальный герой, хотя еще в малолетнем возрасте он вместе с родителями переехал в Самарскую губернию. Понятно, что и дети Василия Ивановича, и его сослуживец стремились создать героический образ, порой далекий от реального Чапаева. То же можно сказать и о правнучке, продолжившей дело своей бабушки уже в нынешнем, XXI веке [20]. Именно их работы, наряду с работой Аптекаря, легли в основу статьи в «Википедии», поэтому трудно ожидать от нее объективности, ибо другой точки зрения не было представлено.

В статье было лишь отмечено, что кроме подобных работ, есть и другие, авторы которых не уверены, что правда была на стороне красных. Но упомянут только один из таких авторов – Сергей Станиславович Балмасов. При этом указана лишь его небольшая статья, и нет ни слова о ее содержании [3]. Впрочем, у Балмасова нет более значимых работ, касающихся участия уральских казаков в Гражданской войне.

Однако есть и другие авторы, полагающие, что уральские казаки героически сражались за родную землю против незваных гостей, пришедших к ним с оружием для установления своей власти и новых, чуждых казакам порядков. Это Николай Иванович Фокин [16], Сергей Васильевич Картагузов [7] и другие. Примечательно, что в названиях их книг звучит трагизм: «Исход», «Финал трагедии». Звучит он и в названиях книг двух упомянутых в «Википедии» авторов – Владимира Сергеевича Толстова и Леонида Лукьяновича Масынова: «Гибель Уральского казачьего войска» [13], «От красных лап в неизвестную даль» [11]. Но о двух их книгах также не сказано ничего, кроме того, что они стали доступны читателю в постсоветское время. Толстов назван последним атаманом, а Масынов – казаком Уральского войска, что не совсем верно. Казаками (в узком смысле) называли рядовых, а Масынов был прапорщик [14, с.36] (в дореволюционной России это был самый младший офицерский чин). В названиях этих книг трагизм присутствует не случайно; для их авторов все, что принесли Чапаев и Красная армия в их родной край, – это кошмар, суть и последствия которого не понять чужакам, восхваляющим «героизм» Чапаева и его сослуживцев. И если причиной трагедии для двух последних авторов стала Гражданская война, то для двух первых авторов – также распад СССР, после которого их родная земля стала территорией другого государства.

К сожалению, как и в прежние советские времена, их труды не пользуются широкой известностью в читательских (в том числе научных) кругах, ввиду доминирования пропагандистского давления на общественное сознание, которое, как и в советском прошлом, страдает однобокостью.

Немало ценного можно найти и в работах других эмигрантов. Евгений Давыдович Коновалов – уральский офицер, занимавшийся в основном налаживанием контактов с союзниками по антибольшевистскому движению, работал при атамане, при Комуче, при Колчаке. Находясь при Колчаке, издал брошюру «Уральцы за 1,5 года борьбы» [8], в которой привел многие имена,

цифры, сведения о боях и прочую ценную информацию. В эмиграции он стал активным членом казачьей общественности, затем профессором.

Михаил Ильич Изергин уральским казаком не был. Его, полковника Добровольческой армии, для координации совместных действий в Гурьев от-правил П.Н. Врангель. Разработанный им «Лбищенский рейд» был успешно проведен под руководством полковника Тимофея Ипполитовича Сладкова. Будучи в эмиграции, Изергин опубликовал большую статью, где подробно описал подготовку и осуществление того рейда [6].

Иван Григорьевич Акулинин тоже не был уральским казаком, но был ка-заком оренбургским, хорошо знавшим культурные и боевые традиции ураль-цев. В конце Гражданской войны он, будучи генерал-майором, с остатками сво-его корпуса был вынужден соединиться с остатками Уральской армии. Его ста-тья «Уральское казачье войско в борьбе с большевиками» [1] также является ценным источником, проливающим свет на борьбу уральцев с красными. Автор детально проанализировал ход боевых действий, снабжение и тыл, изучил про-блему беженцев и военнопленных, оснащенность средствами транспорта и свя-зи, причины болезней и проблемы медицинского обслуживания, связь с други-ми фронтами, особенности военной тактики и бойцовского характера уральцев, их набожность и консерватизм, контакты уральских и оренбургских казаков. Любопытно, что ряд этих аспектов отдельно освещен в книге И.С. Кутякова в ходе сравнения ситуации у красных и у казаков [10, с.166–177].

Статьи уральских казаков-белоземляков о борьбе своих земляков с большевиками также можно найти как в эмигрантской прессе, так и в неопуб-ликованных рукописях. Среди их авторов – полковник Тимофей Ипполитович Сладков, генерал-майор Михаил Никанорович Бородин (автор рукописи «На-чало борьбы уральских казаков с большевиками»), генерал-майор Сергей Арефьевич Щепихин (автор рукописи «Уральское казачье войско в борьбе с коммунизмом»). Особенно следует отметить войскового старшину Павла Ан-дреевича Фадеева. К сожалению, прожив 83 года, он слишком поздно стал публиковаться в эмигрантской прессе. Лишь во второй половине 1960-х гг., став членом редколлегии русского журнала «Родимый Край», разменяв вось-мой десяток, он начал писать статьи с удивительной быстротой. За неполное десятилетие (с 1967 по 1976 г.) он опубликовал около полусотни статей. Поч-ти все они посвящены истории Уральского казачества, и примерно половина – его участию в Гражданской войне [15].

Возвращаясь к «Википедии», надо отметить, что причиной конфликта Фурманова и Чапаева послужило не только ухаживание командира за женой комиссара; Фурманову не нравились ни методы руководства дивизией, ни по-ведение ее командира, о чем он сообщал не только руководству 4-й армии, но и в более высокие инстанции. Свидетельством отсутствия потепления в их отношениях служит письмо, отправленное Фурмановым Чапаеву после их расставания, где объективная критика сочетается с оскорблениями.

Книга «Легендарная Чапаевская» изобилует цитатами о мужестве и ге-роизме красноармейцев; в ней нет ни слова о проявлении ими трусости, а тем более о предательстве. Вот типичные цитаты: *«В стужу и мороз, в бураны и метели, часто полураздетые и полуголодные бойцы стойко боролись за Со-*

ветскую власть»; «Бойцы и командиры проявляли сознательность и величайшую преданность делу революции. И это, пожалуй, одна из самых главных причин массового героизма и одерживаемых побед» [18, с.39, 67]. Но Кутяков в своей книге не раз отмечал, что в красных частях случались и бунты, и дезертирство, и даже предательство. Так, летом 1918 г. у Чапаева взбунтовался батальон Грибакова, сам комбат был ранен [9, с.56–57]. Конфликты бойцов с командирами были нередки. Во вступительной статье к книге А.И. Кутякова Верховский писал, что «характерными чертами войск того времени» были «чрезвычайно трудная управляемость», «отсутствие дисциплины» и «очень низкая военная выучка» [9, с.8]. Вторил ему и Кутяков, отметив, что сохранять дисциплину часто приходилось «плеткой и револьвером» [9, с.41].

Случались и более серьезные происшествия. Поздней осенью 1918 г. в полках 1-й бригады 25-й дивизии, от командования которыми Чапаев был отстранен и вскоре направлен на учебу, вспыхнул бунт. Главной причиной отстранения Чапаева от прежней должности был конфликт с командармом Т.С. Хвесиным, 24-летним сыном еврейского портного. Были арестованы комполка Плясунков и комбриг Кутяков, которому пьяные матросы плевали в лицо, унижая и оскорбляя, о чем он сам поведал в своей книге. После прекращения мятежа 1-й бригады, начался мятеж во 2-й бригаде, которая была разоружена, а его зачинщики – расстреляны [10, с.36–37].

Были дела и еще серьезнее. Накануне взятия Уральска (январь 1919 г.) 3-я бригада 22-й дивизии не только отказалась идти в наступление, но и приступила к братанию с казаками, арестовав своих комиссаров и «активных коммунистов», которых «передавала в качестве заложников» казакам, а те «привозили их к себе» и расстреливали. К мятежу присоединилась и 2-я бригада. Взбунтовались шесть полков дивизии, после чего командир 1-й армии Гай (Гайк Бжишкян) отправил телеграмму с угрозами: «Немедленно освободите наших пленных товарищей, немедленно изъясните покорность, иначе мы ... вас раздавим». Для помощи в подавлении восстания из Самары и Саратова были присланы «коммунистические отряды», но восставшие «еще более свирепели» и уже сами расстреливали коммунистов. «Википедия» вновь ошибается, сообщая, что захваченные политработники 4-й армии были убиты при попытке бегства из плена. Как свидетельствовал Кутяков, Орлово-Куриловский полк, надеясь на компромисс, отпустил членов РВС армии Г.Д. Линдова, П.В. Майорова и В.П. Мяги. Однако, уже освобожденные, они были расстреляны с бронепоезда, которым командовал матрос-эсер Богданов. После тех событий часть Орлово-Куриловского полка ушла к казакам, а Покровско-Туркестанский полк ушел к ним весь. Ушла и «часть вожаков восстания» из других полков, а с ними и часть их подопечных [10, с.81–86].

Кутяков, пытаясь разобраться в причинах бунта, отметил, что «в частях 22-й стрелковой дивизии бродила эсеровщина»: одни эсеры организовали бунт, другие им потворствовали, хотя и боялись открыто поддержать. Кутяков честно признал и то, что к бунту подтолкнула разверстка, «жестко проводившаяся» в селах, откуда родом были многие «мятежники», чем в итоге воспользовались эсеры [10, с.81]. «В общем, контакт в работе эсеров 22-й диви-

зии и эсеров Уральской белой армии сводился к тому, чтобы свергнуть советскую власть на левом берегу Волги», – писал он [10, с.82].

В ходе одного из боев с силами Комуча часть бойцов Разинского полка бригады Чапаева (их Кутяков назвал «мобилизованными кулаками») открыла огонь по своим командирам, и группа в числе семисот человек перешла к белым. «В полках уральских казаков почти до конца Гражданской войны не наблюдалось случаев бунта и убийства командного состава, тогда как у нас это можно найти в истории любой части», – честно признал Кутяков [9, с.109–110, 30]. Ничего подобного Хлебников и его соавторы не отважились признать. Да и цензура конца 1960-х гг. такое вряд ли бы допустила.

Командирам нижнего и среднего звена Кутяков порой также дал нелестные характеристики. Он писал, что уважением пользовались не только «честные, принципиальные и храбрые», но и «демагоги, потворствующие массе в ее низменных инстинктах». При этом этих командиров он делил на две категории, каждой из которых, по его мнению, были присущи свои недостатки. Первая категория – люди из социальных низов, «преданные делу революции», но малограмотные. Вторые – бывшие офицеры, грамотные, но ненадежные; одни из них были завербованы казаками, другие, после неудачного боя, надевали погоны, которые прятали до поры до времени. Пример – командир отряда кавалерии Бредихин, который тайно работал на казаков, а после разоблачения бежал к ним [9, с.28, 33].

Согласно Хлебникову, Чапаев не проиграл ни одного боя, хотя иногда ему приходилось отступать. Но подобное имело место из-за неравенства сил и колоссального превосходства противника в живой силе и технике. Вот очередная цитата, приписываемая Чапаеву: «Мы отступили потому, что белоказаки численно намного превышают нас» [18, с.24]. Это о событиях середины мая 1918 г. Но Кутяков привел другие данные, и с ним был полностью согласен Верховский: «В начале борьбы с Уральским казачеством на стороне красных войск был численный перевес, объяснявшийся определенным нежеланием широкой массы казачества, уставшей от войны, снова выходить на фронт» [9, с.10].

Нежелание фронтовиков вновь браться за оружие имело место, но это не главная причина численного превосходства красных. Верховский, как и другие «красные» авторы, игнорировал вопросы ресурсов Уральского войска, все казачье население которого к началу XX в. насчитывало 123677 душ обоего пола [4, с.884]. Кроме рабочих и крестьян Самарской, Саратовской и Тамбовской губерний, 4-ю армию пополняли отряды из Центральной России, Украины, а также «интернационалисты» (бывшие австро-венгерские пленные во главе с Винерманом) [9, с.53–54]. Читая красных авторов (и их сегодняшних преемников), создается впечатление, что красных постоянно атаковали неведь откуда взявшиеся огромные полчища казаков, появлявшиеся то там, то тут не только на огромном пространстве от Каспия до Оренбуржья, но и на обширной территории соседней Самарской губернии. Понимали ли эти авторы, что казаки – живые люди, переброска которых с одних участков фронта на другие требует больших сил и выносливости, особенно с учетом их малочисленности?! «В смысле воинов, уральцы, конечно, выше красных... Но вся

трагедия у уральцев была в том, что пополнения не было никакого. Полки убывали. Учебные полки дошли сначала до дивизиона, а потом сошли на нет. Красные же имели неисчерпаемые запасы и людей, и оружия, слали все новые и новые части», – отмечал Масянов [11, с.126]. О том же писал и Сладков. По его словам, к середине декабря 1919 г. убыль в людях была уже так велика, что, несмотря на громкие названия (дивизия, корпус), это были только названия: *«Кстати сказать, к этому времени частей номинально в корпусе было много, но общее число бойцов не превышало 350 человек»*. К тому времени мало кто из казаков, продолжая борьбу, верил в победу, по крайней мере, без внешней помощи, прежде всего, из других регионов России. О последних месяцах борьбы Сладков писал, что ее продолжение было в принципе невозможно, ситуацию усугубила эпидемия тифа, охватившая станицы (по крайней мере, низовые и средние). *«Постоянная подача противнику свежих резервов усиливала его боеспособность, тогда как наша армия, не имея подкреплений, несла убыль от сильного сыпного, возвратного и брюшинного тифа»,* – вспоминал он в своей статье, опубликованной в 1930 г. в парижском журнале «Россия» [7, с.208]. В принципе, Уральское войско окончательно исчерпало все свои мобилизационные ресурсы уже весной 1919 г., когда атаман Толстов поставил в строй всех мужчин-казаков в возрасте от 18 до 55 лет [12, л.133 об.].

С вооружением дело обстояло не лучше. Возвращавшиеся с фронта казаки подлежали разоружению, хотя кому-то и удавалось вернуться домой с оружием. Фронтвики шли воевать неохотно, а вот старики проявляли невероятный фанатизм, часто не имея огнестрельного оружия. *«Бывали моменты, когда несколько сотен стариков бросались в конную атаку без шашек и револьверов, имея в руках только деревянные пики»,* – признавался Кутяков [9, с.19]. Известную «атаку стариков» во главе с отставным полковником Мизиновым близ хутора Халилов описал и Масянов: *«Как оружие, они имели только шашки времен турецкой войны, и немногие – пики и вилы»*. Тем не менее, они *«с фанатическим рвением кинулись в атаку с шестиверстного расстояния, и полным наметом смяли первую цепь красных, многих порубили»*. Но когда красные выдвинули несколько броневиков, шашки оказались бесполезными: *«Многие старики сложили там свои головы, а с ними и их командир, полковник Мизинов»* [11, с.111]. Та атака имела не столько военное, сколько психологическое значение; фронтвики, не желавшие воевать, испытав чувство стыда, вновь взяли за оружие. Кутяков признавал героизм стариков-партизан, которым *«приходилось атаковать наши обозы со специальной целью захвата ружейных патронов чуть ли не с одними нагайками в руках»* [9, с.21]. Он признавал и то, что с ростом численности Уральской армии дефицит оружия становился все сильнее; использовалось даже «оружие времен Пугачева» [9, с. 20]. Все это не вяжется с тем, что сообщали Хлебников и его соавторы.

У казаков ощущалась нехватка не только оружия, но и патронов. Кутяков писал, что за неимением соответствующего оборудования, казаки наладили их производство «кустарным способом», но дальность стрельбы с их использованием была мала, отчего абсолютное большинство красных бойцов получили ранения от шашек, штыков и пик [9, с.20–21]. Кутяков описал два практически

одновременных боя полков Чапаевской бригады – у сел Солянка и Балаши. Полк, при котором находился Чапаев, имея хорошую артиллерию и много пулеметов, отразил атаки и уничтожил 50 казаков, при этом красными было сделано 200 тысяч ружейных выстрелов, то есть на каждого погибшего казака пришлось по 4000 выстрелов. Зато всех красных, погибших в обоих боях, Кутяков называл «зарубленными» [9, с.50–53]. В бою под Переметной станицей потери красных были меньше, потому что *«противник стрелял самодельными патронами. Выпущенная пуля поражала на расстоянии 100–200 метров; в дальнейшем скорость полета уменьшалась, и пуля без всякого вреда ложилась около наших бойцов»* [9, с.61]. Красному Кутякову вторил белый Акулинин: *«У казаков не было ни оружия, ни патронов. С австро-германского фронта полки пришли домой разоруженными»* [1, с.123]. Рассуждая о поражении во время первого похода на Уральск, Кутяков писал: *«Нашей технике противник противопоставил свою маневренность и активность»* [9, с.46].

Кутяков привел данные о первоначальной численности Уральской армии: 4 конных шестисотенных полка и офицерская дружина. Еще он упомянул крестьянскую дружину, состоявшую, по его словам, из кулаков Самарской губернии. Также, по его данным, у казаков было 22 пулемета, 6 орудий, 1 броневик и 1 бронепоезд [9, с.19]. Сформированная в Саратове для похода на Уральск «Ударная группа» включала в себя Саратовский и Тамбовский отряды общей численностью 2600 человек при 92 пулеметах, 6 орудиях, 5 аэропланах и одной бронемашине [9, с.31]. Вскоре к ним прибыли отряды из соседней Самарской губернии: 1400 штыков из Пугачевского уезда и 1000 штыков из Новоузенского уезда. Число орудий выросло до 18, а пулеметов – до 110 единиц. Созданная таким образом «Особая армия» имела в 3 раза больше орудий, в 5 раз – пулеметов, не говоря об аэропланах. При этом Чапаев был командиром одного из семи отрядов, имел в своем распоряжении 700 человек, 20 пулеметов и 4 орудия [9, с.33–34].

О потерях чапаевцев Хлебников и его соавторы обычно не упоминали, но давали понять, что они были несопоставимо меньше потерь казаков; любой бой заканчивался горами трупов казаков, которых красноармейцы «косили» из пулеметов, встречали «ураганным огнем», обращая в бегство и нанося им огромный урон. Вот примеры подобных цитат из книги: *«В этом бою белоказаки понесли большие потери»; «Казаки откатывались с большими потерями»; «Противник отступил с большими потерями»; «Казаки с большими потерями отошли к станице Сахарная»; «Противник не выдержал атаки, и, неся большие потери, поспешно отступил»* [18, с.33, 39, 153, 154, 175]. Следуя этой логике, в Уральской армии не осталось бы ни одного казака через 2–3 месяца боев. А вот речь, приписываемая Чапаеву: *«Против Особой армии действуют шесть хорошо обученных казачьих полков. Из них мы разбили четыре... Во время боевого похода на Уральск мы нанесли белоказакам урон в 1500 человек, в то время как с нашей стороны было убитых 16»* [18, с.24]. Разница стократная! Неужели кто-то, будучи в здравом уме, в это поверит? Если бы Особая армия, действительно, разбила четыре казачьих полка из имевшихся шести, это была бы полная победа. Но речь шла о событиях мая

1918 г., когда в ведении казачьего командования имелось всего-то четыре конных полка!

Благодаря Хлебникову, в крае, где не было никакой промышленности, не считая кустарных «заводиков», вдруг «появилась» крупная промышленность: после снятия казачьей осады с Уральска *«задымили трубы заводов и фабрик, прекратилась бесшабашная стрельба на улицах города; Уральск вступал в новую жизнь»* [18, с.82]. Акулинин, знавший Уральское войско гораздо лучше Хлебникова, писал: *«Никакой промышленности, даже в зачаточном виде, на Урале не существовало»*, подразумевая под Уралом Уральское войско [1, с.130]. Впрочем, по поводу отсутствия в Уральском войске «рабочего класса» с ним был согласен и Кутяков. *«Что касается рабочих, то в г. Уральске их было немного»*, – отмечал он, поясняя, что это *«не позволяло считать их серьезной силой в Уральской области»* [9, с.47].

За «героическую оборону Уральска» Хлебников благодарил не командира 22-й дивизии А.В. Сапожкова, а ее комиссара: *«Отважно руководили обороной Уральска городская партийная организация и комиссар 22-й дивизии Иван Андреев»* [16, с.136]. Левый эсер, позже создавший «Красную армию Правды» для борьбы с обычной «Красной армией», в ходе которой погиб, Сапожков стать положительным героем у Хлебникова не мог, но Кутяков не побоялся давать положительную оценку его действиям.

Чапаев в описании Хлебникова постоянно предстает верхом на коне [18, с.31, 39 и др.], хотя известно, что после ранения в ногу, полученного на германском фронте, он не ездил верхом, предпочитая автомобиль. Образ, созданный в кинематографе, перекочевал на страницы книг. Но то, что позволено в художественной литературе, недопустимо в научной. Другой кинематографический миф (о гибели Чапаева) в точности повторен в книге Хлебникова: *«Петр Исаев сдерживал противника огнем, ... пока хватало патронов, а последнюю пулю всадил в себя»* [18, с.163]. Знал ли реальную картину автор? Архивные документы, проливающие свет на подробности гибели Чапаева и Исаева, рассекречены и общедоступны; материалы Фонда №5881 Государственного архива Российской Федерации использовал Балмасов в своей упомянутой выше статье [3].

Количество казаков, уничтоживших штаб Чапаева, авторы определили в «две конные дивизии» [18, с.161], на порядок завысив численность отряда полковника Сладкова. К тому времени, как отмечено выше, громкие названия казачьих формирований не соответствовали реалиям. Дивизии сократились, в лучшем случае, до полков, а то и до эскадронов.

Красные были так напуганы гибелью штаба, что воля к сопротивлению у них была на время сломлена. Разбросанные по обоим берегам Урала, они стали спешно отступать к Уральску, имея большое численное превосходство. Их отступление напоминало позорное бегство, но Хлебников смог преподнести его как пример героизма: *«И хотя бойцы были измотаны тяжелыми переходами, непрерывными боями, яростными атаками казаков, они уверенно пробивались к Уральску»* [18, с.167]. Действительно, благодаря страху и замешательству противника, казаки, преследуя его, совершали дерзкие и неожиданные нападения, нанося ему серьезный урон.

Об отступлении из Гурьева (современный Атырау) остатков армии атамана Толстова Хлебников и его соавторы написали, что *«Толстов едва успел бежать из Гурьева со своим штабом, с белогвардейской знатью и небольшой охраной»* [18, с.184]. Но подавляющее большинство отступавших составляли простые казаки, с которыми ушло немало гражданских лиц. Общая численность всех лиц, вышедших в направлении Форта Александровского из Гурьева, составляла от 12 до 15 тысяч, хотя добраться смогли лишь порядка трех тысяч человек. Но и среди тех, кто дошел до форта, подавляющее большинство вскоре оказались в плену. Прорваться и уйти в направлении Персии смогли порядка двухсот человек. До границы дошли еще меньше. Некоторые, преодолев тяжкий путь, были похоронены уже в Персии. Примерно десятку офицеров и казаков удалось уйти вместе с женами, а некоторым даже с детьми. Например, при атамане находились его 30-летняя супруга и трое детей [14, с.35–40].

Хлебников в адрес казаков допускал оскорбительные выражения («белоказачьи банды» [18, с.18] и т.п.). Противников он назвал «белоказаками», хотя Кутяков использовал просто слово «казаки» или даже «уральцы». Именно так его противники называли себя сами. Более того, Кутяков считал уральцев достойными противниками, не раз используя в их адрес хвалебные высказывания, например:

«Казачьи полки, имевшие опыт мировой войны, отлично действовали в пешем строю и умело использовали свое огнестрельное оружие, причем, превосходство тактической подготовки их чувствовалось в продолжение всей Гражданской войны» [9, с.19].

«Уральская белая армия имела стройную систему управления, сносно организованный тыл, и, естественно, была более боеспособна.» [9, с.30].

«Опытность младшего и среднего командного состава казачьих войск давала им возможность вести прекрасно разведку; их отдельные разведывательные отряды внезапно бросались в атаки, результат которых в смысле поражения был небольшой, но зато выяснялась группировка наших сил» [9, с.46].

«Потери среди наших пулеметчиков были велики, и к середине дня половина пулеметов перестала работать, к тому же и меткость нашего пулеметного огня была намного слабее, чем у казаков» [9, с.63–64].

«Великолепное использование казаками своей конницы на всех фазах боя ... не раз ставило красных в критическое положение, ... а рейд полковника Мартынова окончательно сломил наступательный порыв красных и заставил 4-ю армию отступить от Уральска если не разбитой физически, то морально сильно разложившей» [9, с.76].

«Что касается деятельности командования Уральской белой армии, то нам приходится, прежде всего, еще раз отметить целесообразность, которая была вложена в их оперативный план и систему борьбы: вытягивание вглубь своей территории отдельных красных частей, и последовательный их разгром» [10, с.54–55].

«Конные массы белых появлялись там, где их не ждали, и обрушивались на красные полки, окружая их, и изматывая огневом боем и атаками». [10, с.55].

«Отличное знание местности не только начсоставом, но и рядовыми казаками, помогало белым искусно применяться к местности и вести бой в невыгоднейших для себя тактических условиях» [10, с.55].

«Артиллерия казаков работала героически» [10, с.156].

Хвалебные слова Кутяков адресовал и отдельным своим заклётым врагам. О В.И. Акутине он писал, что это *«энергичный, пользовавшийся популярностью среди офицеров и казачества полковник»*. [9, с.49]. Правда, «полковник» был генералом еще при царе. Или слова, адресованные М.Ф. Мартынову: *«Лучший и активнейший генерал Мартынов погиб под Уральском»*. [10, с.145]. Хотя под Уральском он был смертельно ранен, а погиб два месяца спустя.

В заключение сделаем выводы.

Кутяков допустил ряд ошибок и неточностей. Он путал чины, названия и статус казачьих поселков.

Трудно согласиться с его утверждением, что в каждой казачьей сотне было 30–40 офицеров в качестве рядовых бойцов [9, с.18]. Такого количества офицеров просто не было; реальное их число было в разы меньше.

Указывая количественные показатели (число находящихся в строю или число погибших), он использовал круглые числа – 20, 50, 200, 700, 1600 и т.п. Видимо, он предпочитал округлять соответствующие данные. Стало быть, все эти числа надо считать приблизительными, но не точными.

В своей первой книге он писал, что *«полковник Мартынов погиб в январе 1920 года в районе Жилой Косы»*, перед этим сообщив, что Мартынов был участником Русско-японской и «мировой» войн. Во второй книге автор противоречил сам себе, когда сообщал, что Мартынов погиб при обороне Уральска. И был он уже генерал-лейтенантом, а не полковником. Возможно, Кутяков перепутал его с Василием Патрикеевичем Мартыновым, который в январе 1920 г. попал в плен и был расстрелян в поселке Прорва. Но он тоже был генералом, причем, еще при царе. И не был участником Русско-японской и «мировой» войн (под эти данные подходит только М.Ф. Мартынов). Видимо, Кутяков перепутал биографии двух Мартыновых, смешав их воедино.

Кутяков писал: *«После разгона генералом Толстовым войскового правительства и объявления себя наказным атаманом Уральского казачьего войска, ... английский капитал предложил свои услуги»* [9, с.21]. Толстов не разгонял, а обновил Войсковое правительство. Он распустил только Съезд. Этих подробностей Кутяков мог не знать, но он должен был знать, что «наказных атаманов» назначал царь, а В.С. Толстова избрали сами казаки, предоставив ему чрезвычайные полномочия, как требовало время. Кутяков предоставил неверную информацию, написав: *«Немедленно был передан войсковой запас золота и эмбенская нефть англичанам. С этого момента английский капитал стал верным и точным интендантом Уральской армии»* [9, с.21]. Поставки для Уральской армии шли не напрямую от англичан, а из тыла войск Деникина, которому те, действительно, оказывали поддержку. Однако ни нефть, ни

золото войска англичанам не передавали, а Эмбенское нефтяное месторождение располагалось вне Уральского войска, и решение таких вопросов не входило в компетенцию войсковых властей. Что же до золота, то оно было вывезено во время отступления в Форт Александровский, чтобы вместе с людьми отправиться на Кавказ. Однако погрузку людей на суда, прибывшие от Деникина, произвести не удалось из-за подхода кораблей Красного флота, но ящики с золотом погрузить успели; больше их уральцы не видели.

Указанные ошибки и неточности допущены неумышленно, большинство из них не носит принципиального характера, и это связано с недостаточными знаниями об уральском казачестве и о его земле. Обе книги Кутякова содержат много комплиментов в адрес казаков, чего нельзя обнаружить у Хлебникова и его соавторов. Кутяков в своих книгах ничего не приукрасил, не скрыл случаев бунта или предательства, чего не мог себе позволить Хлебников. Кутяков критиковал красных командиров за их просчеты, избегая избирательности, тогда как у Хлебникова одни командиры могли попадать в поле критики, а другие – нет. Кутяков не допустил откровенной лжи ни о гибели Чапаева и Исаева, ни об отношениях Чапаева и Фурманова. Впрочем, хронологические рамки у него заканчиваются мартом 1919 г., а Фурманов был упомянут лишь вскользь. Возможно, он умышленно не затронул события, следовавшие далее, чтобы избежать нежелательных моментов, и при этом не опуститься до лжи. Кутяков предоставил более объективную информацию, чем Хлебников. Кроме того, в его книгах есть приложения, карты-схемы, подробные данные о соотношении сил – все то, чего нет или почти нет у Хлебникова.

В предисловии ко второй книге Кутяков отметил, что использованный им архивный материал *«заклучал в себе массу неточностей не только в датах и пунктах, но даже в виде прямого искажения фактов»* [10, с.8]. Виновниками неточности в документах он считал как младших командиров, которые *«вследствие своей общей малой грамотности весьма небрежно относились ко всем оперативным документам»*, так и *«начальников крупных войсковых соединений»*, которые понимали *«ценность архива»*, а потому *«относились к нему подчас весьма субъективно»* [10, с.8]. То есть он утверждал, что командиры крупных соединений могли себе в угоду сознательно искажать информацию. Следовательно, не всем документам можно верить, о чем Кутяков писал с иронией: *«Причесывать факты истории я не имею желания; в силу этого мой труд по некоторым вопросам не вполне совпадает с официальными источниками Архива Красной армии»* [10, с.8]. В заключение он клялся следовать принципу объективности: *«Я решительно приношу все второстепенные соображения в жертву своему основному, доминирующему над всем стремлению: описать то, что было, и так, как было»* [10, с.8]. Именно этого Хлебников уже не мог себе позволить.

Первая книга Кутякова вышла в 1928 г., когда автору был 31 год, написана же она была годом ранее. Она писалась если не по горячим следам, то в тот период, когда описываемые в ней события еще были свежи в памяти. При этом архивные материалы Кутяков использовал весьма эффективно. А книга Хлебникова вышла в свет спустя полвека после тех событий, когда ее автору было уже 73 (примерно как и соавторам). Ее автор на тот момент был генерал-

полковником запаса, Героем Советского Союза, кандидатом военных наук, а в прошлом – начальником кафедры в Военной академии им. К.Е. Ворошилова. Безусловно, заслуженный и уважаемый человек. Но и среди таких людей конъюнктурщики и конформисты встречались не так уж редко. Кутяков не сумел достичь регалий Хлебникова; будучи комкором, в 1937 г. он был арестован, а через год расстрелян.

И все же главный вывод таков: подобные работы, написанные в 1920-е – начале 1930-х гг. зачастую более объективны, чем работы, написанные сорока годами позже, в которых много «воды», «показухи», пустой демагогии и зачастую мало правды.

Автор предисловия к первой книге Кутякова – А.И. Верховский – аристократ, бывший генерал-майор и военный министр Временного правительства, привлеченный в Красную армию как военспец. В боях на фронтах Гражданской войны он не участвовал, занимая штабные должности, а после преподавал, в основном в военной академии. Известен как военный теоретик, разделявший идеи А.А. Свечина (которого невзлюбил Чапаев в период своего недолгого нахождения в стенах академии). Не будучи профессиональным «партийцем», в предисловии он обратил внимание на военные аспекты, не увлекаясь темой партийной работы или восхвалением роли большевиков.

В этом его отличие от В.Л. Меликова, автора предисловия к другой книге Кутякова, ставшей продолжением первой. Меликов тоже был известен как военный теоретик, но большинство его трудов посвящено не вопросам стратегии и тактики, а истории Красной армии. Он не был ни аристократом, ни царским офицером. Выходец из простой семьи, вступивший в ряды Красной армии с первых дней ее создания, он стал верным членом партии большевиков, которой в предисловии посвятил не один панегирик. *«Большевицкая партия являлась стержнем красных вооруженных сил, и чем крепче, мощнее и глубже проникало партийное руководство в толщу войсковых единиц, тем ... шире и крепче были победы Октябрьской революции на фронтах»*, – писал он [10, с.3–4]. По мнению Меликова, у таких людей, как Кутяков, *«военно-техническое описание полностью поглощает внимание»*, отчего они забывают *«об основном и решающем факторе в Гражданской войне – о политико-партийной работе»* [10, с.5]. А *«описание вооруженной борьбы ... без тщательного и всестороннего анализа партийно-политической работы ... будет накладывать на все исследование отпечаток недоработанности»*. Конечно же, «доработанным» исследование будет лишь тогда, когда его автор будет *«стремиться к тому, чтобы политико-партийный анализ пропитывал все исследование от первой до последней страницы»* [10, с.5]. Читая пожелания Меликова, кажется, что Хлебников учел их сполна. Но маниакально-фанатичное восхваление большевистской партии и ее деяний не спасли Меликова от репрессий; как и жизнь Верховского, его жизнь оборвалась в лагерных застенках.

Источники и литература

1. *Акулинин И.Г.* Уральское казачье войско в борьбе с большевиками // Белое дело. 1927. С.122–147.
2. *Аптекарь П.А.* Чапаев. М.: Молодая гвардия, 2017. 292 с.
3. *Балмасов С.* Тайна гибели Чапая. Последний бой легендарного комдива // Родина. 2001. №11. С.88–91.
4. *Бородин Н.А.* Уральское казачье войско // ЭС: Ф. Брокгауз – И. Ефрон. Т.34. СПб., 1902. С.880–884.
5. *Дайнес В.О.* Чапаев. М.: Вече, 2010. 496 с.
6. *Изергин И.Г.* Рейд на Лбищенск // Грани. 1989. №151. С.167–207.
7. *Картагузов С.В.* Исход. Воспоминания «победителя Чапаева» Т.И. Сладкова. М.: Террирем, 2020. 216 с.
8. *Коновалов Е.Д.* Уральцы за 1,5 года борьбы (13 марта 1918 – 13 сентября 1919). Омск, 1919. 41 с.
9. *Кутяков И.С.* С Чапаевым по Уральским степям. Борьба с уральской и чехословацкой контрреволюцией / под ред. Хвесина, с предисловием А.Верховского). М.-Л.: Гос. изд-во. Отд. воен. лит., 1928. 144 с.
10. *Кутяков И.С.* Разгром Уральской белой казачьей армии / под ред. и с предисл. В.Л. Меликова). М.: Гос. военное изд-во, 1931. 200 с.
11. *Масянов Л.Л.* Гибель Уральского казачьего войска. Нью-Йорк: Всеславянское издание, 1963. 159 с.
12. Российский государственный военный архив (РГВА). Ф.1299. Оп.1. Д.88.
13. *Толстов В.С.* От красных лап в неизвестную даль. Константинополь: Изд. Товарищества «Пресса», 1921. 310 с.
14. *Трегубов А.Г.* Уральцы в Австралии. Уральск: Изд. ТОО «Оптима», 2007. 200 с.
15. *Фадеев П.А.* Гражданская война на Уральском отдельном фронте // Родимый Край. №70, 74–76, 79, 82–88 и др.
16. *Фокин Н.И.* Финал трагедии: уральские казаки в XX веке. Историко-краеведческий очерк. М.: Аким, 1996. 446 с.
17. *Фурманов Д.А.* Чапаев. М.-Петроград: Гос. изд-во, 1923. 174 с.
18. *Хлебников Н.М., Евлампиев П.С., Володихин Я.А.* Легендарная Чапаевская. М.: Знание, 1968. 272 с.
19. *Чапаев А.В., Чапаева К.В., Володихин Я.А.* Василий Иванович Чапаев. Очерк жизни, революционной и боевой деятельности. Изд. 2-е. Чебоксары: Чувашское гос. изд-во, 1987. 374 с.
20. *Чапаева Е.* Мой неизвестный Чапаев. М.: Корвет, 2005. 478 с.
21. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Чапаев,_Василий_Иванович (дата обращения: 11.01.2022).
22. [Электронный ресурс]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Лейтейзен,_Гавриил_Давидович (дата обращения: 11.01.2022)

The struggle of the Red Army and the Ural Cossacks
in the works of former Red commanders

A.M. Dubovikov

*Volga Region State University of Service
Tolyatti, Russian Federation*

The article shows the reflection of the events of the history of the struggle of the Ural Cossacks against the Red Army during the Civil War in the works of the authors who were direct participants in those events from the Red Army. At the same time, the features of works written by different authors at different times are shown, which makes it possible to visualize how the traditions of covering the events of the Civil War in Soviet historical literature have changed in different historical periods.

Keywords: Ural Cossacks, Civil War, historical literature about the Civil War, Ivan Kutyakov, Nikolai Khlebnikov.

For citation: Dubovikov A.M. The struggle of the Red Army and the Ural Cossacks in the works of former Red commanders. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 2, pp.80–94. (In Russian)

Информация об авторе:

Дубовиков Александр Маратович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры «Социальные технологии и гуманитарные науки» ФГБОУ ВО «Поволжский государственный университет сервиса» (Тольятти, Российская Федерация); e-mail: alexdubovikov@yandex.ru

Dubovikov Alexander Maratovich – Dr. Sci. (history), Associate Professor of Volga Region State University of Service (Tolyatti, Russian Federation).

Татарское социалистическое движение: генезис и развитие

А.В. Ахтямова

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

Статья посвящена исследованию деятельности татарских социал-демократов и социалистов-революционеров. Автор рассматривает возникновение и этапы развития татарского социалистического движения в предреволюционный период и в годы Первой русской революции. Показано влияние на татарскую общественность ученических организаций, созданных на базе Казанской татарской учительской школы и медресе. Представлены сведения о печатных органах татарских организаций социал-демократов и социалистов-революционеров.

Ключевые слова: Первая русская революция 1905–1907 гг., татарские социал-демократы, татарские социалисты-революционеры, Ибрагим Ахтямов, Ибниамин Ахтямов, Хусаин Ямашев, Гаяз Исхаки.

Для цитирования: Ахтямова А.В. Татарское социалистическое движение: генезис и развитие // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №2. С.95–106.

Одним из важнейших компонентов гражданского общества является многопартийность. Перспективы развития российской многопартийности невозможно рассматривать в отрыве от отечественной истории, не вспомнив эволюцию политических образований европейского образца. При этом заслуживает отдельного внимания региональный аспект исследования.

В историю России XX век вошел как эпоха многопартийности. В период Первой русской революции партийно оформился полный спектр идейно-политических течений. «Исходя из того, как решались проблемы власти и собственности в программах различных партий, они достаточно четко делились на консервативные, либеральные и социалистические» [27, с.199]. Примечательно, что в начале XX в., когда огромная многонациональная страна оказалась в эпицентре глобальных перемен, впервые проявили себя и татарские социалисты. В данной статье освещается история становления и развития татарских организаций социал-демократической и эсеровской направленности в предреволюционный период и в годы Первой русской революции.

В конце XIX – начале XX в. в России в регионах со значительным мусульманским населением особую социальную группу составляли шакирды. В недрах шакирдских сообществ крупных татарских городских общин (Казань, Уфа, Троицк и др.) возникли подпольные организации.

В 1901 г. в Казани татарские учащиеся основали тайное общество «Шәкертлек» («Ученичество»), восходящее своими корнями к нелегальным кружкам, существовавшим в период с 1895 по 1900 г. в Казанской татарской учительской школе (КТУШ). У истоков этих кружков стояли Гаяз Исхаки

(1878–1954), Садри Максуди (1878–1957), Гумер Терегулов (1883–1938) и Хусаин Ямашев (1882–1912) [2, с.52; 31, с.118]. «В очень короткое время членами этой организации («Шәкертлек». – А.А.) становится не только вся активная часть учащейся молодежи Идель-Урала и Сибири, но и Крыма», – писал Г.Исхаки [24, с.42]. Организация издавала свой нелегальный орган – газету «Таракки» («Прогресс»). В 1904 г. «Шәкертлек» трансформировался в нелегальную политическую организацию «Хөррият» («Свобода») «с радикально-национальной программой» [24, с.42]. В лице своих лидеров она участвовала в работе I Всероссийского съезда мусульман (13–18 августа 1905 г.) [2, с.62; 21, с.222].

По некоторым данным, в конце 1904 – начале 1905 г. был образован союз под названием «Ислах» («эл-Ислах» – «Реформа»). Он возник в виде литературного кружка в составе 10–12 человек в казанском медресе «Мухаммадия», существовавшего в 1902–1903 гг. [28, с.40]. В состав союза «Ислах» входили преимущественно шакирды и мугаллимы [8, л.56]. В научной литературе отмечено, что «Ислах» был самой крупной и долголетней организацией шакирдов. С началом Первой русской революции кружок значительно расширился и стал называться Комитетом «эл-Ислах» [28, с.40]. Таким образом, в Казани был создан центральный комитет «эл-Ислах», который открыл филиалы в Оренбурге, Уфе, Троицке и других городах. 3 октября 1907 г. помощник начальника Казанского губернского жандармского управления подполковник Тихобразов сообщал в Департамент полиции, что «Ислах» своей основной целью провозгласил борьбу «с рутинною образования татарской молодежи» в медресе и мектебах и добивался «передачи дела образования детей татарского населения губернии из рук магометанского духовенства – мулл – людям светским» [11, л.18].

С ноября 1905 г. комитет приступил к изданию гектографической газеты «эл-Ислах», а спустя два года был налажен выпуск легальной газеты. С 3 октября 1907 г. по 22 июля 1909 г. он издавал газету с одноименным названием. Официальным издателем и редактором издания «эл-Ислах» был Вафа Бахтияров¹, но фактически газетой руководили Фатих Амирхан и Габдулла Тукай [32, б.4]. В отчете Казанского временного комитета по делам печати за 1907 г. отмечалось, что газета представляла собой нечто новое в татарском мире и, будучи органом татарской молодежи, поставила своей целью реформировать мусульманскую школу [19, л.95]. Однако содержание газеты этим не ограничивалось, проблемы, освещаемые на ее страницах, были довольно многогранны [19, л. 96 об.–97 об.; 32].

Осенью 1905 г. возникла нелегальная организация шакирдов «Берек»², или «Шәкертләр береге» («Объединение шакирдов»). Имеющая ярко выраженную эсеровскую направленность, она выделилась, по выражению подполковника Тихобразова, «из состава союза “Ислах”» [11, л.18]. В организации состояли шакирды казанских медресе и некоторые ученики-татары, обучавшиеся в правительственных средних учебных заведений Казани [28, с.45].

¹ Официальное свидетельство было выдано 26 июля 1907 г. [4, л.4].

² В документах жандармского управления – «Бреги».

Программа «Берек», которая состояла из 12 пунктов³, была опубликована в татарской газете «Тавыш» («Голос»)⁴ («Шәкерд береге»нең төзгән программасы») [44, б.3]. 15 мая 1907 г. казанский губернатор направил письмо полицмейстеру, в котором подчеркнул, что «самым главным деятелем» в этой организации был Гаяз Исхаки – неофициальный редактор газеты «Тавыш» [8, л.10–10 об.]. «Газета эта, как известно, выходит в свет по программе социал[истов]-революционеров, к числу коих принадлежит, несомненно, и Гаяз Исхаков – главный руководитель газеты “Тауш” («Тавыш». – А.А.), постоянно находится в редакции этой газеты. Видными соучастниками в организации “Бреги” и сотрудниками Исхакова являются двое казанских мулл Галимджан Галеев и Габдулла Апанаев...», – отмечалось в письме [8, л.10 об.].

30 декабря 1906 г. во время Мензелинской ярмарки шакирды и мугаллимы известных медресе, в частности Иж-Бобинское («Буби»), Тумутукское, Глянче-Тамакское, Чекмакское и др., провели собрание. Участники совещания решили организовать общество шакирдов «Иттихад» («Союз»), которое должно было «служить будущему всех татарских шакирдов» [33, б.3]. Центральное правление «Иттихад» находилось в д. Иж-Бобья (Вятская губерния). Однако общество просуществовало недолго [23, б.392; 28, с.48].

Отметим, что проникновение социал-демократических идей в мусульманскую среду происходило в период формирования нелегальных социалистических партий в России. Один из первых исследователей советского периода, изучавших татарское общественно-политическое движение, Галимджан Ибрагимов писал, что в период нарастания антисамодержавных настроений российского студенчества в Казани также активизировалась татарская молодежь, а наиболее революционизированной оказалась Татарская учительская школа [23, б.275–276]. Из этой среды вышел Хусаин Ямашев; в начале 1903 г. он через члена Казанского комитета РСДРП Ибрагима Ахтямова

³ См. также: [8, л.2–2 об.; 37, с.235–241].

⁴ Преемница газет «Таң йолдызы» («Утренняя звезда», Казань, 18.05.1906–16.11.1906) и «Таң мәжмугасы» («Утренний альманах», Казань, 18.12.1906–01.06.1907). Издавалась с 23 апреля по май 1907 г. в Казани, в типо-литографии Т-го Д-ма «Бр. Каримовы». Всего вышло 6 номеров. Редактор-издатель – М.-Г.М. Биккенин. 5-й номер от 21 мая 1907 г. был выпущен под его редакторством, однако, по словам казанского цензора, спустя три дня после смерти Биккенина. Дело в том, что ввиду болезни редактора, многие организационные вопросы в последнее время решал секретарь редакции Хусаин Абузяров. Очевидно, что редакция пожелала «выпустить газету в обусловленный день (именно в понедельник)». Казанский временный комитет по делам печати намеревался даже привлечь к судебной ответственности Абузярова за сокрытие данного факта. Однако Х.А. Абузяров приобрел право на издание газеты (официальное свидетельство было выдано 26 мая 1907 г.). 1 июня 1907 г. увидел свет последний номер (всего вышло 2 номера) газеты (журнала) «Таң мәжмугасы». Первый номер «Таң мәжмугасы» был издан под редакторством Х.А. Абузярова 18 декабря 1906 г. В тот же день, 18 декабря 1906 г., редактор-издатель был привлечен к судебной ответственности (за публикацию статьи «Общинное землевладение») [16, л.23; 17, л.4; 18, л.7, 10 об.– 11; 41, с.110].

(1880–1936) вошел в сношения с представителями Казанского комитета РСДРП (создан в 1902 г.) и вступил в местную социал-демократическую организацию [23, б.275, 335]. Уроженец Уфы Ибрагим Ахтямов с конца 1902 г. входил в состав Казанского комитета РСДРП⁵, согласно исследователю С.Е. Лившицу, «ответственный пропагандист и литератор (писал прокламации)» [23, б.275; 30, с.46, 47, 54, 63]. «При моем участии изданы первые в России социал-демократические прокламации на татарском языке», – вспоминал И.Ахтямов в 1936 г. [цит. по: 26, с.168].

В январе 1903 г. Казанский комитет РСДРП приступил к «печатной агитации», распространял в большом количестве прокламации на улицах города на русском и татарском языках. Прокламации на русском языке были отпечатаны на мимеографе, листки на татарском языке, представлявшие собой перевод русской прокламации, отгектографировали двое учеников Татарской учительской школы Хусаин Ямашев и Гумер Терегулов [30, с.65].

В Казани татарская учащаяся молодежь создала первый социал-демократический кружок в КТУШ осенью 1904 г. Кружок возглавляли Хусаин Ямашев, Гафур Кулахметов, Гумер Терегулов [31, б.35]. В секретном донесении начальника Уфимского губернского жандармского управления в Департамент полиции от 28 декабря 1910 г. отмечалось, что накануне революции – в конце 1904 г. – группой учащихся КТУШ был образован «кружок социал-демократов», заседания которого проходили в здании школьной больницы или на квартирах воспитанников [35, л.266].

Поздней ночью проходили совещания радикальной молодежи на частных квартирах либо на Сенной площади в харчевне «Караван-Сарай», которую содержал Г.Исхаки. По предположению местной жандармерии, она «должна служить местом революционной пропаганды среди магометан и распространения преступной литературы на татарском языке» [10, л.176]. В частности, одно из крупных собраний (присутствовало 257 чел.) состоялось 26 декабря 1904 г., где учащимся и рабочим был прочитан М.Нагловским реферат «О роле личности в истории» [30, с.97, 98].

Таким образом, к началу Первой русской революции заметно активизировался процесс политизации татарского общества. По сведениям Уфимской жандармерии, в 1905 г. из учеников КТУШ и шакирдов медресе «вновь образовалась группа социал-демократов татар». Руководителями группы значились, в частности, Хусаин Ямашев, Габдулнасыр Ахтариев, Салимгарей Чанышев, Гаяз Исхаков, Фуад Туктаров, Шакир Мухамедьяров («последние трое впоследствии перешли к социалистам-революционерам») [35, л.266]. Социал-демократическая группа организовала кружки среди рабочих-мусульман заводов Алафузова и Крестовникова и шакирдов медресе, издавала прокламации и брошюры на татарском языке, которые распространялись в разных городах. Так, пропагандистская работа велась в Уфе, Оренбурге, Саратове, Астрахани, Баку и др. [35, л.266–266 об., 268–268 об.]. В рассматриваемый период

⁵ В марте 1903 г. И.А. Ахтямов был арестован, 1 октября того же года выслан в г. Иркутск под гласный надзор полиции. Во второй половине 1904 г. стал меньшевиком [26, с.169].

в Казани среди наиболее влиятельных социал-демократов из мусульман были выпускники КТУШ Хусаин Ямашев, Гафур Кулахметов, Галимджан Сайфутдинов, а также рабочие Садык Сагеев, Тухватулла (Минулла) Вахитов и др. Как отмечали некоторые исследователи, среди них была и Сара Ахмерова⁶, исполнявшая обязанности казначея группы [31, б.32; 36, л.6].

23 января 1905 г. вечером в доме Хусаинова, на набережной Кабана, собралась группа татарских интеллигентов и предпринимателей для обсуждения общественных проблем мусульман. По некоторым сведениям, на этом нелегальном собрании присутствовало до 50 человек, среди них были Габд. Ибрагимов (председатель собрания), А.Максудов, Ю.Акчурин (секретари), Г.Исхаков, С.-Г.Алкин, И.Ахтямов, Х.Ямашев и др. [6, л.3; 15, л.28].

Были созданы отдельные кружки для татарских работниц, приказчиков, мелких ремесленников, а также учащейся молодежи. Занятия последних в основном были организованы в номерах гостиницы «Караван-Сарай» [23, б.279]. Кроме радикально настроенной татарской молодежи, здесь собирались студенты Казанского университета и Ветеринарного института, учащиеся средних учебных заведений.

Казанская организация социал-демократов пропагандистскую работу среди татарских приказчиков и конторщиков возложила на Ямашева. В январе 1905 г. собрания проходили в конспиративной квартире на берегу озера Кабан. Они были немногочисленными, но число участников постепенно увеличилось до 30 человек. С наступлением весны за городом были организованы «пикники», на которых звучали революционные песни на татарском языке. Первый такой выезд состоялся на лодках по озеру Кабан, второй (в день 1 Мая) – на сельскохозяйственной ферме за озером Кабан [36, л.4; 43, с.53].

В советской историографии было отмечено, что в конце февраля 1905 г. Хусаин Ямашев стал членом Казанского комитета РСДРП [23, б.461; 43, с.51], позднее – руководителем татарской группы при Казанском комитете РСДРП. «При партийном комитете была создана татарская группа во главе с Хусаином Ямашевым», – писал Х.Х. Хасанов [43, с.56].

В фондах Научного архива Уфимского научного центра РАН отложилась статья А.Валиева⁷, посвященная татарской социал-демократической группе⁸. Примечательно, что в данной работе создание татарской группы при Казанском комитете РСДРП датируется временем не ранее весны 1906 г. (между тем известно, что Хусаин Ямашев покинул Казань в конце 1905 г.). В то же

⁶ Вероятно, речь идет о Саре Гиреевне Букшпан (урожденной Ахмеровой) (1889–1952) – дочери Шахбазгирея Измайловича Ахмерова (1853–1900) и Хадичи Шагиахметовны Ахмеровой (урожденной Алкиной) (1861–1945). Организационное собрание «татарской группы соц. дем. комитета», состоявшееся весной 1906 г., прошло в доме Ахмерова [36, л.6].

⁷ Возможно, Валиев (Валеев) Акрам Мухаррамович – кандидат исторических наук, автор книги «Н.Е. Федосеев – один из первых марксистов в России» (Казань, 1952).

⁸ Валиев А. Материалы к истории соц[иал]-дем[ократической] группы татар России // НА УНЦ РАН. Ф.56. Оп.1. Д.67. Машинопись, без даты. Листов: 10.

время автор отмечал, что в 1905 г., по мере расширения социал-демократической работы среди татар, «был поднят вопрос о необходимости создания общегородского центра – татарской группы». Однако общегородской комитет тогда не поддержал инициативу кружковцев. «Общегородской комитет опасался, что подобный центр примет национальную краску и явится ядром к образованию отдельной национальной партии, подобно еврейского Бунда и украинской Спилки. Стоило немало трудов тов. Ямашеву доказать, что имеется в виду создание центра не в целях национального обособления, а для наиболее целесообразного направления работы среди татар, каковая среда имеет свои специфические стороны, как: ведение бесед на татарском языке, работы по выпуску литературы на родном языке, координирование всей работы среди кружков и т.д. Словом, татарская группа явится чисто техническим органом. Общегородским соц.[иал-]дем.[ократическим] комитетом вопрос был оставлен открытым. В дальнейшем политические события отодвинули этот вопрос, да и тов. Ямашеву пришлось покинуть Казань», – писал Валиев [36, л.5].

Таким образом, вопрос о создании так называемой «татарской группы» в 1905 г. остался открытым. Тем более, это было, скорее всего, маловероятно после октябрьских событий 1905 г. в Казани и последовавших за ними арестов, а также проведенных в декабре того же года обысков и задержаний революционеров. Кроме того, некоторые революционные деятели, в частности меньшевики В.П. Южанинов, А.А. Попов, Т.А. Яковлев, в конце октября покинули губернский город. По данным С.Лившица, среди «сдавшихся» (всего 130 чел., из них 125 мужчин и 5 женщин) 21 октября 1905 г. учащихся насчитывалось 68 чел. Представлены сведения и о вероисповедании арестованных: православных – 107, католиков 4, иудеев – 13, мусульман – 4, неизвестных – 2 [29, с.129].

В течение декабря 1905 г. в губернском центре служащие охранительных структур провели ряд обысков и арестовали активных революционеров, как то: А.С. Кулеша, И.Л. Ямзин, П.Л. Драверт, Г.З. Сайфутдинов, С.С. Сагеев и др. Аресту подлежал и Х.М. Ямашев. В ожидании Ямашева жандармы продержали всю ночь с 11 на 12 декабря 1905 г. у двери его квартиры, но домой он не вернулся, было лишь «найдено и отобрано семнадцать разных брошюр и переписка на русском и татарском языках» [14, л.1 об.; 40, с.251]. Ямашев скрывался от местной полиции на конспиративных квартирах и вскоре покинул Казань. В начале января 1906 г. он прибыл в Уфу и установил связь с членами Уфимского комитета РСДРП [43, с.90].

Многие видные татарские революционеры были высланы из Казани, однако, оказавшись в новых местах, они старались не прерывать пропагандистскую работу. В частности, Галимджан Сайфутдинов был сослан в Оренбург, Зариф-Ибрагим Муратов – в Астрахань, Садык Сагеев – в Екатеринбург (позднее прибыл в Баку) [23, б.307, 353, 462]. После забастовки в магазине Абрара Бахтеева (май 1906 г.) в Казани [23, б.400] часть уволенных приказчи-

ков устроилась на аналогичную работу в Челябинске⁹. По некоторым сведениям, двое состояли членами Челябинского социал-демократического комитета, «при участии которых партийная работа среди татар быстро наладилась» [36, л.7]. Таким образом, география распространения социал-демократического движения среди татарского населения постепенно расширялась.

Между тем конец 1905 – начало 1906 г. – это период сильного размежевания между представителями татарских социалистических организаций, в особенности между социал-демократами и эсерами. Так, к началу 1906 г. в Казани окончательно оформилась татарская организация социалистов-революционеров, как составная часть она входила в Поволжскую организацию социалистов-революционеров с центром в Саратове [2, с.64]. Эволюция взглядов «хурриятцев» подробно рассмотрена в монографии И.К. Загидуллина [21].

Приблизительно в начале 1906 г., как отмечал А.Валиев, Казанским комитетом РСДРП был направлен «к работникам татарам» студент Санкт-Петербургского университета В.Ахтямов – «по своим убеждениям он принадлежал к фракции меньшевиков» [36, л.6]. (Брат ранее упомянутого меньшевика Ибрагима Ахтямова – Ибниамин Ахтямов¹⁰). О создании в начале 1906 г. в Казани социал-демократической группы из татар, возглавляемой Ибниамином Ахтямовым, отмечал еще Р.У. Амирханов [1, с.137]. С прибытием Ахтямова на некоторое время в Казани оживилась партийная работа среди татарских приказчиков и учащихся¹¹.

С наступлением весны 1906 г. вновь был поднят вопрос о создании татарской группы при Казанском комитете РСДРП. Общегородским комитетом социал-демократической партии было принято положительное решение, но с условием, что представитель татарской организации мог бы пользоваться в общегородском комитете только совещательным голосом. Члены кружков входили в районные комитеты в качестве выборных от рабочих предприятий с решающим голосом [36, л.6]. Как отмечал Р.У. Амирханов, главная форма деятельности «Татарской группы» заключалась в печатании и распространении революционных прокламаций среди татарского населения. Кроме того, она проводила и культурно-просветительскую работу. Есть сведения о том, что по ее инициативе, писал Р.У. Амирханов, 5 мая 1906 г. в Казани в «Клубе приказчиков» был поставлен первый публичный спектакль на татарском языке [2, с.64] (драма «Кызганьч бала» («Жалкое дитя») – в переводе Галиаскара

⁹ Галимджан Ибрагимов отметил, что в дальнейшем провокаторская деятельность одного из лиц повлекла серьезные последствия [23, б.307, 335].

¹⁰ Ибниамин (Бинямин, Вениамин) Абуссугудович Ахтямов (1877–1941) – юрист, политический и общественный деятель. Депутат Государственной думы 4-го созыва от Уфимской губернии. С 1903 г. социалист-революционер. Сотрудничал с социал-демократами. Согласно Г.Ибрагимову, «правый меньшевик» [22, с.205]. В 1912 г. был избран депутатом Думы (1912–1917) (секретарь мусульманской фракции) [20, с.168; 34, с.280–281].

¹¹ Однако уже летом 1906 г. после отъезда Ибн. Ахтямова созданные под его руководством кружки распались.

Камала) и комедия «Гыйшык бэләсе» («Горе от любви» – в переводе Габдрахмана Камала II) турецкого драматурга Намыка Кемаля) [25, б.119–122, 326; 42, б.3].

В начале 1906 г. Хусаин Ямашев прибыл в Уфу, где уже действовала группа татарских и башкирских социал-демократов Уфимской организации под непосредственным руководством Уфимского комитета РСДРП [38, с.173]. Уфимский период жизни довольно подробно представлен в монографии Х.Х. Хасанова [43, с.90–96], в ней отмечено об установлении татарским революционером связи с членами Уфимского комитета РСДРП, входившего в Уральский союз РСДРП. Очевидно, Ямашев, будучи членом Уфимского комитета РСДРП, стремился к распространению влияния партии не только среди городского, но и среди сельского населения Уфимской губернии. Так, в работе видного исследователя Первой русской революции Р.М. Раимова есть упоминание о некоей социалистической группе, функционировавшей в 1904–1913 гг. в дер. Четырмановой Кызыл-Яровской волости Бирского уезда, участники которой – Аллаяр Мухаметьяров и Араслан Гайнуллин – утверждали о существовании связи с татарскими социал-демократами Уфы, в частности с Ямашевым (сообщение было сделано в 1930 г.) [38, с.100].

Группой татарских и башкирских социал-демократов Уфимской организации было издано большое количество прокламаций на татарском языке к «мусульманскому населению», которые в большинстве случаев являлись переводами прокламаций, напечатанных одновременно Уфимским комитетом РСДРП на русском языке [38, с.173, 192]. Таким образом, назревала необходимость в создании легального печатного органа на татарском языке, содержащего помимо официальных материалов оперативную информацию о важнейших в стране преобразованиях, статьи по актуальным общественно-политическим вопросам, как главного орудия идейного влияния социал-демократии на мусульманское население.

В конце октября – начале ноября 1906 г. Ямашев выехал в Оренбург [43, с.97]. 4 (17) января 1907 г. в Оренбурге вышел первый номер газеты «Урал» на татарском языке (издатель – Тимурша Соловьев, позже Гумер Терегулов (секретарь); редактор – Хадича Ямашева) [41, с.131]. Фактическим редактором издания был Хусаин Ямашев [39, б.22]. В газете сотрудничали Ибрагим Ахтямов, Галимджан Сайфутдинов, Гумер Терегулов, Гафур Кулахметов и др. [22, с.91]. По данным А.Валиева, тираж газеты составлял около 2 тыс. экземпляров, хотя количество постоянных подписчиков было незначительным. Как было отмечено автором, рассылалась она и почтой от 5 до 100 экз. в самые различные города, населенные пункты, заводы, фабрики [36, л.9]. Ежемесячно читателям высылались в виде приложения брошюра (всего вышло пять книжек), которые выпускались под названием «"Урал" кәтебханәсе» («Библиотека "Урала"») [22, с.91; 39, б.22]. Газета в апреле 1907 г. прекратила свое существование.

Согласно «Выписке из агентурного дневника» (от 10 сентября 1908 г.), в городе Уфе также «сформировалась довольно сильная организация социалистов-революционеров», члены которой задумали открыть свою типографию, «чтобы издавать подпольную газету на татарском и русском языках» [13,

л.132 об.]. Планировалось, что татарским отделом будет заведовать некий «Ямбулатов, который командирован из Уфы в Казань за шрифтом», и вскоре должен был выехать из Казани в Уфу [13, л.132 об.].

Отметим, что ранее в Казани на улице Большой в одной из квартир дома Яковлева, расположенного в Суконной слободе, проживали мещанин Сеитовского посада (Татарской Каргалы) 20-летний Муса Хамзинович Ямбулатов¹² и потомственный дворянин, воспитанник КТУШ 19-летний Миннегерей Давлетгиреевич Муратов [5, л.5; 9, л.2–5]. 7 августа 1906 г. в результате произведенного городской полицией обыска в занимаемой ими квартире были обнаружены типографские принадлежности, прокламации на татарском языке, отчет «татарской организации социал-революционной партии» и т.д. Был составлен обвинительный акт, в котором указывалось о вступлении М.Х. Ямбулатова и М.Д. Муратова «в преступное сообщество, именующее себя партией социалистов-революционеров» [9, л.4 об.]. В итоге 29 мая 1906 г. Казанская судебная палата приговорила каждого из них к шестимесячному заключению в крепости [9, л.52].

После роспуска Государственной думы 2-го созыва общественно-политическое движение мусульман Волго-Уральского региона претерпело серьезные изменения. Немалую роль сыграло и то обстоятельство, что некоторые региональные лидеры оказались в ссылке или вынуждены были эмигрировать. Так, 24 октября 1907 г. Г.Исхаки был выслан из Казани в Архангельскую губернию под гласный надзор полиции, что не могло не отразиться на положении организации татарских эсеров [12, л.108]. Соратник Исхаки М.-Ф.Ф. Туктаров решил продолжить образование. Он собирался поступать в Казанский Императорский университет, однако, так и не получив свидетельство о политической благонадежности, осенью 1907 г. поступил на курсы при частном училище М.А. Колесникова. Лишь в 1910 г. Туктаров выдержал экзамен на аттестат зрелости (свидетельство от 12 марта 1910 г.) и поступил в Казанский университет [7, л.10, 20, 34, 46]. В конце лета 1907 г. Ямашев возвратился в Казань и тоже начал готовиться к поступлению в университет. В целом усилились гонения и на прессу, многие татарские газеты и журналы прекратили свою деятельность.

Таким образом, в настоящей статье мы рассмотрели этапы становления и развития социалистического движения среди мусульман Волго-Уральского региона накануне и в годы Первой русской революции. Разумеется, в рамках данной работы невозможно исследовать все направления деятельности татарских организаций социалистической ориентации. В тени остались и многие татарские социалисты, их жизнь и деятельность, эволюция идейных взглядов политических лидеров – все эти вопросы требуют дальнейшего исследования, а некоторые – и переосмысления. Судьбы участников событий, относящихся разным политическим течениям, были тесно переплетены, и все эти процессы, порой противоречивые, необходимо рассматривать в их диалектическом

¹² Жил по чужому паспорту, выданному на имя Шагита Нурутдинова (крестьянин Старо-Альметьевской волости Чистопольского уезда Казанской губернии).

взаимодействии, в их непрерывном развитии. Следует отметить сложность и уникальность общественно-политических процессов начала XX в., динамичность развития событий на местах, к тому же сведения о революционерах, которые так часто меняли место жительства, рассеяны по разным архивам. Да и само понятие «общественное движение» как объект научного исследования многогранно.

Резюмируя, отметим, в рассматриваемый период влияние социалистов ограничивалось, главным образом, учащейся молодежью. При этом воспитанники Казанской татарской учительской школы являлись главным объектом их пропаганды. В ее стенах были организованы первые татарские политические кружки в Поволжье. Школа подготовила целую плеяду ярких представителей татарской национальной интеллигенции, таких как Гаяз Исхаки, Хусаин Ямашев, Фуад Туктаров, Гумер Терегулов, Гафур Кулахметов и др.

Источники и литература

1. *Амирханов Р.У.* Мулла и революционер – в одном лице // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2001. №3/4. С.133–138.
2. *Амирханов Р.У.* Татарский народ и Татарстан в начале XX века: Исторические зарисовки. Казань: Татар. кн. изд-во, 2005. 152 с.
3. Государственный архив Республики Татарстан (ГА РТ). Ф.1. Оп.4. Д.1989.
4. ГА РТ Ф.1. Оп.4. Д.2740.
5. ГА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.361.
6. ГА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.381.
7. ГА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.481.
8. ГА РТ. Ф.1. Оп.6. Д.505.
9. ГА РТ. Ф.51. Оп.10. Д.173.
10. ГА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.234.
11. ГА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.485.
12. ГА РТ. Ф.199. Оп.1. Д.538.
13. ГА РТ. Ф.199. Оп. 1. Д.585.
14. ГА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.272.
15. ГА РТ. Ф.199. Оп.2. Д.356.
16. ГА РТ. Ф.420. Оп.1. Д.57.
17. ГА РТ. Ф.420. Оп.1. Д.61.
18. ГА РТ. Ф.420. Оп.1. Д.65.
19. ГА РТ. Ф.420. Оп.1. Д.104.
20. Деятели революционного движения в России: биобиблиографический словарь: от предшественников декабристов до падения царизма: в 5 т. Т. 5: Социал-демократы. 1880–1904. Вып. 1: А–Б / сост.: Э.А. Корольчук и Ш.М. Левин; под ред. [и с предисл.] В.И. Невского. М.: Изд-во Всесоюзного общества политических каторжан и ссыльно-поселенцев, 1931. XXVI, 582 с.
21. *Загидуллин И.К.* Национальное движение мусульман Волго-Уральского региона в начальный период революции 1905–1907 гг.: монография. Казань: ООО «Центр инновационных технологий», 2019. 256 с.
22. *Ибрагимов Г.* Татары в революции 1905 года / пер. с тат. Г.Мухамедовой, под ред. Г.Ф. Линсцера. Казань: Гос. изд-во ТССР, 1926. IV, 259 с.

23. *Ибраһимов Г.* Әсәрләр. 8 томда. Т. 7: Тарихи хезмәтләр (1911–1927) / томны төз., текст, искәрмә һәм аңлатмаларны эзерләүче С.Х. Алишев. Казан: Татар. кит. нәшрияты. 1984. 539 б.

24. *Исхаки Г.Г.* Идель-Урал / авт. предисл. и послесл. Рафаэль Хаким. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 64 с.

25. *Исхаков М.Г.* Әсәрләр: 15 томда / Гаяз Исхакый. 7 т.: Публицистика (1915–1916) / аңлатма һәм искәрмәләр язучылар: З.Рәмиев. Э.Галимжанова, Г.Ханнанова, Ф.Кадырова. Казан: Татар.кит.нәшр., 2008. 366 б.

26. *Исхаков С.М.* Ибрагим Ахтямов: малоизвестные факты политической биографии // Вестник ВЭГУ. 2017. №6 (92). С.165–175.

27. *Исхаков С.М.* Политические партии в российских революциях в начале XX века. Всероссийская научная конференция // Отечественная история. 2004. №6. С.199–203.

28. *Курбанов Т.Я.* Татарские учителя и татарская учащаяся молодежь Поволжья и Приуралья в период буржуазно-демократической революции. 1905–1907 гг. // Из истории педагогики в Татарии: сб. статей / отв. ред. Я.И. Ханбиков. Казань: [б. и.], 1967. С.10–74.

29. *Лившиц С.* Казанская оциал-демократическая организация в 1905 г. // Пролетарская революция. 1923. №3 (15). С.92–177.

30. *Лившиц С.* Очерки истории социал-демократических организаций в г. Казани (1888–1916 гг.). Часть II (1902–1904 гг.) // Коммунистический путь. 1922. №2. С.43–100.

31. *Мансуров Г.* Беренче революция елларында татарлар. М.: СССР халыкларының Үзәк нәшрияты, 1926. 158 б.

32. *Мәрданов Р.* «Әл-Ислах» газетасы // «Әл-Ислах» газетасының библиографик күрсәткече / төз. Р.Ф. Мәрданов; фәнни ред. М.Г. Госманов. Казан: Казан ун-ты нәшр., 1991. Б.4–10.

33. Минзәлә // Казан мөхбире. 1907. 10 гыйнвар (№202).

34. Мусульманские депутаты Государственной думы России, 1906–1917 гг.: Сб. док. и материалов / сост., авт. вступ. ст. и примеч. Л.А. Ямаева. УФА: КИТАП, 1998. 384 с.

35. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.И-187. Оп.1. Д.333.

36. Научный архив Уфимского научного центра РАН (НА УНЦ РАН). Ф.56. Оп.1. Д.67.

37. Национальные движения в период первой революции в России (сборник документов из архива быв. Департамента полиции) / сост. И.Д. Кузнецов. Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1935. 398 с.

38. *Раимов Р.М.* 1905 год в Башкирии (Революционное движение в 1905–1907 гг.): Диссертация на степень кандидата ист. наук (защищена 10 декабря 1938 г.) / отв. ред. А.Л. Сидоров. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1941. 220 с.

39. *Рәмиев И.* Вакытлы татар матбугаты (альбом). 1905–1925. Казан: Гажур, 1926. 250 б.

40. Революционное движение в Татарии в 1905–1907 гг.: Документы и материалы / под ред.: Х.Х. Хасанова и С.И. Мухамедова. Казань: Таткнигоиздат, 1957. 495 с.

41. Татарская периодическая печать: Научно-энциклопедическое издание / сост. и науч. ред.: Р.А. Айнутдинов, З.З. Гилазев. Казань: Изд-во Академии наук РТ, 2017. 200 с.

42. Театрда сөйләнгән нотыклар // Тормыш. 1916. 1 октябрь (№523).

43. *Хасанов Х.Х.* Революционер-интернационалист. Жизнь и деятельность большевика Хусаина Ямашева. 2-е изд., доп. Казань: Татар. кн. изд-во, 1981. 216 с.

44. Шәкерт галәме // Тавыш. 1907. 30 апрель (№2).

Tatar socialist movement: genesis and development

A.V. Akhtyamova

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to the study of the activities of the Tatar social democrats and Socialist revolutionaries. The author examines the emergence and stages of development of the Tatar socialist movement in the pre-revolutionary period and during the years of the First Russian revolution of 1905–1907. The impact on the Tatar community of student organizations that arose on the basis of the Kazan Tatar teacher's school and madrasah is shown. Information about the press of the Tatar organizations of social democrats and socialist revolutionaries is presented.

Keywords: the First Russian revolution of 1905–1907, Tatar social democrats, Tatar social revolutionaries, Ibrahim Akhtyamov, Ibniamin Akhtyamov, Khusain Yamashev, Gayaz Iskhaki.

For citation: Akhtyamova A.V. Tatar socialist movement: genesis and development. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 2, pp.95–106. (In Russian)

Информация об авторе:

Ахтямова Алсу Вазиховна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация), e-mail: alsu_was@mail.ru

Akhtyamova Alsu Vazikhovna – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Мирсаид Султан-Галиев: право, нация, государство

Д.Р. Зайнутдинов

*Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова
Казань, Российская Федерация*

В плеяде татарских коммунистов 1917–1920-х гг. ярко выделяется Мирсаид Хайдаргалиевич Султан-Галиев. Молниеносно взошедший на политический олимп и низведенный режимом до уровня «врага народа». Политически активным периодом деятельности М.Х. Султан-Галиева являются 1918–1919 гг. В качестве государственного деятеля всероссийского масштаба он проявил себя в 1920–1923 гг. Тяжелый период для Мирсаида Султан-Галиева начался с 1923 г. Однако, несмотря на длительные периоды пребывания в заключении, он никогда не прекращал научно-публицистическую работу, в связи с чем с 1912 по 1938 г. накопилось много материалов: многочисленные статьи М.Х. Султан-Галиева, обширные доклады выступлений, обращения, письма, материалы следственных показаний. Изучение его письменного наследия и по сей день не теряет своей актуальности. Поэтому данная работа посвящена изучению государственно-правовых воззрений Мирсаида Султан-Галиева.

Ключевые слова: Мирсаид Султан-Галиев, социализм, коммунизм, правовые идеи, колониализм, право наций на самоопределение, международная правосубъектность.

Для цитирования: Зайнутдинов Д.Р. Мирсаид Султан-Галиев: право, нация, государство // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №2. С.107–116.

М.Х. Султан-Галиев родился 13 июля 1892 г. в деревне Елимбетово (некоторые указывают село Кумаскалы) Стерлитамакского уезда Уфимской губернии. В 1911 г. он окончил Татарскую учительскую школу в городе Казани. Уже к 19 годам М.Х. Султан-Галиев сильно проникнулся революционными идеями, на что огромное влияние оказала и Первая русская революция 1905–1907 гг. С 1911 по 1913 г. он работал учителем в деревнях Старо-Адзитарово и Шарипово Стерлитамакского уезда.

«Юный Мирсаид перечитал все книги отцовской библиотеки и библиотеки Белебеевского земства. С глубоким интересом знакомился он с творениями восточных и русских классиков. Особый интерес вызывала у него история родного народа» [16, с.103]. Широкий интерес к литературе способствовал появлению у Мирсаид Султан-Галиева определенного писательского таланта.

После Февральской революции 1917 г. Мирсаид Султан-Галиев был приглашен председателем исполкома Милли Шура Ахмедом Цаликовым в Петроград, где назначен секретарем исполкома этой организации. В ноябре 1917 г. он вступает в РСДРП(б). С 1919 по 1923 г. М.Х. Султан-Галиев

занимает высокие посты: члена Реввоенсовета 2-й армии Восточного фронта, коллегии Народного комиссариата по делам национальностей РСФСР, председателя Центрального мусульманского комиссариата и Федерального земельного комитета.

В годы революции и Гражданской войны М.Х. Султан-Галиев стал верным соратником Муланура Вахитова, который оказал немалое влияние на формирование многих его идей. «Он принимал активное участие в революционных событиях в Казани, был одним из организаторов Мусульманского социалистического комитета, который собрал в своих рядах лучших представителей демократических сил». В 1918 г. М.Х. Султан-Галиев участвует в становлении советской власти во всем Поволжье, пресекает попытку провозглашения Государства Идель-Урал, а летом организует оборону Казани от наступающего Чехословацкого корпуса. «Великолепные организаторские данные, гражданское мужество и отвага, умение убеждать людей в самых экстремальных ситуациях – эти качества сделали Султан-Галиева одной из наиболее крупных фигур в плеяде большевиков, работавших в национально-освободительном движении», – пишет Б.Ф. Султанбеков [14, с.9].

Мирсаид Султан-Галиев оставил достаточно большое письменное наследие. Из-под пера политика вышли различные труды, в которых анализируются вопросы государства и права, самоопределения наций, международной правосубъектности освободительных движений, федерализма, революционного правосознания, организации национального образования и т.д. Безусловно, М.Х. Султан-Галиев раскрыл себя как теоретик права и государства.

Для современной татарской науки большим шагом вперед стала публикация в 1992 и 1998 гг. И.Г. Гиззатуллиним и Д.Р. Шарафутдиновым сборников трудов Мирсаида Султан-Галиева. В 2002 г. исследователям стали доступны дополнительные документы по «делу Султан-Галиева», составителями данного сборника выступили Б.Ф. Султанбеков и Д.Р. Шарафутдинов. Общий объем опубликованных материалов о М.Х. Султан-Галиеве превысил 1500 страниц. Бессмысленно перечислять наименование научных исследований, посвященных М.Х. Султан-Галиеву, так как это займет не менее десяти листов. Тем более эту объемную работу в 2012 г. провели Г.Ш. Зимаголова и Д.Р. Шарафутдинов, издав соответствующий библиографический указатель [4, с.296–308]. Таким образом, учеными была проделана огромная работа по публикации трудов М.Х. Султан-Галиева и изучению его деятельности. В то же время его государственно-правовые воззрения и по настоящее время остаются нераскрытыми.

Создавая социалистическое право. М.Х. Султан-Галиев прекрасно разбирался во многих вопросах юридического характера, что подтверждает целый ряд статей, изданных им еще в дореволюционный период. В своих работах теоретик подвергал критике имперское законодательство, ана-

лизировал пробелы в праве, выявлял недостатки в деятельности существующего государственного механизма и органов власти.

Крайне интересным является изданная им в 1913 г. статья «Новый закон о высших начальных школах и русские мусульмане (Письмо народного учителя)» [15, с.34–35]. В данной статье проводится анализ очередной реформы образования и принятого в рамках нее Положения «О высших начальных училищах» от 25 июня 1912 г. [12, с.953–958]. Мирсаид Султан-Галиев открыто критикует цель реформы, поставленную законодателем, и указывает на то, что сама реформа, как и предшествующие ей, ограничит нерусское население в реализации своего права на образование [15, с.34]. Примечательно, что и современные ученые дают неоднозначную оценку Положения «О высших начальных училищах» от 25 июня 1912 г. [3, с.220].

Нельзя не отметить, что проведенный М.Х. Султан-Галиевым нормативный анализ Положения от 25 июня 1912 г. весьма глубок. Он постарался обратить внимание на основной недостаток, а точнее законодательный пробел, заключающийся в процедуре сдачи нерусскими учащимися экзаменов при поступлении в высшую начальную школу. Данную проблему он вполне обоснованно связывал с недостаточным знанием «учащимися-инородцами» русского языка. В тоже время М.Х. Султан-Галиев вовсе не отрицал необходимость проведения реформы образования, а потому указывал на необходимость решения трех основных задач: во-первых, первоочередно следует провести реформу начальной школы, с сохранением национальной и религиозной специфики; во-вторых, общероссийское образование должно развиваться с учетом многонационального характера империи; в-третьих, правительству необходимо выработать некие критерии для обеспечения равноправия в получении очередного уровня образования нерусскими народами [15, с.35]. Таким образом, при проведении реформ в образовательном праве М.Х. Султан-Галиев предлагал использовать общедемократические идеи – равноправие, доступность, всеобщность образования.

Однако царская власть, будучи авторитарной по происхождению, пошла привычным ей путем – колонизаторским. Подтверждением этого стали появившиеся в 1913 г. Правила «О начальных училищах для инородцев» [13, с.386–398]. Они дополнили имперское русификаторское образовательное законодательство, став четвертым правительственным актом о просвещении нерусских народов (Правила «О мерах к образованию населяющих Россию инородцев» 1870 г., Правила «О начальных училищах для инородцев, живущих в восточной и юго-восточной России» 1906 г., Правила «О начальных училищах для инородцев» 1907 г.). «Главной целью этих законодательных актов был контроль за соотношением компонентов общего державного (великорусского) и этнического характера в системе начального школьного образования нерусских народов, особенно

исповедовавших ислам» [5, с.35–36]. В итоге ни одну проблему в сфере образования имперские власти окончательно так и не решили.

В целом проблемы имперского образования и архаичной нормативной правовой базы крайне заботили М.Х. Султан-Галиева, их анализу он посвятил до 1917 г. значимую часть своей научно-публицистической деятельности. Непосредственно на это влиял и его личный педагогический опыт. Очередной работой по образовательной тематике стала статья «Все о том же (крик наболевшей души)», посвященная нескольким аспектам деятельности педагогических работников. Главным недостатком получения образования в Российской империи являлась нехватка финансовых средств у обучающихся и ограниченность перечня лиц, имеющих право претендовать на получение стипендий. В указанной статье эту проблему М.Х. Султан-Галиев описывает в специфической форме, приводя текст «письма своей сестры» – «Мани», которая просит у родных денег для продолжения обучения и получения диплома народной учительницы. Указывает он и на то, что проблема нехватки средств для существования затрагивала и уже действующих учителей, имеющих огромный стаж работы. «Отец мой – народный учитель. Хотя он служит уже тридцатый год, но пенсии ему все еще нет. Может быть, он и выхлопотал бы себе пенсию, да все надеется, что вот-вот начнут выдавать периодические прибавки ...», – пишет М.Х. Султан-Галиев. Примечательно, что в указанной статье к анализу проблем педагогической деятельности М.Х. Султан-Галиев подошел не как «учитель-инордец», а с позиции российского учителя, не используя национальный аспект. Этот факт позволяет говорить, что поставленные им проблемы являлись общими для всех педагогических работников (низового звена) Российской империи. Подытоживая свои размышления, М.Х. Султан-Галиев заключал: «Мы, народные учителя, по-прежнему находимся в положении рабов, притом нищих рабов, просящих света, тепла и свободы, но напрасно протягивающих свои руки» [15, с.28–30]. Его вывод – это прокламация, имеющая выраженный социалистический оттенок.

Вопросы образовательного права, реформы образования, архаичности законодательства, академической свободы, финансового обеспечения педагогических работников, национального образования и прочие проблемы М.Х. Султан-Галиев поднимал и в ряде других статей.

Помимо постановки правовых проблем в сфере образования, М.Х. Султан-Галиев затрагивал и другие вопросы, такие как недостатки в функционировании государственного механизма и органов государственной власти, проведении правовой политики.

Здесь можно обратиться и к статье «О мусульманской фракции в Государственной думе» [15, с.48]. Данная работа носит аналитический и обобщающий характер, так как за основу он берет информацию из крымскотатарской газеты «Тарджиман» («Переводчик»). В ней он обращает внимание на то, как повлияли события «третьеиюньского переворота» на парламентаризм в России. «Третьеиюньский переворот» 1907 г. изменил

порядок комплектования Государственной думы, тем самым пошатнув основы формирующегося конституционного строя [11, с.97]. Данный избирательный закон существенно урезал представительство национальных окраин – Польши, Кавказа, Средней Азии. Так, Европейская Россия избирала 403 члена Думы, Азиатская – 15 членов [6, с.509–510]. В данном ключе М.Х. Султан-Галиев отмечал: «В 1-й и 2-й Государственной Думе мусульманская фракция была довольно сильна количественно и качественно. Но благодаря избирательному закону 3-го июня число членов-мусульман сильно уменьшилось: в 3-й Думе мусульман было 10, а в 4-й – всего 6 человек» [15, с.48]. Целью этой статьи Мирсаид Султан-Галиев ставил не только довести до населения информацию о необходимости широкой народной поддержки мусульман-депутатов, но и указывал на нарушение избирательного законодательства, на установленные ограничения для национального представительства.

Особенностью всех работ М.Х. Султан-Галиева являлся социалистический тон. Во многих из них он поднимал проблему необходимости совершенствования механизма правового регулирования общественных отношений, опираясь на социалистические правовые доктрины. Принципы равноправия, справедливости, законности становились ключевыми критериями при разрешении тех или иных вопросов правового характера.

Таким образом, говоря о правовых воззрениях М.Х. Султан-Галиева, можно с полной уверенностью заявить, что к началу 1917 г. он сложился как теоретик социалистического права. При этом следует отметить и тот аспект, что если до 1917 г. его в основном заботили вопросы частнопроводного характера, то в революционный период он погрузился в проблематику публичного права и государственного строительства. Определенную роль он сыграл в формировании советского права. Ярким примером в данном случае выступает его работа в Федеральном земельном комитете, когда при его непосредственном участии в 1922 г. разрабатывался Земельный кодекс РСФСР [14, с.27]. В последние годы, находясь у власти, Мирсаид Султан-Галиев постарался в полном объеме воплотить в жизнь принципы социалистической законности, равноправия, народовластия, тем самым выстроить некую идеальную государственно-правовую модель.

Право наций на самоопределение. «С 1918 г. в творчестве Султан-Галиева особое место занимает национально-колониальный вопрос. Глубоко изучив эту проблему, он в конце 1917 – начале 1918 г. выдвигает важное в теоретическом и практическом отношениях положение об угнетающих и угнетенных народах» [15, с.20]. Немалое влияние на формирование этих воззрений у М.Х. Султан-Галиева оказал Мулланур Вахитов, последовательно отстаивавший идею о революционизировании Востока. Поэтому справедливо пишет А.Ф. Кавиев, что «политические идеи М. Вахитова продолжали развиваться и после трагической гибели комиссара. Его преемником стал М. Султан-Галиев» [10, с.21].

Национально-колониальный вопрос и вопрос национально-освободительной борьбы угнетенных народов Востока занимают центральное место в трудах М.Х. Султан-Галиева. Переведя их в публично-правовую плоскость, он детально рассмотрел природу права наций на самоопределение как коллективного права народа, отнесенного к общепризнанным нормам международного права. Безусловно, Мирсаид Султан-Галиев стал признанным теоретиком в вопросе самоопределения наций. Своими трудами он существенно обогатил этот международно-правовой институт.

Прежде всего М.Х. Султан-Галиева заботила судьба многомиллионного мусульманского населения Востока, находящегося в колониальной зависимости от западных стран. В освобождении поработенных народов он видел залог распространения социализма в мире. Ориентируясь на Запад с октября 1917 г., большевики отбросили идею начала мировой революции на Востоке, что уже в 1920 г. привело к полному краху этой идеи в целом. Как писал М.Х. Султан-Галиев: «Даже в том случае, если бы западноевропейскому рабочему удалось одержать победу над своей буржуазией, то и тогда нам неминуемо пришлось бы столкнуться с Востоком, так как в последнем случае западноевропейская буржуазия, по примеру своей товарки по несчастью – русской буржуазии – занялась бы концентрацией своих сил на своих “окраинах” и в первую голову на Востоке» [15, с.201]. Мирсаид Султан-Галиев считал, что для реализации идеи мировой революции крайне важна поддержка борьбы народов Востока за свою международную правосубъектность.

М.Х. Султан-Галиев доказывал прямую взаимозависимость социалистической революции и национально-освободительной борьбы. Он отмечал, что «социальная революция и водворение социального строя возможны только при ничем не затемненном сознании классовой дифференциации и полной солидарности пролетариата всех народов мира, а последние достижимы лишь при радикальном разрешении национального вопроса и восстановлении диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства каждой народности над своей буржуазией». В свою очередь, крушение империализма и успех всемирной социальной революции он видел «лишь при лишении экономических ресурсов западноевропейской буржуазии на Востоке, что возможно только при условии восстания угнетенных веками трудовых масс народов Востока против своих поработителей и чему будет способствовать правильное разрешение национального вопроса среди мусульман Ближнего Востока» [15, с.250]. Право самоопределения теоретик напрямую связывал с идеей формирования у народов Востока нового национального правосознания, первоочередной целью которого является подготовка к переходу народа в новую общественно-экономическую формацию – коммунизм. Новое революционное правосознание одновременно с идеями независимости должно было впитывать и социалистические правовые учения. Постепенно правовая политика национальных государств

народов Востока, по мнению Мирсаида Султан-Галиева, выстраивалась бы из коммунистического доктринального базиса.

Для М.Х. Султан-Галиева самоопределение народа являлось естественным правом нации по аналогии с правом человека на жизнь, имеющим характер неотъемлемости от рождения [15, с.240–241]. Стоит отметить, что право наций на самоопределение – это право народов самостоятельно определять форму своего государственного существования, свободно и без вмешательства извне определять свой политический статус, осуществлять свое экономическое и культурное развитие, независимо устанавливать различные формы отношений с другими народами. Иначе говоря, соотнося право нации на самоопределение и право на жизнь как фундамент естественно-правовой концепции, можно прийти к схожим критериям правосубъектности. Нация, организуясь, приобретает способность вступать в правоотношения как коллективный субъект международного права. Формой организации нации как раз и выступает национально-освободительное движение. Этот аспект крайне важен в эволюции понимания природы права нации на самоопределение. Ранее это право распространялось только на так называемые «цивилизованные народы», под которыми прежде всего подразумевались европейцы. В то время как за народами в колониальных владениях право на самоопределение отрицалось. Свершившаяся в 1917 г. в России революция осуществила титанический сдвиг в расширении природы права нации на самоопределение. Постепенно нации, борющиеся за свою независимость, начали выступать как субъекты международного права [1, с.29–30].

Доктрины социализма для М.Х. Султан-Галиева первоочередно являлись инструментом освобождения всех мусульманских народов от западного империализма. Прав И.Р. Тагиров, отмечая, что для Мирсаида Султан-Галиева социализм не был модным пристрастием. «Он в них искал ключ к освобождению угнетенных народов от пути капитализма и колониализма» [16, с.103]. Без создания национальных государств движения к коммунизму, как новой общественно-экономической формации, было просто невозможно. «Как революционер и мыслитель, теоретик национально-колониального вопроса М.Султан-Галиев связывал будущее народов Востока с советской системой в ее умеренно-большевистском варианте». Однако для этого «на Востоке сначала должна произойти антиколониальная революция, затем – социальная» [7, с.17–18]. Выработанные и формирующиеся в России концепции социалистического права должны были ускорить формирование нового национального правосознания народов Востока и в ограниченные сроки перенаправить его с буржуазного пути на социалистический.

Свои идеи о колониальной борьбе и праве нации на самоопределение М.Х. Султан-Галиев превратил в национал-коммунистическое политико-правовое учение. Важным моментом в его распространении стала педагогическая деятельность в Коммунистическом университете трудящихся

Востока (КУТВ), который был создан по постановлению ЦК РКП(б) от 10 февраля 1921 г. при Народном комиссариате просвещения РСФСР. «КУТВа оставался весьма активным и влиятельным форумом до 1924 г., когда его персонал был впервые подвергнут чистке (повторная чистка произошла в 1927 г., а следующая – в 1930 г.: неортодоксальные социалистические идеи становились все менее приемлемы для советского режима)». Лекции Мирсаида Султан-Галиева по курсу «Колониальный Восток и мировая революция» пользовались огромной популярностью среди студентов. Через КУТВ его идеи и концепции проникали в среду политических лидеров восточных стран. Помимо М.Х. Султан-Галиева, в КУТВ работали и такие выдающиеся советские деятели, как Турар Рыскулов, Нариман Нариманов, Нажмуддин Ефендиев-Самурский, Галимджан Ибрагимов, Ахмед Байтурсун, Файзулла Хожаев и Мир-Якуб Дулатов. Свою лепту в развитие национал-коммунизма внесли и иностранные социалисты, приглашенные читать лекции и руководить КУТВ: индиец Манабendra-Нат Рой, нидерландец Хэнк Снивлит и иранец Султан Заде [2, с.68]. Университет служил кузницей подготовки национальных кадров для народов, борющихся за свою международную правосубъектность и независимость.

Смерть В.И. Ленина знаменовала стремительный рост авторитаризма в Советском государстве, который к концу 1920-х гг. перерос в тоталитаризм. Пришедший к власти И.В. Сталин приступил к полной зачистке партии от оппозиционных групп. Большевистская партия мыслилась ему в качестве могучего «ордена меченосцев», члены которого спаяны железной дисциплиной и подчиняются одной воле – воле вождя [9, с.834]. В пучине нарастания террора представители «старой коммунистической гвардии» либо полностью прогибались под сталинскую планку, либо умирали вместе со своими убеждениями. Именно вторая судьба ждала Мирсаида Султан-Галиева. По приговору Военной коллегии Верховного суда СССР 28 января 1940 г. на полигоне «Коммунарка» М.Х. Султан-Галиев был расстрелян.

М.Х. Султан-Галиев всю свою энергию направлял в дело укрепления советской государственности, образ которой он чрезмерно идеализировал. Справедливость и равноправие – вот те главные критерии, на которых должно было основываться Советское государство и право. Тем не менее, «догматизм и невежество мешали многим партаппаратчикам понимать концепции Султан-Галиева. Но ведь в 1917–1921 гг. это не мешало проводить его идеи в жизнь, причем при поддержке Сталина. Султан-Галиев был незаменим, когда надо было завоевывать авторитет у мусульман, привлекать их на сторону советской власти, сбивать первую волну национализма и басмачества в Поволжье и Крыму, на Кавказе и Средней Азии. Но Султан-Галиев, стремившийся всерьез продолжать демократическую политику уважения национальных прав и особенностей, признания роли ислама, местных культур и обычаев не на словах, а на деле, такой Султан-

Галиев был Сталину не только не нужен, но и опасен. К тому же он выступил с резкой критикой сталинского проекта автономизации» [8, с.39].

Мирсаид Султан-Галиев внес огромный вклад в различные спектры социалистического учения. В частности, он смог укрепить общую теорию социалистического права, расширить содержание природы права наций на самоопределение. Кроме этого, отдельные социалистические идеи и доктрины М.Х. Султан-Галиева привели к рождению такой идеологии, как исламский социализм, который лег в основу государственно-правовой системы целого ряда стран в XX в.

Источники и литература

1. Белокреницкий В.Я. Восток в период колониализма // Сравнительная политика. 2010. №1(2). С.18–30.
2. Беннигсен А.А. Наследие мусульманского национал-коммунизма // МИНБАР. Казань. 2008. №1. С.57–78.
3. Гошуляк Л.Д. Управление системой народного образования России в XIX в. // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2013. №4 (28). С.215–223.
4. Зимаголова Г.Ш., Шарафутдинов Д.Р. Мирсаид Хайдаргалиевич Султан-Галиев (1892–1940). Библиографический указатель // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2012. №3–4. С.296–308.
5. Из истории национального образования нерусских народов Поволжья и Приуралья (1870–1910-е гг.) / автор. кол.: Р.В. Шайдуллин, Р.А. Айнутдинов, Л.М. Айнутдинова, и др. Казань: Институт татарской энциклопедии и регионоведения АН РТ, 2016. 276 с.
6. Исаев И.А. История государства и права России: учебник. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юристъ, 2004. 797 с.
7. Исламулова И.Р. Политические взгляды Мирсаида Султан-Галиева: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 23.00.01 / Уфа, 2005. 22 с.
8. История Востока: в 6 т. Т. 5: Восток в новейшее время: 1914–1945 гг. / ред. кол.: Р.Б. Рыбаков, Л.Б. Алаев, В.Я. Белокреницкий и др.; Ин-т восток. РАН; ответ. ред. Р.Г. Ланда. М.: Вост. лит., 2006. 717 с.
9. История политических и правовых учений: Учебник для вузов / под общ. ред. акад. РАН, д. ю. н., проф. В.С. Нерсесянца. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2004. 944 с.
10. Кавиев А.Ф. Общественно-политические взгляды Муллачура Вахитова: автореферат дис. ... канд. ист. наук. Казань, 2003. 23 с.
11. Кутафин О.Е. Избранные труды: в 7 томах. Т.7. Российский конституционализм: монография. М.: Проспект, 2011. 544 с.
12. ПСЗРИ. Собр. III. Т.32. №37513. С.953–958.
13. Правила «О начальных училищах для инородцев» от 14 июля 1913 года // Вестник Оренбургского учебного округа. 1913. №5. С.386–398.
14. Султанбеков Б.Ф. Первая жертва Генсека. Мирсаид Султан-Галиев: Судьба. Люди. Время. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 208 с.
15. Султан-Галиев М.Х. Избранные труды / сост.: И.Г. Гизатуллин, Д.Р. Шарафутдинов. Приложение к журналу «Гасырлар авазы – Эхо веков». Казань: Изд-во «Гасыр». 1998. 720 с.

16. *Тагиров И.Р.* Путь в бессмертие (к 120-летию со дня рождения М.Х. Султан-Галиева) // Гасырлар авазы – Эхо веков. 2012. №1–2. С.102–108.

Mirsaid Sultan-Galiyev: law, nation, state

D.R. Zaynutdinov

*V.G. Timiryasov Kazan Innovative University
Kazan, Russian Federation*

Mirsaid Khaidargaliyevich Sultan-Galiyev stands out among the galaxy of Tatar communists of the 1917–1920s. He ascended the political Olympus with lightning speed and was reduced by the regime to the level of an “enemy of the people”. The politically active period of activity of M.Kh. Sultan-Galiyev are 1918–1919. As a statesman on an all-Russian scale, he showed himself in 1920–1923. The difficult period for Mirsaid Sultan-Galiyev began in 1923. However, despite the long periods of imprisonment, he never stopped scientific and journalistic work, in connection with which a lot of materials accumulated from 1912 to 1938: numerous articles by M.Kh. Sultan-Galiyeva, extensive reports of speeches, appeals, letters, materials of investigative testimony. The study of his written heritage to this day does not lose its relevance. Therefore, this work is devoted to the study of the state-legal views of Mirsaid Sultan-Galiyev.

Keywords: Mirsaid Sultan-Galiyev, socialism, communism, legal ideas, colonialism, the right of nations to self-determination, international legal personality

For citation: Zaynutdinov D.R. Mirsaid Sultan-Galiyev: law, nation, state. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 2, pp.107–116. (In Russian)

Информация об авторе:

Зайнутдинов Динар Рафаилович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права и публично-правовых дисциплин ЧОУ ВО «Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП)», руководитель юридического отдела ЧОУ ВО «Институт социальных и гуманитарных знаний» (Казань, Российская Федерация); e-mail: knight_1988@mail.ru

Zaynutdinov Dinar Rafailovich – Cand. Sci. (law), Associate Professor, Associate Professor of the Department of theory of state and law and public disciplines of the V.G. Timiryasov Kazan Innovative University, head of the legal Department of the Institute of Social and Humanitarian Knowledge (Kazan, Russian Federation).

К вопросу о причинах образования Татарской АССР

С.М. Исхаков

*Институт российской истории РАН
Москва, Российская Федерация*

Статья отражает основные подходы к освещению национальной политики в Российской империи и в Советской России и посвящена малоизученному аспекту истории появления Татарской АССР. В освещении этого события имеются пробелы, обусловленные, с одной стороны, влиянием современных трактовок национальной политики, с другой – умалением роли социального движения народных масс, происходившего под религиозным влиянием и сыгравшего важную роль в ходе Гражданской войны на территории Поволжья и Урала в 1918–1920 гг.

Ключевые слова: национальная политика, мусульмане, И.В. Сталин, С.Макусов, Идель-Урал, Башкирская АССР, Татарская АССР.

Для цитирования: Исхаков С.М. К вопросу о причинах образования Татарской АССР // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №2. С.117–130.

Национальная политика для России – многовековая фундаментальная проблема. Понимание этой политики различается на государственном уровне и в обществоведении. Если в мировой науке под термином «национальная политика» понимается осуществление внешних интересов государства, а внутренняя политика государства в отношении этнических групп называется этнической политикой, то в Российской Федерации, согласно официальным документам, под «государственной национальной политикой» понимается система мер, реализуемых государственными органами и органами местного самоуправления, институтами гражданского общества и направленных на укрепление межнационального согласия, гражданского единства, обеспечение поддержки этнокультурного и языкового многообразия, недопущение дискриминации по признаку социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности, предупреждение конфликтов на национальной и религиозной почве.

В советской и российской историографии применяется термин «национальная политика», которая трактуется как явление чрезвычайно сложное, охватывающее многообразный мир отношений, деятельности, поведения, взглядов и связей между людьми, а также управление разнообразными интересами народов, населяющих ту или иную территорию, самыми разными сферами жизни общества, прежде всего экономической, социальной и духовной. В российской этнологической науке принят иной термин – «этнополитика».

К настоящему времени в политическом лексиконе и в историографии сложились противоречивые представления относительно национальной политики, проводимой в Российской империи к началу XX в. С одной стороны, весьма популярна точка зрения, что, например, мусульманам в царской России жилось «хорошо», что у них не было никаких причин для социального протеста, с другой – во многих публикациях поведение мусульманских масс рассматривается под углом зрения исходящего от них сепаратизма, грозящего целостности православно-христианского государства.

Если обратиться к хорошо известным историческим фактам, то в Российской империи национальная политика сводилась к регулированию не положения нерусских этносов, а статуса их конфессий и отчасти определяемых местными религиозными установлениями особенностей организации социальной жизни этих «инородцев». Единственным субъектом такой «национальной» политики был имперский Центр, а все нерусские народы оставались только объектом «национального» управления [14, с.580–581], что было нацелено на то, чтобы все присоединенные к Центральной России территории с нерусским населением, в том числе с мусульманами, стали частью единого всероссийского социума. На практике, как свидетельствует исторический опыт, это означало, что политика насильственной интеграции перерастала в различные варианты «цивилизованной» политики христианизации и русификации, но подобные усилия не дали ожидаемых результатов [12, с.268]. Неэффективность национальной политики самодержавия в начале XX в., как отмечалось в историографии, стала одним из факторов радикализации настроений масс и дезинтеграции общества [4, с.200], что привело самодержавие к политическому банкротству в 1917 г.

Пришедшее к власти в России весной 1917 г. Временное правительство отменило наиболее несправедливые нормы имперского религиозного законодательства, существенно облегчило условия деятельности неправославных объединений, предприняло шаги по созданию государственной светской школы и секуляризации различных сфер российского общества [9, с.12, 13]. В условиях революционного 1917 г. многочисленные нерусские народы Северной Евразии, в том числе Поволжья и Урала, вставали на путь самоопределения, создания своей государственности в той или иной форме, что привело к необходимости определения взаимоотношений тех или иных общероссийских правительств с этими региональными образованиями (которые очень часто и в современной литературе называются «национальные окраины», т.е. по-прежнему рассматривая их из имперского Центра), когда эти народы стали обретать статус субъектов национальной политики, т.е. могли сами решать свои проблемы на принципах демократии и гражданского общества.

После установления в России советской власти ее национальная политика, как было принято считать в советской историографии, привела к возникновению национальной государственности народов бывшей импе-

рии и добровольному объединению народов. Национальный вопрос подчинялся интернационалистской (фактически централистской) идее – созданию новой общности людей, при этом социальные проблемы довели над национальными интересами.

При этом высказываются самые разные точки зрения на роль этих народов в истории, вплоть до полного отрицания их способности на самостоятельное государственное существование. Здесь, как и в других схожих ситуациях, важно, как отмечал Р.Г. Кузеев (Уфа), «понять, измерить живущие в толще народа настроения, воспоминания, ориентации и способствовать их превращению в целенаправленный процесс». Борьба коммунистов с «национализмом» и «националистами» еще в полной мере в историческом аспекте не оценена. Однако очевидно, что эта борьба нанесла урон не только развитию народов и культур. Она на долгое время исказила в сознании людей идеи и лозунги национального движения, смысл понятий «самоопределение», «автономия», «федерация». Проблема взаимоотношений «Центра» и «окраин» превратилась в одну из ключевых в политической истории СССР [13, с.141, 144–145]. В современной российской историографии утвердилось мнение, что советская национальная политика, как и царская, не решила национальную проблему, что в конечном итоге привело к распаду многонационального СССР.

В то же время, согласно другой усиленно распространяемой ныне точке зрения, национальная политика Российской империи, как пишет, к примеру, А.И. Миллер (Москва), «решала довольно успешно» задачу «контролировать» «конфликты и напряженность» и предотвратить «формирование мощных сепаратистских тенденций» [19, с.255]. В изданном в Уфе сборнике под весьма красноречивым названием встречаются типичные рассуждения. Так, М.В. Гаухман (Уфа) пишет, что генерал-губернаторы в полиэтничных регионах империи были проводниками национальной политики, деятельность которых заключалась в обеспечении контроля над окраинными территориями и нерусскими народами [1, с.71]. Иначе говоря, поклонники неоимперской историографии предлагают считать мифом представление о Российской империи как о «тюрьме народов», выдвигая одновременно такую схему: правящие круги этой империи использовали в своей практической политике патернализм, который позволил сохранять народы, их культуру, самобытность и прочее, никакой русификации и христианизации в отношении, в частности, мусульман на закате империи не было, а те, кто писал и пишет об этом, явно раздувают такого рода факты, придавая им гипертрофированное значение.

Подобные рассуждения современных авторов объяснимы идеологическим восприятием подлинных интересов нерусских народов, в частности, Поволжья и Урала, в то же время интересны с точки зрения политической антропологии и современной политологии, и конъюнктуры. Причем различные формы сопротивления такой «патерналистской» политике со стороны народов одними авторами определяются обычно как национали-

стические (т.е. фактически с точки зрения Центра), другими – только как национальные, национально-освободительные (исходя из интересов того или иного народа «периферии» Центра).

Как следует из исторических фактов, в Поволжье и на Урале – одном из историко-культурных регионов Северной Евразии с полиэтническим и поликонфессиональным населением в начале XX в. – специфику развития определял татарский народ – его интересы, настроения, устремления. Дискуссия о роли этого существенного фактора в указанный период не только остается актуальной в историографии, особенно в политологии и в политической публицистике, но и привлекает все больше общественный интерес не только в России, но и за ее пределами.

Изучение социального поведения мусульманских народов бывшей Российской империи, в том числе Поволжья и Урала, во время Гражданской войны в России, выстроенное в советской историографии по схеме «развития национально-освободительного движения народов», ставило цель показать «логику» процесса освобождения от мусульманских лидеров, перехода на «интернационалистские» позиции под красным знаменем и на защиту советской власти. Причем описание этой схемы осуществлялось по региональному принципу в соответствии с позднее созданными союзными и автономными республиками, но вопреки историческим реалиям революционных лет и Гражданской войны.

После распада СССР в постсоветских республиках стала доминировать тенденция «национализации» истории, что затронуло и период Гражданской войны. Изучение национальных движений и государственных образований во всех частях распавшейся империи стало первостепенной тенденцией в странах СНГ и в бывших автономных республиках со значительным тюркским населением. Одной из наиболее цитируемых при этом стала книга европейского исследователя А. Каппелера, который полагал, что с конца 1917 г. усилились центробежные тенденции в мусульманских регионах, и в результате была провозглашена независимость Туркестана, Казахстана, Башкирии, Северного Кавказа и Закавказья [8, с.302]. В этом списке, однако, отсутствует Татарстан, где, как хорошо известно, также шла борьба за самоопределение.

Какой характер имели социальные движения, которые боролись за самоопределение народов Поволжья и Урала? В 1917–1920 гг., на взгляд, например, А.Б. Юнусовой (Уфа), «демократическое движение среди тюркских народов было по сути татарским, башкирским, казахским, тюркским, то есть национальным, этнополитическим, но не исламским. Следовательно, словосочетание “мусульманское движение”, имеющее определенную смысловую нагрузку, в отношении России вообще неприемлемо, речь можно вести лишь о политической активности (политических движениях) мусульманских народов». Движение башкир, татар, казахов, других мусульманских народов России «ни в коем случае не носило религиозно-политического характера», а было «освободительным» [24, с.85, 316].

Такие рассуждения настойчиво внедряются в историографию, вопреки бесспорному историческому факту, который отмечался всеми современниками: мусульманское население, находившееся под сильным влиянием религии, представляло собой единую общность. Так, на 1-м Всероссийском съезде Советов рабочих и солдатских депутатов в июне 1917 г. делегат-большевик Е.А. Преображенский использовал в своей речи понятие «мусульманская национальность» [16, с.176]. У мусульман, констатировал ЦК РКП(б) в письме партийным организациям от 21 февраля 1920 г., «гражданско-семейный быт тесно связан с религиозными представлениями, религия [...] занимает в их жизни гораздо больше места», чем у других народов, за время существования советской власти большое место в жизни «мусульманского народа» заняло «национальное движение», в основе которого лежало «стремление каждой отдельной этнической мусульманской группы [...] поднять свою национальную культуру, создать свою собственную литературу, свои собственные школы...» [11, с.236, 237]. Понятия «мусульманский народ» и «этническая мусульманская группа», однако, вскоре вышли из партийного употребления, исчезли и из публикаций, так как не вписывались в «национально-освободительную борьбу» мусульман. И в современной историографии наблюдаются другие приоритеты.

На протяжении 1917 г. общемусульманское политическое движение мусульман Российской империи переживает, пишет, к примеру, Д.М. Усманова (Казань), вполне очевидную эволюцию к осознанию примата национальных и региональных интересов. Эта тенденция стала, по ее выражению, «непреложным фактом» к ноябрю 1917 г. В этих условиях идеологам татарского движения было важно сформулировать концепцию татарской национальной государственности [22, с.118]. В 1917 г., по мнению Р.Г. и Р.Р. Фахретдиновых (Казань), происходил распад общественного движения мусульман России на национальные движения с собственными политическими концепциями, а лидеры, в частности, татарского национального движения начали все больше склоняться к идее национальной самостоятельности [23, с.302–303].

Такого рода логика привела к тому, что в историографии бытуют представления о том, что национальные движения буквально за несколько лет Гражданской войны заняли в прочном религиозном сознании народных масс гораздо больше места, чем их вера, т.е. национальное якобы возобладало над религиозным, стало определяющим регулятором их жизни, что, конечно же, искажение истории. Что касается упомянутого «распада», то на самом деле имела место ликвидация большевиками Всероссийского мусульманского совета, исключение его из политики, а упомянутая «эволюция» была присуща узкой группе политиков, а не народным массам, которые находились под сильным влиянием многовековых традиций, связанных с исламом.

Несмотря на сотни различных публикаций, посвященных национальному вопросу и национальной политике, анализ соотношения религиозно-

го и национального в отношении, в частности, тюркских народов Поволжья и Урала не осуществлен. И как показывает состояние источниковой базы, это весьма отдаленная исследовательская перспектива. Вот типичный пример, который касается воспроизведения источников. Один из активных участников борьбы народов Поволжья и Урала за самоопределение А.-З. Валидов в своих воспоминаниях констатировал, что существовали «мусульманские движения, т.е. движения за автономии в Башкурдистане, Алаш-Орде и Туркестане» [20, с.188]. Эта фраза в уфимском переводе переведена так: «движения за автономию в Башкортостане, Алаш-орде и Туркестане» [21, с.276], т.е. слово «мусульманские» было намеренно убрано. Еще пример из уфимского перевода: «...Во мне течет и татарская кровь», – писал Валидов [19, с.278]. Эти слова о его этническом происхождении были также изъяты из уфимского перевода. Даже перевод названия мемуаров, сделанный в Уфе, противоречит оригиналу – «Naturalar: Türkistan ve diğer müslüman doğu Türklerinin milli varlık ve kültür mücadeleleri». В турецком названии сказано о «мусульманах», а не о народах Туркестана, а слова «тюрок» нет в оригинале. Сравнение двух переводов показало, что в уфимском переводе, который широко используется историками особенно в Башкортостане и Татарстане, умышленно были допущены многочисленные искажения и пропуски, особенно когда речь идет об этнических и религиозных темах.

Факты свидетельствуют о том, что буквально с первых же дней после прихода к власти большевиков в Петрограде, руководители общемусульманского движения призвали мусульман всей страны сохранять нейтралитет в русской гражданской войне. 27 октября 1917 г. политический центр общемусульманского движения – Всероссийский (сфера деятельности – вся бывшая империя) мусульманский совет, находившийся в Петрограде, заявил: «Зарево гражданской войны поднялось над страной... Кто бы ни победил в этой борьбе, нельзя закрывать глаза, – в результате страшный удар по революции. [...] Что делать мусульманам в этот момент тяжелой социальной борьбы? Мусульманскому населению, как национальной группе, приходится принять все меры к тому, чтобы кровавое зарево гражданской войны как можно менее захватило их. Спокойствие и выдержка! Необходимо принять все меры к самообороне от всяких случайностей» [6]. Эти призывы к мусульманам были основаны на понятных им коранических указаниях, в частности в таком: «Сражайтесь... с теми, которые сражаются с вами, но не будьте зачинщиками, ибо Аллах не любит несправедливых» и тех, кто поднимает «мятеж» [10, 2:186¹], с мусульманской точки зрения, который инициировали большевики, свергнув Временное правительство. Всероссийский мусульманский совет, зная об их настроениях, выступил против их участия в русской междоусобице.

¹ Так обозначаются ссылки на Коран.

Однако в мае 1918 г. советская власть упразднила этот Совет, что имело огромное политическое значение. Как отмечалось в меморандуме британской разведки от 25 июня 1918 г., после роспуска Всероссийского мусульманского совета возник открытый раскол как в Европейской, так и в Азиатской России между мусульманами и большевистским режимом [26, р.8]. Именно это решение новой власти послужило причиной активизации региональных мусульманских движений, которые стали оказывать сопротивление большевикам и их политике, которую мусульманский народ в отношении их веры воспринял как кощунство и встал на ее защиту.

У руководителей общемусульманского движения, которым пришлось от большевиков бежать в Европу, где только было возможно открыто выразить истинные мотивы и устремления нерусских народов, попавших под советскую власть, имелись свои проекты для народов, в том числе Поволжья и Урала. Об этом заявлял европейской общественности и европейским политикам известный татарский либерал С.Максудов, находясь в Париже. Его активность в Европе вызвала недовольство в Кремле. Об этом свидетельствует начавшаяся в Советской России кампания по его дискредитации в глазах татарского населения. Из Москвы в Поволжье была направлена соответствующая телеграмма. В частности, 30 марта 1920 г. Самарское губернское бюро татаро-башкирской секции при Самарском губкоме РКП(б) на своем заседании, ознакомившись с ней, приняло решение разослать по уездам копии этой телеграммы, чтобы разъяснить населению через печать действия этого, как сказано в документе, «бывшего татарского руководителя во время царизма», ныне «находящегося под влиянием французской буржуазии». Через три недели председатель этого бюро коммунист-татарин Г. Садреев телеграфировал в Москву, что данная телеграмма была распространена с соответствующими пояснениями по уездам и направлена в губком РКП(б) для опубликования в местных газетах [2, с.726]. Такая пропаганда была связана с намеченным в Кремле решением судьбы народов Поволжья и Урала.

В конце мая 1920 г. была создана Татарская АССР, которая охватывала, как известно, лишь небольшую часть татарского населения и той территории, где компактно жили татары. Это была определенная политика Кремля. Ее суть была раскрыта крымско-татарским коммунистом И.Фирдевсом на 2-м Всероссийском съезде мусульманских коммунистических организаций народов Востока, который состоялся в Москве 22 ноября – 3 декабря 1919 г. Передавая свои впечатления от бесед с В.И. Лениным и И.В. Сталиным, он на этом съезде 27 ноября 1919 г. сказал следующее: «Безусловно, мы должны поддерживать национальное движение, но путем создания мелких республик. Не надо давать этому национальному движению объединяться в громадной общей территории, не давать, чтобы это национальное движение охватило громадную территорию, приобрело экономические ресурсы. Безусловно, мы должны создавать не крупные республики, а мелкие республики, присоединяя их к себе и не

давая им возможности объединиться» [18, с.268]. Иначе говоря, создавая подобные «национальные» республики, большевистские вожди имели цель создать просоветские «национальные» движения, настраивая их против ислама, его культуры и наследия. Вот почему началом национального татарского движения следует считать декрет от 27 мая 1920 г. о создании Татарской АССР (Декрет «Об Автономной Татарской Социалистической Советской Республики»). Очевидно, что Идель-Уральская республика, разгромленная большевиками в марте 1918 г., и Культурно-национальная автономия мусульман Европейской России и Сибири, за которые боролись мусульманские движения, представляли потенциальную угрозу для планов кремлевских вождей, конструировавших свою модель для раздробления народов Идель-Урала. Создавая здесь территориальные автономии, они намеренно не считались при этом с фактическим расселением нерусских народов, что приводило к конфликтам на этой основе, к разжиганию тем самым вражды между народами и ставило всех их в полную зависимость от воли кремлевских правителей.

Несмотря на создание большевиками, в частности, Татарской АССР, нереализованный проект создания Идель-Уральского государства имел большую поддержку среди местных коренных народов, оставил глубокий след в их сознании и памяти. Об этом ярко свидетельствует, в частности, повесть татарского писателя Гали Рахима под характерным названием «Идель» (1921 год). Идель – образ-символ, в котором проявляется характерная для символических образов многозначность. В конце повести индивидуальная судьба героя-повествователя вписывается в исторический контекст: «Менә ул – безнең олуг анабыз Идел, минем аяк астымда... Син безнең туган Иделебез, үз Иделебез идең ләбаса, ник үзеңнең балаларың[ны] ташладың? Ник безне әллә кемнәр синең шәфкатьле ярларыңнан сөрделәр? Ятлар, синең үги улларың, хәзер сине “Анабыз Идел” дип атыйлар. Кайчанга чаклы шуңар риза булып торырсың син? Чынлыкта син безнең анабыз идең, ничә йөз еллар безне үз кочагыңда тәрбияләгән идең! Тәкъдир какканга карап, ни өчен син дә безне кагасың инде, Идел?...» («Вот она – наша великая мать-Идель – подо мной... Ты ведь когда-то была нашей родной Иделью, зачем оставила своих детей? Зачем нас изгнали с твоих милосердных берегов? Чужие, неродные тебе дети сейчас зовут тебя “Волгой-матушкой”. Доколе ты будешь терпеть это? Ты ведь была нашей матерью, сколько сотен лет растила нас в своих объятиях! Зачем и ты, как судьба, отвергаешь нас, Идель?») [Цит. по: 5, с.81–82]. Здесь Идель выступает как выражение исторической памяти. Образ чаек, носящихся над рекой в осеннем небе, становится символом трагической судьбы татарской нации: «И минем мескен халкым, мин сине канаты сынган акчарлакка охшатасым килә... Кемнәр генә синең көчле канатларыңны имгәттеләр икән соң?» («О мой бедный народ, я хочу уподобить тебя бескрылым чайкам... Кто же сломал твои сильные крылья?») [Цит. по: 5, с.81–82].

Здесь писатель выразил те чувства народных масс, разделенных административными границами, разобщенными и в вопросах культуры, просвещения, школьного дела, что дало основания понимать, что истинная цель советской власти, создавшей вместо общей Идель-Уральской республики небольшие автономные советские республики, состояла в том, чтобы разделить на части народы этого края, как можно сильнее разобщить их, продолжая тем самым царскую политику русификации и ассимиляции.

Не случайно находившийся в Европе С.Максудов воспринимался европейцами как представитель подлинных интересов татарского народа, являясь председателем Заграничного представительства татар-мусульман Внутренней России, которое было органом Культурно-национальной автономии мусульман Европейской России и Сибири. Это сочетание «татары-мусульмане» означает, что татарские политики прекрасно понимали значение религии для массового сознания тюркского населения этого огромного региона, включавшего в себя Поволжье и Урал.

17 декабря 1920 г. в парижской эмигрантской газете «Последние новости» было опубликовано заявление этого представительства. Как было сказано в документе, татары полагают, что только избранные на основании демократических принципов представители России могут говорить от имени России, и только голос и мнение таких представителей могут иметь вес и моральный авторитет, как в глазах народов самой России, так и среди других народов.

В январе 1921 г. в Париже состоялось совещание 33 депутатов Всероссийского Учредительного собрания. Главной целью этого совещания было показать мировому сообществу их отношение к Советской России, к большевистской власти. В числе участников этого совещания были такие известные политики, как глава Временного правительства А.Ф. Керенский, министры этого правительства Н.Д. Авксентьев, В.М. Чернов, П.Н. Милюков, а также С.Максудов [17, 25 января]. Русские политики обещали татарским представителям обсудить национальный вопрос и разработать свою резолюцию до начала совещания, чего не произошло. В ходе совещания произошла острая полемика между русскими и татарскими политиками.

9 января 1921 г. Максудов в первом своем выступлении критиковал политику русских правителей по отношению к татарскому народу, в частности, подробно описал разрушение Казани Иваном Грозным. Максудов говорил о том, что национальный вопрос при самодержавии всегда старались скомкать и в Думах, и в земствах, и везде, где преобладали реакционеры, а ведь, подчеркивал он, есть народы, для которых этот вопрос является вопросом о жизни и смерти, имея в виду и татарский народ. Максудов призывал участников совещания открыто, ясно и определенно сказать всем народам России о том, что они намерены дать по всем волнующим российских граждан вопросам, по вопросу аграрному, политическому, экономическому и национальному. Максудов предложил участникам совещания

включить в программу пункт о национальном вопросе и откровенно высказаться по нему [3, с.542, 544, 551; 15², 12, 19 января].

15 января участники совещания обсуждали две резолюции. Первая относилась к тем новым государствам, которые образовались на периферии бывшей Российской империи. При обсуждении этого документа Максудов заявил, что помимо воли народа не может существовать тот или иной государственный порядок. Он сказал, что основной причиной отделения от России бывших ее территорий явилось естественное и законное стремление народов этих окраин к самоопределению.

Затем началось обсуждение текста резолюции по национальному вопросу. Максудов зачитал достаточно конкретный проект, в котором было сказано: «В Российской Федеративной Демократической Республике каждой национальности, населяющей определенную область в преобладающем количестве, должны быть предоставлены право и свобода образовать автономную государственную единицу, федеративно входящую в Российскую республику». Кроме того, проект предусматривал и культурно-национальную автономию. Федеративная республика должна была состоять не из союза штатов, а из союза народов. Затем Максудов произнес большую речь. По его мнению, русские политики на совещании предложили резолюцию, в которой не гарантировались права народов как таковые, и им не предоставлялась культурно-национальная автономия. Резолюция, которая фактически повторяла заявления Временного правительства в 1917 г., не договаривала о многом, создавала в будущем основу для нежелательных толкований.

Далее Максудов указал, что в основу федерации должен быть положен принцип, по которому центральная власть не могла бы вмешиваться во внутренние дела того или иного народа. Он предложил свою резолюцию положить в основу резолюции совещания. Началось бурное обсуждение его речи, высказывались различные взгляды. Русские политики в итоге не поддержали данный проект. Выслушав своих оппонентов, Максудов констатировал: «У вас и у нас понимание разное. Мы не можем отказаться от права когда-нибудь образовать *территориальный штат...*».

Обсуждение национального вопроса продолжилось на заседании 17 января, поскольку существовало большое разногласие с татарскими политиками, которые, как отмечалось в газетных отчетах, решительно не соглашались с позицией русских политиков. Согласно дневнику Милукова, Максудов заявил, что он вносит другой проект резолюции, в котором отмечалось, что в России дискриминируется сама принадлежность к нерусскому этносу, например, к татарскому народу, что хотя индивидуумы не ограничены в правах, но отсутствуют национальные права, что необходима полная национально-культурная автономия: не для отдельных индивидуумов, а для всей нации как юридического лица, что значило наличие

² 15 – номер из списка, т.е. газета.

публично-правовых привилегий. «Это – мнение нашего народа, – указывал Максудов, – это и научное понимание культурной автономии» [3, с.578, 579, 587; 15³, 15, 16, 19 января; 17⁴, 15, 16, 18, 19 января].

21 января 1921 г. был принят проект заключительного заявления совещания, в котором было отмечено, в частности, что им принят принцип культурно-национальной автономии, признающей право национальности, как целого, для народов Европейской России, а для наиболее значительных и компактно существующих народов организацию в особые федеративные единицы, оградив в то же время права национальных меньшинств. Эта формулировка, как сообщалось в газетах, не была поддержана Максудовым и его единомышленниками [3, с.612; 15⁵, 22 января]. Их позиция основывалась на статьях Конституции культурно-национальной автономии мусульман Европейской России и Сибири, принятой в Уфе в конце 1917 г. Таким образом, татарские политики в Европе не признавали «национальные» республики, созданные Кремлем, и одновременно настаивали на праве нерусских народов в будущей советской России иметь территориальное образование (в том числе Идель-Уральскую республику), поскольку такое право должно быть предоставлено каждому народу. Эта позиция татарских политиков импонировала общественному мнению и правительству Франции.

В Париже внимательно наблюдали за тем, что делали в бывшей империи большевики, обещавшие народам их самоопределение, которого на практике не было нигде. Так, принятая в ноябре 1921 г. Конституция Крымской АССР, как отмечалось в записке, направленной французским дипломатом в МИД Франции через несколько месяцев, была похожа на Конституции Азербайджана, Армении, Грузии и других республик, учрежденных советским правительством. Она – более точное воспроизведение Конституции Туркестанской АССР, которая, как и Татарская АССР и другие, фактически не обладала автономией, кроме названия. Все эти республики являлись региональными, а не национальными автономиями [25, f.138]. Иначе говоря, созданные республики не отражали истинные интересы коренных народов, а были лишь декорацией, что было очевидным фактом для европейских экспертов и политиков. Например, несмотря на признание Францией Советского Союза в конце 1924 г., французское правительство при этом не признавало вхождение Грузии в его состав, что вызывало сильную тревогу в Кремле.

Схожая с Идель-Уральским регионом ситуация возникла на Кавказе, где большевиками 16 июля 1921 г. была образована Аджарская АССР. Большинство мусульманского населения этой республики не поддержало новую власть и декретированное из Москвы самоопределение. В результате

³ 15 – номер из списка, т.е. газета.

⁴ 17 – номер из списка, т.е. газета.

⁵ 15 – номер из списка, т.е. газета.

9 ноября 1922 г. И.В. Сталин направил телеграмму в Тифлис первому секретарю Закавказского крайкома РКП(б) Г.К. Орджоникидзе и секретарю ЦК КП Грузии В.В. Ломинадзе. В ней сообщалось, что в Аджаристане ведется работа «по организации плебисцита» относительно судьбы этой автономии, которую в случае успеха поддержат правительства Франции и Англии. «Будет скандал», писал он, если «удастся собрать тайно подписи и добиться эффекта» [7, с.406–406]. Данная реакция Сталина представляет собой, в сущности, реальную оценку результатов проводимой большевистским руководством политики во время Гражданской войны в отношении мусульман не только здесь, но и в других декретированных советских республиках, в том числе в Татарской АССР, организаторы которых вовсе не считались с подлинными настроениями мусульман этих земель, а руководствовались тем, чтобы предотвратить признание их собственных государств со стороны прежде всего Великобритании или Франции, что нанесло бы сильный удар по национальной политике советского руководства, особенно его имиджу среди европейского пролетариата и в странах Востока.

Таким образом, в начале 1918 г. мусульманское движение в бывшей Российской империи распалось под ударами советской власти на региональные движения. Именно они, а не слабые и стимулированные большевиками национальные движения, стали бороться за права тюркских народов, в том числе башкир и татар, на самоопределение. С одной стороны, зная о глубоко коренящейся в тюркских массах исламской вере, советское руководство сделало ставку на внедрение национальной государственности, навязав ее народам Поволжья и Урала декретированным методом при помощи штыков. Создание Татарской АССР, как, впрочем, и Башкирской АССР, было продиктовано вовсе не теми обещаниями, которые большевики давали народам, а стремлением расколоть народы Поволжья и Урала между собой. С другой – причина появления этих автономных республик заключается также в том, что в 1918–1920 гг. мусульманские движения на территории бывшей Российской империи, в том числе в Поволжье и на Урале, превратились в важный и мощный военно-политический фактор не только внутренней, но и международной политики, с чем пришлось считаться кремлевским вождям, находившимся в международной изоляции.

Источники и литература

1. Гаухман М.В. Два места службы Александра Безака: генерал-губернатор как «этноадминистратор» полиэтнических регионов (на примере анализа историографии национальной политики Российской империи) // Государственный аппарат управления в империи Романовых: эффективность деятельности властных структур и бюрократии: Материалы Всероссийского научного симпозиума, посвященного 100-летию со дня рождения видного российского историка-археографа Натальи Федоровны Демидовой (г. Уфа, 16–18 декабря 2020 г.). Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2021. С.67–72.

2. Гражданская война в России и мусульмане. Сборник документов и материалов. М.: Институт российской истории РАН, 2014. 816 с.
3. Дневник П.Н. Милюкова. 1918–1921. М.: РОССПЭН, 2004. 845 с.
4. *Зорин В.Ю., Аманжолова Д.А., Кулешов С.В.* Национальный вопрос в Государственных думах России: опыт законотворчества. М.: Русский мир, 1999. 501 с.
5. *Ибрагимов М.И.* Национальная идентичность татарской литературы: современные методы исследования: очерки. Казань: Институт языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова АН РТ, 2018. 104 с.
6. Известия Всероссийского мусульманского совета (Петроград). 1917. 27 октября.
7. *Исхаков С.М.* Гражданская война и мусульмане // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: очерки истории и историографии. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2018. С.361–407.
8. *Канпелер А.* Россия – многонациональная империя. Возникновение. История. Распад / пер. с нем. М.: Прогресс-Традиция, 1996. 343 с.
9. Конфессиональная политика советского государства. 1917–1991. Документы и материалы: в 6 т. М.: РОССПЭН, 2018. Т.1: в 4 кн.: 1917–1924 гг. Кн. 1. 646 с.
10. Коран / пер. с араб. Г.С. Саблукова. Казань: Репринтное издание. 1907. 1169 с.
11. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК КПСС. 1898–1970. М.: Политиздат, 1983. Т.2. 606 с.
12. *Кузеев Р.Г.* Особенности присоединения Башкирии к русскому государству // Урал в прошлом и настоящем. Материалы научной конференции. Ч.1. Екатеринбург: НИСО УрО РАН, Банк культурной информации, 1998. С.267–269.
13. *Кузеев Р.Г.* Традиционная автономия или суверенная республика – альтернатива политического развития // Этничность. Национальные отношения. Социальная практика. Сборник статей. СПб.: Петрополис, 1995. С.141–163.
14. Национальная политика России: история и современность. М.: Русский мир, 1997. 678 с.
15. Общее дело (Париж). 1921. 12, 15, 16, 19, 22 января.
16. Первый Всероссийский съезд Советов Р. и С.Д. М.-Л.: Гос. социально-экономическое изд-во, 1931. Т.2. 489 с.
17. Последние новости (Париж). 1921. 15, 16, 18, 19, 25 января.
18. Протоколы I и II всероссийских съездов коммунистических организаций народов Востока, Москва, 1918, 1919 годы. М., СПб.: Институт российской истории РАН, Центр гуманитарных инициатив, 2017. 552 с.
19. Российская империя между реформами и революциями, 1906–1916. М.: Квадрига, 2021. 792 с.
20. *Тоган З.В.* Воспоминания. Борьба мусульман Туркестана и других восточных тюрок за национальное существование и культуру / пер. с тур. М.: [Б.и.], 1997. 650 с.
21. *Тоган З.В.* Воспоминания. Борьба народов Туркестана и других восточных мусульман-тюрок за национальное бытие и сохранение культуры / пер. с тур. Кн. 1. Уфа: Башкирское кн. изд-во «Китап», 1994. 600 с.
22. *Усманова Д.М.* Создавая национальную историю татар: историографические и интеллектуальные дебаты на рубеже веков // Новая имперская история

постсоветского пространства. Казань: Центр исследований национализма и империи, 2004. С.109–126.

23. Фахрутдинов Р.Г., Фахрутдинов Р.Р. История татарского народа. Казань: Татарское кн. изд-во, 2015. 408 с.

24. Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане. Уфа: Уфимский полиграфкомбинат, 1999. 349 с.

25. Archives du ministère des Affaires étrangères de France. Correspondance politique et commerciale 1914–1940. Ser. Z. Car. 651. Dos. 2.

26. Public Record Office. CAB 24/57/69.

To the question of the reasons for the formation of the Tatar Autonomous Soviet Socialist Republic

S.M. Iskhakov

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation*

The article reflects the main approaches to the coverage of national policy in the Russian Empire and in Soviet Russia and is devoted to a little-studied aspect of the history of the emergence of the Tatar ASSR. There are gaps in the coverage of this event, due, on the one hand, to the influence of modern interpretations of national policy, and on the other hand, to the downplaying of the role of the social movement of the masses, which took place under religious influence and played an important role during the Civil War in the Volga region and the Urals in 1918–1920.

Keywords: national policy, Muslims, I.V. Stalin, S. Maksudov, Idel-Ural, Bashkir ASSR, Tatar ASSR.

For citation: Iskhakov S.M. To the question of the reasons for the formation of the Tatar ASSR. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 2, pp.117–130. (In Russian)

Информация об авторе:

Исхаков Салават Мидхатович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Центра изучения новейшей истории России и политологии Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация); e-mail: novistiriran@mail.ru

Iskhakov Salavat Midkhatovich – Dr. Sci (history), Leading Researcher at the Center for the Study of the Recent History of Russia and Political Science of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation).

Развитие мусульманского образования
в г. Стерлитамаке Уфимской губернии (XIX – 20-е гг. XX в.)

Р.Ф. Масагутов

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ

Казань, Российская Федерация;

Общество татарских краеведов Республики Башкортостан

Уфа, Российская Федерация

В статье определены основные тенденции в обучении мусульманского населения города Стерлитамака в XIX – 20-е гг. XX в. Показана значимая роль духовных деятелей и купцов-меценатов в модернизации образовательного процесса. Доступность мусульманских учебных заведений, применение новометодного преподавания способствовали повышению уровня грамотности среди населения. Стерлитамакское медресе, здание которого сохранилось до настоящего времени, имело высокий рейтинг среди подобных учреждений Уфимской губернии, о чем свидетельствует широкая известность его выпускников. На основе архивных материалов автор произвел сравнение преподавательского состава, численности учеников и продолжительности сроков обучения в разные периоды.

Ключевые слова: Стерлитамак, образование, мектебе, медресе, мударрис, мугаллим, схоластика, меценат.

Для цитирования: Масагутов Р.Ф. Развитие мусульманского образования в г. Стерлитамаке Уфимской губернии (XIX – 20-е годы XX в.) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №2. С.131–141.

Вопросы открытия и функционирования мусульманских учебных заведений города Стерлитамака, как и других городов Уфимской губернии, на сегодняшний день являются малоизученными. Небольшие и противоречивые сведения о стерлитамакских медресе и мектебе содержатся в работах Р.Р. Абдрахманова [1], Д.Д. Азаматова [2], Т.М. Аминова, В.Л. Беллина [3], Т.П. Морозовой [6], в хрестоматии «Медресе Южного Урала: история и современность» [5]. В рамках данной статьи автор ставит цель: выявить основные тенденции и особенности развития мусульманского образования татарской общины Стерлитамака на протяжении XIX – 20-х гг. XX в.

Основоположником мусульманского образования в Стерлитамаке по праву можно считать видного религиозного деятеля Салима Рамеева, первого имама и ахуна Соборной мечети г. Стерлитамака, построенной в 1800 г. на средства купца Урманцева [8, л.53]. Он начал обучать прихожан в мечети, вследствие чего многие купцы и мещане города стали вместо тамги ставить собственные подписи арабскими буквами. В 1807 г. по жалобе муллы Биккулы Биккинина без разбирательств Салим Рамеев был

лишен своего духовного звания. На вакантное место определили тептяря Нияза Усманова, хотя Салим Рамеев продолжал религиозную деятельность на других должностях вплоть до своей смерти в 1819 г. В последние годы жизни в вопросах обучения ему активно помогал вернувшийся из Бухары Шарафутдин Нагаев [1, с.174]. В 1815 г. Шарафутдин Нагаев был назначен ахунотом Стерлитамакской Соборной мечети.

К одному из первых мусульманских учреждений в Стерлитамаке можно отнести Кызыл-медресе («Кызыл» в переводе с татарского «красный» – из-за цвета здания из красного кирпича). Здание П-образной формы фасадной стороной смотрело на улицу Большую Татарскую (ныне – 7 ноября). Медресе было построено на средства купца 2-й гильдии Абдулхалика Ибраева в 1825 г., в 1850 г. здесь обучалось более 200 человек [1, с.174]. С увеличением численности учащихся и преподавателей-хальф в помещении медресе стало очень тесно, внутренняя часть здания обветшала. Благодаря инициативе имам-хатыпа 1-й махалли Мухамметгарифа Рамеева и помощи Ибрагима Утямышева и Шакира Рамеева в 1899 г. была организована перепланировка медресе. Внутренние перегородки были разрушены, расширены оконные проемы. Тогда же отремонтировали каменную столовую и помещение для омовения [4, с.135]. После революции медресе было закрыто, а позже передано под жилье и частично перепланировано¹.

Обычно в медресе учились подготовленные шакирды от 6 до 10 лет. Подготовленность выявлялась путем предварительного собеседования. Те, кто умел читать и писать по-арабски, знал наизусть многие суры Корана, учились не более 6 лет. Благодаря многочисленным пожертвованиям и просьбе Абдулхалика Ибраева в медресе стали обучать бедных и детей с физическими недостатками [2, с.71].

В 1884 г. Хисамутдином Баязитовым было построено каменное здание медресе 2-й махалли. В годы советской власти религиозное образование было прекращено, и медресе приостановило свою деятельность с 1919 г.²

¹ Здание медресе сохранилось до настоящего времени. Ныне здесь размещен отдел Государственной инспекции безопасности дорожного движения Управления МВД России по г. Стерлитамаку.

² В 1992 г. по инициативе Ришад-хазрата мусульманами города было направлено заявление на имя главы администрации с просьбой о возвращении старого здания мечети Духовному управлению и постройке нового здания медресе на месте старого. В декабре 1993 г. был дан старт строительству, а уже в марте 1995 г. новое медресе приняло первых студентов. В октябре 1996 г. состоялось официальное открытие медресе, получившее название «Нур аль-Иман», что в переводе означает «свет веры». В 1998 г. было открыто отделение для женщин, где преподаются различные теологические и светские науки. В настоящее время в медресе «Нур аль-Иман» созданы хорошие условия для обучения: классы, трехразовое питание, раздельное общежитие для парней и девушек с отдельными ком-

В 1887 г. другой меценат Мухамметзариф Утямышев с выручки от продажи урожая хлеба построил деревянное медресе, где обучались дети бедняков [4, с.136].

В 1907 г., в связи с 25-летием деятельности Исагила Гаспринского, была открыта школа «Мектебе Исаилия», построенная на средства прихожан 1-й и 2-й махаллей. В ней обучались грамоте и получали необходимые знания о религии и правилах ислама дети неимущих и рабочих численностью от 30 до 40–59 человек. До 1916 г. мектебе функционировало в здании школы Утямышева. В связи с отказом татарских меценатов в дальнейшем содержать мектебе, его передали в ведение Исламского благотворительного общества, учрежденного в 1914 г. После революции в здании школы городской управой было организовано обучение детей горожан. В 1919 г. здание реквизируют башкирские солдаты и разместили здесь швейное предприятие [4, с.137].

Как известно, мусульманское образование в Стерлитамаке первой половины XIX в. отличалось тем, что обучение проводилось на татарском и арабском языках. Но незнание русского языка и грамоты не давало возможность татарскому городскому обществу участвовать в решении вопросов, связанных с городским управлением и земельными спорами. Так, гласный Стерлитамакской земской управы Д.Н. Кудрявцев говорил: «Известно, массы нашего народа, крестьяне и мещане неграмотны почти все, а башкиры и татары большей частью не понимают даже русского языка» [6, с.82]. Сторонником изучения русского языка в медресе выступил ахун Камалетдин Нагаев, сын Шарафутдина Нагаева. В 1868 г. при медресе был открыт русско-татарский класс. Им заведовал Ахмет-Шакир Ибрагимов, окончивший учительскую школу. В 1879–1880 гг. русский язык вместе с математикой преподавал будущий ученый-энциклопедист Мухамедсалим Уметбаев (1841–1907). В 1898 г. в классе обучалось 124 татарских мальчика [6, с.84].

В 60–80-е гг. XIX в. образовательная программа строилась на религиозно-схоластическом фундаменте. Усиление позиции ислама и схоластики происходило на фоне активизации русификаторской политики царского правительства в Урало-Поволжье, вылившейся в соперничество между церковью и мечетью за идейное преобладание в регионе [5, с.103]. Фокусирование внимания на преподавании мусульманской религии заслоняло другие предметы: астрономию, поэтику, риторику, математику, изучение которых по классической программе медресе являлось обязательным. Однако некоторые прогрессивные мудarrisы, муллагалимы, считая засилье догматики причиной отсталости мусульманских народов, пытались преодолеть пережитки средневековья расширением учебной программы за счет литературы, философии, естественных наук [5, с.103]. В Стерлитама-

натами. Значительное число шакирдов составляют приезжие из Дагестана, Татарстана, Нижневартовска и других населенных пунктов РФ [13, с.30].

ке такими прогрессивными мударрисами стали Камалетдин Нагаев и Хайрулла Хабиоров.

Камалетдин Нагаев, по свидетельству Р.Фахретдинова, умело подбирал грамотных и опытных учителей-педагогов и возлагал на них учебно-воспитательный процесс в медресе [14, с.559]. Хайрулла Хабиоров, имам-хатып Второй Соборной мечети, мударрис, имел большую библиотеку, сам занимался переписыванием книг и переводами, а в учебной деятельности не замыкался только на богословии [14, с.603]. Ярким сторонником новометодного образования также был имам Мухамметгариф Рамеев.

Благодаря деятельности Нагаева, Хабиорова и Рамеева происходит значительный подъем Стерлитамакского медресе. Оно становится привлекательным для приезжих. Если в середине 70-х гг. число шакирдов при Стерлитамакском медресе составляло 200 человек, то в 1886 г. их число выросло до 600 человек, причем 40 из них приехало из Белебеевского уезда, 30 – из Уфимского, 20 – из Бирского, 20 – из Челябинского, по 5 – из Верхнеуральского и Троицкого уездов, 6 – из Тобольской губернии, 2 – их Астраханской губернии. Остальные были местные жители [5, с.95]. Шакирды, стремясь к настоящему просвещению, играли большую роль в обновлении медресе. Наличие богатых библиотек способствовало их самообразованию [2, с.121].

Несмотря на то, что с 1898 г. в школах обучали по новому методу, преподавание в старом каменном медресе велось по-старому. Учебный процесс не был упорядочен, так как вперемешку обучались учащиеся разных возрастов, отсутствовало помещение для уроков. Благодаря ходатайству Мухамметгарифа Рамеева своему двоюродному брату Шакиру Рамееву, на территории 1-й мечети в 1902 г. было построено каменно-кирпичное здание длиной 11 м, шириной 9 м. В помещении разместились класс для уроков и библиотека. В 1906 г. два шакирда были отправлены на летние курсы в медресе Буинска, а в следующем году началось обучение молодых шакирдов по новометодной системе. Учащиеся были поделены на классы, были поставлены доски и табуреты. Учителям с доходов вакуфа Габдулхалика Ибраева стали платить за труд [4, с.138].

Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. показала, что в Стерлитамаке грамотных было 35,4%. Если учесть, что в Европейской части России средний уровень грамотности составлял 30%, то это неплохой показатель. Основным трендом стало получение всеобщего начального образования [6, с.108]. Добиться такого результата удалось лишь в советское время.

Стерлитамакское Кызыл-медресе 1-й махалли окончили известные личности: Хайрулла Тимербулатович Усманов (1846–1907), который после занимался преподаванием в медресе, а позже стал ахуном 1-й Соборной мечети г. Уфы и основателем медресе «Гусмания»; Шарафутдин Зелялетдинович Махмудов (1853–1932), депутат Государственной думы третьего созыва, член мусульманской фракции, известный как «Шарафи-

учитель»; Имаметдин Низаметдинович Насыров (1898–1942), писатель, журналист и общественный деятель, оставшийся в памяти как Имай Насыри; Ахметша Ахметьянович Валидов (1860–1937), отец Ахмед-Заки Валиди.

Важной особенностью стерлитамакских медресе была доступность образования. Помимо того, что в медресе обучали бедняков и детей-инвалидов, в 1904 г. началось обучение лиц женского пола. Мухамметгариф Рамеев, наняв учительницу, организовал обучение девочек в собственном доме по новому методу. В связи с увеличением числа шакирдов женского пола в 1906 г. за счет собственных средств Рамеев построил специальное здание для женской школы. Книгами дети обеспечивались бесплатно, с детей бедняков плата за обучение не взималась. К несчастью, из-за пожара 1908 г. здание школы сгорело вместе с ближайшими постройками [4, с.141]. Занятия продолжились сначала в здании наследников Габдулхалика Ибраева, а с 1911 г. в специализированной школе-мектеб, построенной на средства купца Гайфуллы Усманова [2, с.177]. Школа была семилетней. С третьего класса на русском языке преподавались рукоделие и рисование. Многие предметы также велись на русском языке. Учителями были в основном жены духовных лиц. Труд преподавательниц с 1917 г. оплачивался из доходов, получаемых Шакиром Рамеевым от аренды земли [9, л.7]. За счет вакуфных поступлений до середины 1918/1919 учебного года образовательный процесс в школе велся непрерывно. В начале 1919 г. здание было передано в образовательное ведомство советской власти. После эпидемии тифа в 1920 г. учебный процесс здесь был остановлен, школа опустела [4, с.143].

В конце XIX в. в Стерлитамаке, как и в других городах Уфимской губернии, сформировался достаточно сильный класс татарской буржуазии. Острым вопросом для нового класса стала модернизация образования: переход к светской школе для оттеснения феодально-клерикальных сил и подготовки рабочих кадров. Купеческие капиталы стали основным источником новых просветительских начинаний. В 1902 г. золотопромышленник Шакир Рамеев по просьбе Мухамметгарифа Рамеева построил при этой мечети каменное здание для медресе стоимостью в 21000 руб. В ноябре 1906 г. он же пожертвовал 1000 руб. на нужды медресе [9, л.8]. Другой известный меценат Гайфулла Усманов 15 декабря 1908 г. приобрел с торгов дворовое место на углу улиц Малой Татарской и Кладбищенской, где в 1912 г. построил каменный дом, «дабы в означенном доме будут обучаться только девочки» [10, л.3]. Так появилось первое в городе женское медресе. Для его функционирования Усманов пожертвовал две каменные лавки на Базарной площади. Было решено, что с доходов, получаемых от торговли, «одна половина будет выдаваться учительницам на жалование и на покупку бумаги, чернил и карандашей, из другой половины будут уплачиваться налоги» [10, л.3]. Брат Гайфуллы – Гибадулла Усманов – вместе с компаньонами в августе 1917 г. зарегистрировал в городе

Уфе Общество «Усмания». Целью Общества было «распространение просвещения среди мусульман путем открытия для учащихся обоюбого пола учебных заведений общеобразовательных, ремесленных, сельскохозяйственных и проч.» [11, л.1]. В связи с Октябрьской революцией и последовавшими событиями этим планам не суждено было сбыться.

К началу XX в. школьная сеть Стерлитамака состояла из четырехклассного городского училища, женского двухклассного училища, четырех начальных приходских школ, пяти мектебе и трех медресе [6, с.86]. Впрочем, в исследованной делопроизводственной документации данные о числе мектебе и медресе разнятся. Сведения об учащихся и учителях мусульманских школ представлены ниже, в таблице 1.

Таблица 1

Сведения об учителях и учащихся стерлитамакских медресе и мектебе по данным 1913 г. [7]

Наименование и расположение учебного заведения	Учителя	Число учащихся	Средний возраст учащихся, лет
Медресе при 1-й мечети ул. Мечетная (ныне – Худайбердина)	имам-мударрис Мухаммед-Гариф Бахтигареевич Рамеев, 60 лет; мугалим Вализян Тимербулатов, 48 лет; мугалим Хайрулвара Ислам-Муратович Муратов, 60 лет; мугалим Ахмадзакий Акмадуддинович Сафин, 22 года; мугалим Зуфер Насхутдинович Азметов, 30 лет; мугалим Саезян Ахмедзянович Амирханов, 22 года; мугалим Мини-Ислам Хасанов, 40 лет; мугалим Галитдин Салахутдинович Вахитов, 22 года; мугалим Гайнутдин Кашафутдинович Хасанов, 46 лет; мугалим Нурулла Хайфуллинович Хакимов, 28 лет	112	15
Мектебе при 1-й мечети ул. Мечетная (ныне – Худайбердина)	Те же учителя	239	12
Женское медресе при 2-й мечети	Гизельбанат Нигматзянова Галимова, 22 года;	121	13

ул. Малая Татарская (ныне – Советская)	Асма Губайдулловна Ибрагимова, 29 лет; Магруй Махмудовна Богданова, 20 лет		
Мектебе при 2-й мечети ул. Старая Татарская (ныне – Латыпова)	Лутфулла Абдрахманович Галимов, 28 лет; Мушарраф Раипович Ибрагимов, 37 лет; Сафа Шагимарданович Галиев, 21 год	160	9
Мектебе при 3-й мечети ул. Верхнее-Тифлисская (ныне – Шафиева)	имам-хатыб и учитель Ширияздан Рахматуллин	65	14
Медресе при 4-й мечети	имам-мударрис Мустафа Кашафутдинович Мухамедрахимов, 28 лет; мугалим Хабибулла Хайруллич Вахитов, 20 лет	75	15

Таким образом, по данным на 1913 г., в медресе и мектебе г. Стерлитамака обучалось 772 учащихся, большая часть которых приходилось на заведения, расположенные в первой мечети – 351 чел. (45,5%). Что касается соотношения полов среди учащихся, то, исходя из материалов таблицы, можем говорить, что 121 человек из учащихся были женского пола (15,7%).

В таблице 2 нами приведены данные за 1920 г. Мы считаем, что они не совсем полные и не отражают объективной картины на тот период времени. Однако каких-либо других материалов за этот год нами не обнаружено.

Таблица 2

**Сведения о мусульманских школах
г. Стерлитамака по данным 1920 г. [12]**

Наименование школы, адрес, год основания	Учителя, возраст	Число учащихся	Продолжительность обучения	Число классов
Мусульманская единая трудовая школа I ступени №1 ул. 7 ноября, д.61 1860 г.	Атаров Халиулла, 24 Каримова Г., 25 Абдеева Асма, 20 Максютова Магира, 19	160	4 года	
Мусульманская единая трудовая школа I ступени №2 угол улиц Бухарской и Уральской, д.61 1905 г.	Мустаева З., 24 Файзуллина Мубарак, 17 Вахитова Гульсим, 18	136	4	

Мусульманская единая трудовая школа I ступени №3 ул. Верхняя Интернациональная, д.8 1906 г.	Абзалилов Гизулла Сибгатович, 34	38	-	
Мусульманская единая трудовая школа I ступени №4 Белебеевский тракт 1907 г.	Ариткулова Ханифа, 20 Яхина Магира, 20 Зулиха Мухутдинова, 27	89	4	
Мусульманская единая трудовая школа I ступени №5 Белебеевский тракт 1905 г.	М.Арсланова, 35 Р.Латипова, 17	93	4	3
Мусульманская единая трудовая школа I ступени №7 Уфимский тракт 1910 г.	Вахитов Галяутдин, 24 Каримова Гайнуш, 20	120	4	3
Мусульманская единая трудовая школа I ступени №8 Верхне-Бухарская, д.30 1910 г.	Ремеева Зайнаб Гайнатуллина, 22 Садикова Бибикамал, 19	49	3	3
Мусульманская единая трудовая школа I ступени №9 3-й район, 92 квартал 1919 г.	Ибрагимов М.Ф., 50	69	1	1
Мусульманская единая трудовая школа I ступени №10 ул. Ашкадарская, д.113 1918 г.	Магруй Ремеева, 17 Файруза Гизатуллина, 19	32	1	1
Мусульманская единая трудовая школа I ступени №11 угол улиц Бухарской и Уральской, д.61 1905 г.	Мустаев Ахат Хазимухаметович, 36	23	1	1
Мусульманская единая трудовая школа II ступени №12 улица Крымская, д.29 1901 г.	Галимов Лутфулла, 42 Махмудов Шарафутдин Зялялетдинович, 68	32	7	1

С установлением советской власти построенные на средства меценатов мектебе и медресе были преобразованы в мусульманские единые трудовые школы I и II ступени. Число учащихся и сроки обучения сократились. Преподавательский состав также претерпел изменения: на смену высоко подготовленному мужскому коллективу мударрисов и мугаллимов пришел молодой, по большей части женский, персонал. На декабрь 1921 г. в Стерлитамаке грамотные составляли 44% всего населения [6, с.168].

В 1921/1922 учебном году Духовное управление открыло в здании старого каменного медресе духовное училище. Первые два месяца уроки давали муфтий и казий. Но из-за последовавшего голода и товарного дефицита число шакирдов резко сократилось, а помощь населения была незначительной. В следующем 1922/1923 учебном году Духовным управлением было возобновлено функционирование медресе. Занятия велись успешно, а число учащихся составило более ста человек. От населения поступило много пожертвований, однако правительство запретило преподавание богословия ученикам младше 18 лет и исключило их из медресе. Чуть позже Духовное управление распустило и оставшихся учеников, и с 1924 г. деятельность медресе фактически прекратилась.

Таким образом, система мусульманского образования в городе Стерлитамаке Уфимской губернии прошла достаточно сложный путь от религиозно-схоластического обучения до новометодного преподавания, основанного на расширении учебной программы за счет естественных наук, литературы, философии. Изучение вместе с родным языком русского позволяло татарам занимать высокие должности в системе городского самоуправления наравне с русскоязычным населением. Модернизация образования была бы невозможной без широкой поддержки татарской буржуазии, возглавившей данный процесс. Как следствие, в начале XX в. происходит значительное повышение уровня грамотности и идет курс на достижение всеобщего начального образования. Данные Всеобщей переписи населения 1897 г. свидетельствуют о том, что мужское мусульманское население по уровню грамотности опережало другие нерусские народы и лишь ненамного уступало русскому. С установлением советской власти религиозное образование было свернуто, значительно сократился срок обучения, кадровый преподавательский состав сменился в возрастном и профессиональном плане. Бывшие мектебе и медресе, построенные и обеспечиваемые татарами-меценатами, стали фундаментальной базой для советского образования мусульманского населения г. Стерлитамака.

В целом, нужно отметить, что развитие мусульманского образования в Стерлитамаке носило прогрессивный характер. Раньше, чем в других уездных городах Уфимской губернии, здесь в 1904 г. началось обучение девочек. Увеличение спроса на женское образование и неудовлетворенность домашним обучением вызывали необходимость открытия специальных «дамских» мектебе и медресе. Благоприятные последствия имело и реформирование учебного процесса. Появился четкий учебный план, был

осуществлен переход к классно-урочной системе, введено расписание занятий, помещения для занятий стали оборудоваться школьной мебелью (парты, классная доска). Нововведения, проводимые стерлитамакскими религиозными деятелями вкпе с солидной материальной поддержкой татарских меценатов, способствовали росту популярности мусульманских учебных заведений города Стерлитамака. Ярким показателем высокого уровня преподавания является наличие плеяды выдающихся личностей той эпохи, закончивших данные заведения.

Источники и литература

1. *Абдрахманов Р.* Стерлитамакские соборные мечети и медресе // Ватандаш, 2010. №10. С.172–181.
2. *Азаматов Д.Д.* Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории Европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX вв. Уфа: Изд-ие Башкирск. ун-та, 2000. 102 с.
3. *Аминов Т.М., Беллин В.Л.* Мусульманское образование в дореволюционной Башкирии // Образование и наука. 2006. №3 (39). С.118–125.
4. *Дневник татарского муллы Мухамметгарифа Рамеева* / сост. Р.Ф. Масагутов, пер. А.М. Гайнутдинов. Казань: Грумант, 2022. 180 с.
5. *Медресе Южного Урала и Приуралья: история и современность: Хрестоматия* / сост. Т.М. Аминов [Текст]. Уфа: Изд-во БГПУ, 2010. 429 с.
6. *Морозова Т.П.* Пристань поколений. История Стерлитамака. Уфа: Китап, 2011. 408 с.
7. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.И-187. Оп.1. Д.523.
8. НА РБ. Ф.И-295. Оп.2. Д.292.
9. НА РБ. Ф.И-295. Оп.6. Д.2518.
10. НА РБ. Ф.И-295. Оп.6. Д.4117.
11. НА РБ. Ф.И-334. Оп.1. Д.1466.
12. НА РБ. Ф.Р-472. Оп.1. Д.591.
13. *Старостин А.Н.* Ислам в современном Башкортостане // Ислам в мультикультурном мире: 5-й Казанский международный научный форум (Казань, 5–6 ноября 2015 г.): материалы ситуационного анализа «Современное состояние российской уммы» (памяти Е.М. Примакова) / под ред. И.Р. Гафурова, В.В. Наумкина, Р.Р. Хайрутдинова, А.Ю. Хабутдинова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. 236 с.
14. *Фәхрәддин Ризәәддин.* Асар. 3 и 4 том. Казан: Рухият, 2010. 648 б.

The development of Muslim education in Sterlitamak of Ufa province
(XIX – early XX century)

R.F. Masagutov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation;
Society of Tatar local historians of the Republic of Bashkortostan
Ufa, Russian Federation*

The article defined the main directions in the education of the Muslim population of Sterlitamak in the 19th – early 20th centuries. The significant role of clergy and philanthropists in the modernization of the educational process is shown. The accessibility of Muslim educational institutions, the use of new method teaching contributed to an increase in the level of literacy among the population. The Sterlitamak Madrasah, whose building has survived to the present, had a high rating among similar institutions in the Ufa province, as evidenced by the wide popularity of its graduates. On the basis of archival materials, the author made a comparison of the teaching staff, the number of students and the duration of the training periods in different periods.

Keywords: Sterlitamak, education, mektebe, madrasah, mudarriss, mugalim, scholasticism, philanthropist.

For citation: Masagutov R.F. The development of Muslim education in Sterlitamak of Ufa province (19th – early 20th centuries). From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 2, pp.131–141. (In Russian)

Информация об авторе:

Масагутов Руслан Фанисович – научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань, Российская Федерация); председатель Исполкома Общества татарских краеведов Республики Башкортостан (Уфа, Российская Федерация); e-mail: medgarant-ooo@yandex.ru

Masagutov Ruslan Fanisovich – researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation); chairman of the Executive Committee of the Society of Tatar Local Historians of the Republic of Bashkortostan (Ufa, Russian Federation).

Уфа мөселман зиратында Р.Фәхретдин белән бәйле
эпиграфик истәлекләр

А.М. Гайнетдинов

*ТР ФА Ш. Мәрҗани исем. Тарих институты
Казан, Россия Федерациясе*

Мәкалә бөек татар галиме, педагог, журналист, дин һәм җәмәгать эшлеклесе Ризәтдин Фәхретдин белән бәйле эпиграфик истәлекләрне тасвирлауга багышланган. Зур фәнни әһәмияткә ия булган бу истәлекләр Уфа шәһәренең иске мөселман зиратында сакланган һәм алар галимнең кайбер карашларын, шәхси сыйфатларын ачыкларга ярдәм итә. Мәкаләдә Р.Фәхретдин һәм аның балалары каберләренә куелган кабер ташлары тасвирлана һәм анализлана, шулай ук аларның биографияләренә бәйле кайбер мәгълүмат бирелә. Тикшеренүнең яңалыгы – Р.Фәхретдин белән турыдан-туры бәйләнгән эпиграфик истәлекләрнең беренче тапкыр фәнни әйләнешкә кертелүләре.

Ачык сүзләр: Ризәтдин Фәхретдин, Уфа, Р.Фәхретдин балалары, каберләр, кабер ташлары, эпитафияләр, Уфа мөселман зираты.

Ризәтдин Фәхретдин (1859–1936) – бөек галим, тарихчы, педагог, шәркыять белгече, язучы, журналист, дин һәм җәмәгать эшлеклесе. Ул, бөтен гомерен һәм көчен милләтебез, динебез өчен сарыф итеп, армый-талмый хезмәт куйган. Р.Фәхретдиннең үткен каләме беркайчан да кәгаздән аерылмау сәбәпле, аның 142 китабы (өстәвенә, берничә дистәдән артыгы кулъязма рәвешендә саклана), 800 ләп мәкаләсе һәм төрле характердагы язмалары басылып чыккан, шуңа күрә ул иң зур, күп һәм кыйммәтле язма мирас калдырган татар галиме булып санала һәм, шул сәбәпле, башка олимпат гыйлем ияләреннән бер баш өстен тора. Р.Фәхретдин төрле фән өлкәләрен яхшы белгән, шул исәптән эпиграфика тармагында да үзен чын белгеч буларак таныткан. Галим күп кенә борынгы кабер ташларын ачыклаган һәм үзенә мәшһүр «Асар» исемле күптомлы хезмәтендә аларның тулы текстларын теркәп калдырган. Р.Фәхретдиннең үзенә һәм якин туганнарына куелган кабер ташлары да тарихи-мәдәни кыйммәткә, фәнни әһәмияткә ия.

Мәгълүм булганча, Р.Фәхретдин Уфа шәһәренең борынгы мөселман зиратында жирләнгән. «Гофран» мәчете янында урнашкан әлеге каберлекне халык телендә Татар зираты дип тә йөртәләр. Ул XIX гасырның 30 нчы елларында барлыкка килгән [4, с.77]. Бу каберстанның борынгы кабер ташлары әле һаман фәнни-практик яктан тулысынча өйрәнелмәгәнлектән, хәзерге көннәргә кадәр юкка чыкмыйча, сакланып калган бөтен татар ташъязма истәлекләрен барлау һәм өйрәнү өчен, 2021 елның май аенда

ТР ФА Ш.Мәржани исемендәге Тарих институты тарафыннан фәнни экспедиция оештырылды. Анда бу юллар авторы һәм тарихчы Сайрус Хәмидуллин катнашты һәм барлығы 163 гарәп язучы борынгы кабер ташы табылды. Зиратны безгә хәтле өйрәнгән эпиграфист В.М. Усманов биредә бары тик 50 эпиграфик истәлек кенә ачыкый алган [8, б.3]. Ниһаять, Уфа мөселман зираты эпиграфик планда тикшерелде, дип санарга тулы нигез бар. Анда мөфтиләр Габдессәлам Габдеррәхимов, Габделвахид Сөләйманов, Мөхәммәдъяр Солтанов, казый Гыйнәтулла Кабкаев, матбагачы Ильяс Борагани, тәржемәче Закир Ишмөхәммәдов, дин әһелләре Әхмәд бине Мәүлед, Исламгали бине Жһанша, Хәйреддин Сөбханколов, Хәйрулла Госман, сәүдәгәрләр Гайфулла Госмани, Мөхәммәдкәрим Биглов, Мөхәммәдгәрәй Тереголов, Салих Еникиев, Сөләйман Дәүләткәилдиев һ.б. мәшһүр шәхесләренң ташбилгеләре табылды һәм өйрәнелде. Киләчәктә без, барлык кабер ташларының фәнни тасвирламасын төзеп, аларның тулы каталогын бастырып чыгарырга жыенабыз. Шунысы кызганыч, вакыт узган саен эпиграфик истәлекләребезнең саны кимегәннән-киме һәм без ачыклап өйрәнгән ташларның кайберләре берничә елдан инде бөтенләй табылмаска мөмкин. Хәзерге көндә зираттагы байтак кыйммәтле ташъязма истәлекләребез ауган, ватылган, жимерелгән, туфрак астында калган, агач чүпләре белән күмелгән. Шулай ук аларны саклау, консервация, реставрация эшләре һаман тиешле дәрәжәдә башкарылмаган, хәтта Р.Фәхрәтдин кебек милләтебезнең йөзек кашлары булган шәхесләренң кабер ташлары да дәүләт тарафыннан саклауга куелмаган.

Иң олуг галимебез Ризәтдин хәзрәт 1891–1906 елларда Диния нәзарәтендә казый булып эшләгәндә һәм 1918 елдан алып гомеренң соңгы көннәренәчә кабат казый һәм мөфти булып торганда, Уфада яшәгән һәм шунда вафат булган. Үпкәсенә салкын тиеп, ул 3–4 атна урын өстендә авырып яткан [7, б.76]. Әлмәт районы Кичүчат авылында урнашкан Ризәтдин Фәхрәтдин мемориаль музейе фондларында Р.Фәхрәтдин килене Зәйнәпнең (улы Габдрахманның икенче хатыны) 1936 елның 29 мартында аның кызы Зәйнәпкә язылган бер хаты саклана. Анда галимнең температурасы гел югары булуы, бик каты ябыгуы искәртелгән: «...Әткәйнең эсселәге гел кич берлә 38,3 [38],4, иртә берлә 37 дән күтәрәнке буладыр иде, кичә кич берлә 38,2. Бүген иртә берлә нормальный, кич берлә 37,8 булган... Бик ябыккан бичаракай. Артык ябыгу сәбәпле, телләрен дә куя алмый икән...» [6, б.1]. 1936 елның 15 мартында язылган васыятендә ул үзен жирләргә хезмәттәше, дустан казый Кәшшафәтдин Тәржеманига, ә жәназа намазын укырга Уфа мәчете имам-хатыйбы ахун Жһангир Абызгилдингә кушкан [5, б.123]. Шулай сәбәпле, К.Тәржемани үз куллары белән галимнең жәсәден ләхәткә төшереп урнаштырган, шулай ук күмү мәрәсимнәрен үткәргән. Р.Фәхрәтдиннең каберенә известьташтан эшләнгән артык зур булмаган бер ташбилге куелган һәм анда түбәндәге сүзләр уеп язылган:

- 1) «Һәзәәл-мәркад-
- 2) -үш-шәйхыйль-гаалим-

- 3) -ил-фәэдыйли мөфти
- 4) Ризаэддин
- 5) бине Фәхреддин
- 6) түвүффийә мөхәэрәм 20
- 7) 1355 сәнә һижри»

Татар теленә тәржемәсе: «Бу – шәех, хөрмәтле галим, мөфти Ризаэддин бине Фәхретдин кабере, һижри 1355 елның 20 мөхәэрәмендә вафат».

Үлчәмнәре: 85x32x18.

Әлеге таш текстының укылышын беренчеләрдән булып В.М. Усманов тәкъдим иткән, тик ул ни өчендер «түвүффийә» сүзен «тәвәффа», «мөхәэрәм» сүзен «мәрхүм» дип биргән, ә соңгы юлын тулысынча укымыйча калдырган [8, б.35].

Р.Фәхретдин кабере зиратның төньяк-көнбатыш өлешендә урнашкан, ташының эпитафиясе гарәп графикасында һәм телендә язылган, үлү датасы да һижри ел исәбе белән күрсәтелгән. Аның якыннары, дуслары һәм шәкертләре кабер ташына бик күп мактаулы сүзләр, төрле эпитетларга бай гыйбарәләр яза алган булырлар иде, әмма алар галимнең тыйнаклығын, карашларын бик яхшы белгәннәр. Ул үзенә бер мәкаләсендә ташларга ничек һәм нәрсә язылырга тиеш икәнлеген аңа ачык рәвештә язып калдырган: «Кабер ташлары нотык һәм хөтбәләр язылачак дәфтәрләр, матур язу үрнәге һәм инша язылачак кара такталар түгел. Шунун өчен вафат булуының исеме, гаилә һәм фамилиясе дәрәс язылу, туу һәм вафат көннәре хатасыз теркәлү житә» [9, б.556]. Шулай да, каберенә килгән кешеләр галимне башка гади кешеләр белән бутамасын өчен, аның исеменә «шәех, хөрмәтле галим, мөфти» дип өстәргә мәжбүр булганнар, чөнки зиратта аның адашлары да жирләнгән булырга мөмкин. Аның каравы, шушы дүрт сүз дә Р.Фәхретдин турында бик күп нәрсә сөйли, аның жәмгыятьтә иң изге, хөрмәтле һәм югары дәрәжәгә ирешкән шәхес булуын күрсәтә.

Әгәр башка дин галимнәренә һәм мөфтиләренә кабер ташларына күз салсак, күбесендә чагыштырмача шактый күп мәгълүмат, хикмәтле сүзләр, шигырьләр, Коръән аятләре, хәдисләр, догалар язылганлығын күрә алабыз. Р.Фәхретдин исә ташларга кабер иясе хакында кыскача мәгълүматтан тыш башка нәрсә язуны өнәмәгән, бу эштә малны кирәкмәгәнә иһраф итүдән сакланырга чакырган. Шуңа сәбәпле, аның кабер ташы башка мөфтиләренә ташларыннан кечкенә үлчәмнәре һәм кыска гына эпитафик текст язылуы белән аерылып тора. Казанның Яңа Татар бистәсе зиратына жирләнгән мөфти Галимжан Барудинның ташындагы текст Р.Фәхретдиннең охшаш, тик, аннан аермалы буларак, Г.Барудинның ташбилгесенә гарәпчә «рахимәһүмәә-ллааһү рахмәтән вәәсигаһ» («Аллаһ аларның икесе дә киң рәхмәте белән рәхим кылсын») догасы өстәлгән һәм эпитафиясе яртылаш гарәп, яртылаш татар телендә язылган.

Дәрәс, Р.Фәхретдин вафат булган вакыт бик дөһшәтле чорга туры килгән һәм, матур дини текстлар язып, купшы ташлар кую мөмкинлеге

булмаган. Әмма андый мөмкинлек булса да, ул үзенең каберенә затлы, кыйммәтле таш куюны барыбер хупламас иде, чөнки галим үзенең сөекле газиз улларына да гади итеп эшләнгән ташлар куйдырган. Мәгълүм ки, аның Хәсән исемле ике улы булып, алар бик яшлы бакыйлыкка күчкәннәр. Р.Фәхрәтдин үзен балаларының каберләре янына жирләргә васыять итеп әйткән һәм Диния нәзарәте ишегалдындагы башка мөфтиләр күмелгән урынга жирләмәскә кушкан [7, б.76]. 1899 елда вафат булган Хәсәннең извесьташтан эшләнгән ташбилгесендә түбәндәге сүзләр уелган:

Алгы ягы:

- 1) «Хәсән бине Ризәддин
- 2) бине Фәхрәддин түвүффийә
- 3) фии 16 шәһри рамаданә
- 4) гаами 1316 вә һүвә
- 5) ибнү 14 әшһүр».

Хәзерге татар теленә тәржемәсе: «Хәсән бине Ризәддин бине Фәхрәддин [һижри] 1316 елның 16 рамазанында 14 айлык вакытта вафат булды».

Үлчәмнәре: 72x35x15.

Галим үзе белдергәнчә, Хәсән 1897 елның 25 ноябрәндә (һижри 1315 елның 12 рәжәбәндә) сишәмбе көн көндөзгә сәгать 2 дә туган, 1899 елның 16 гынварында шимбә көн үлгән. Уфа шәһәре метрика кенәгәсендә аның шул елның 17 гыйнварында кызылча авыруыннан мөңгелек дөньяга күчүе турында язылган [2, б.19]. Хәсәнне соңгы юлга озаткан мулла аның үлү датасы итеп күмелү көнен күрсәткән булса кирәк.

Р.Фәхрәтдин үзенең 1901 елның 5 сентябрәндә (һижри 1319 елның 7 жөмадиәл-ахирәндә) чәршәмбе көн Уфада туган улына тагын Хәсән дип исем биргән, тик, кызганычка каршы, анысы да 1902 елның 17 апреләндә чәршәмбе төнгә сәгать бердә жиде-сигез айлык вакытта вафат булган [7, б.32]. Метрика кенәгәсендә аның эпилепсия авыруыннан үлгәнлегә хакында язылган [3, б.347]. Икенче Хәсәннең ташындагы эпитафия нәкъ беренчесенекә кебек формада һәм эчтәлектә, фәкәть даталары гына башкача:

Алгы ягы:

- 1) «Хәсән бине Ризәддин
- 2) бине Фәхрәддин түвүффийә фии
- 3) 14 мүхәррами гаами
- 4) 1320 вә һүвә ибнү
- 5) 8 әшһүр».

Хәзерге татар теленә тәржемәсе: «Хәсән бине Ризәддин бине Фәхрәддин [һижри] 1320 елның 14 мөхәррәмәндә 8 айлык вакытта вафат булды».

Үлчәмнәре: 78x35x15.

Шулай ук извесьташтан эшләнгән бу ташның беренче өч юлын заманында эпиграфист В.М. Усманов укыган, ләкин соңгы ике юлы аның тарафыннан, жир астында калган булганга, бөтенләй бирелмәгән, шулай

ук әлеге эпиграфист «түвүффий» сүзен инде бу очракта «тәвәффи» дип тәкъдим иткән [8, б.16].

Ике Хәсәннен каберләре бер ихата эчендә булган. Аларның ташларын аталары үзе яздырып куйган. Күргәнебезчә, эпитафияләрдә бер генә артык сүз дә юк, фәкать кабер ияләре хакында төп мәгълүмат кына китерелгән. Р.Фәхретдин гади халыкка эпитафик текстларны гарәп телендә түгел, ә төрки телдә язарга чакырган, чөнки гарәп телендә язылган бик күп эпитафияләр элек хаталар белән тулган булган [9, б.555]. Әмма үзе бу киңәшен тотмаган, чөнки моңа зарурлык булмаган: галим гарәп телен үз ана телендәй белгән һәм гарәп жөмлөләрен язганда беркайчан хаталар жибермәгән. Бәлки, Риззәтдин хәзрәт эпитафияләрне гарәпчә язуда Ш.Мәржанигә иярергә теләгәндер, чөнки ул да үзенен бөтен яқыннарының кабер ташларын фәкать шул телдә һәм һижри ел исәбе белән яздырган. Мәржани моны: «Һижри ел исәбе – сәхабәләренң үзара килешүләре белән мөселманнар өчен һәртөрле мөгамәләләрендә тотуны һәм гамәлдә кулланыны тиешле күргән ел исәбе», – дип аңлаткан [1, б.555]. Р.Фәхретдин дә, гәрчә, Мәржанидән аермалы буларак, хезмәтләрендә милади ел исәбен кулланса да, улларының үлү даталарын һижри ел белән күрсәткән. Риззәтдин хәзрәтнең кабер ташын да яқыннары нәкъ газиз улларының ташлары кебек яздырганнар һәм тышкы ягы белән дә алар бер-берсе белән бик охшаш.

Уфа зиратында Р.Фәхретдиннең 1944 елда вафат булган Сәгыйдь һәм 1953 елда үлгән Габдеррәшид исемле улларының кабер ташлары да сакланган, тик аларның текстлары ни сәбәпләдер русча язылган. Сәгыйдь 1900 елның 13 февралендә (һижри 1317 елның 24 шәүвәлендә) Уфада туган [7, б.32]. Ул башта мәдрәсәдә, аннан соң Оренбург реаль училищесында, Ленинград урман техник академиясендә укыган, соңыннан урман сәнәгәте өлкәсендә инженер булып эшләгән. Сәгыйдь, үпкәсенә салкын тиеп, 44 яшендә гүр иясе булган [7, с.190] һәм атасыныкыннан соң бер кабер аша жирләнгән. Габдеррәшид исә 1892 елның 22 гыйнварында (һижри 1309 елның 4 рәжәбендә) чәршәмбе көн хәзерге Зәй районы Чыбыклы (Чубытлы) авылында дөньяга килгән [7, б.32]. Ул «Хөсәения» мәдрәсәсендә, Оренбург реаль училищесында, Пермь университетында гыйлем алган, соңра, фән юлын сайлап, төрле уку йортларында математика фәнен укыткан, озақ еллар Уфа авиация техникумында эшләгән, дәрәслекләр язган [7, с.190]. Йөрәк оянагә тотып, Габдеррәшид 1953 елда вафат булган һәм нәкъ атасы янына жирләнгән.

1990 нчы еллар башында галимнең каберенә тексты кириллица белән язылган икенче бер яңа таш та куелды. Күптән түгел Р.Фәхретдиннең һәм аның өч улының (Хәсән, Хәсән, Габдеррәшид) кабер ташлары «Татнефть» гаммәви акционерлык жәмгыяте ярдәме белән реставрацияләнде һәм 2022 елның 26 маенда аларның каберләре өстендә мемориаль комплекс ачылды. Әлеге проектның авторы һәм скульпторы – Искәндәр Бишишев, ә инициаторы – Риззәтдин Фәхретдин мемориаль музей мөдире Диләрә Гыймранова.

Р.Фәхретдин улы Габдеррәшиднен кабер ташы, атасыныкы белән рәттән торганга һәм берничә жирдән сынганга күрә, шушы проект кысаларында яна ташка алыштырылды һәм анда гарәп графикасында түбәндәге сүзләр язылды:

- 1) «Мөгаллим
- 2) Габдеррәшид
- 3) бине Ризәддин
- 4) 1892 – 1953».

Моңа кадәр галимнең Кичүчат авылы зиратында жирләнгән ата-анасы Фәхретдин хәзрәт һәм Мәүһүбә абыстай, үги анасы Маһижһан абыстай, энесе Зыятдин каберләре Ризәтдин Фәхретдин мемориаль музей хезмәткәрләре тарафыннан тәртипкә китерелеп, алар 2006 елда таш һәм тимер койма белән әйләндереп алынган иде. Эпиграфик экспедициябез вакытында барысының да ташбилгеләре өйрәнелде һәм болардан тыш шул ук авылда Р.Фәхретдиннең бабасы Сәйфетдин хәзрәт һәм әбисе Хәдичә абыстайның кабер ташы да табылды. Шунысын әйтергә кирәк ки, Фәхретдин хәзрәтнең ташбилгесенә гарәп телендә озын эпитафия язылган: вафат булу хакында төп мәгълүматтан тыш әгузе-бисмилла, Коръән аяте, догалар, хикмәтле сүзләр язылган, әмма аларны Р.Фәхретдин түгел, ә аның энесе Минһажетдин үз куллары белән язган, чөнки ул бик маһир ташка язучы булган.

Уфа мөселман зиратында Р.Фәхретдиннең үзенә һәм аның якин туганнарына куелган кабер ташлары гаять кыйммәтле тарихи-мәдәни истәлекләр булып саналсалар, алар эле һаман галимнәр тарафыннан тиешле дәрәжәдә тикшерелмәгән һәм ташларының тулы текстлары фәнни әйләнешкә кертелмәгән иде. Экспедициябез вакытында бөек галимебез белән бәйле барлык ташбилгеләр өйрәнелде, дип әйтергә хәзер инде нигез бар. Күргәнебезчә, ул балаларына гади итеп эшләнгән ташлар куйган һәм аларга гарәп телендә кабер ияләренең исемнәрен, аталарының исемнәрен, һижри ел исәбе белән үлү даталарын һәм яшьләрен генә яздырган. Р.Фәхретдин заманында кайбер кешеләр, бер-берсен уздырырга теләп, туганнарына бик кыйммәтле һәм затлы кабер ташларын куюда ярышканнар, хәзерге көндә дә андый ямьсез күренешләрне күзәтергә мөмкин. Ләкин галимебез, сүзләр белән генә чикләнмичә, гамәлләре белән дә һәр эштә тыйнаклыкка өндөгән. Үзенә кабер ташы да башка олуг галимнәр һәм мөфтиләрнекәннән гадилегә белән аерылып тора. Шулай итеп, Р.Фәхретдин белән бәйле ташъязма истәлекләренә жентекләп өйрәнү, анализлау аша, галимнең кайбер фикер-карашларын, шәхси сыйфатларын ачыкларга, башка төрле чыганақлардан ала алмаган мәгълүматлар тупларга мөмкин. Шуңа күрә без, бөек шәхесләребез турында материал жыйганда, тулыландырганда, аларның хезмәтләре, архив документлары, көндәлекләр, хатирәләр белән беррәттән, эпиграфик истәлекләренә дә барларга һәм өйрәнергә тиешбез.

Чыганаclar һәм әдәбият

1. *Баруди Г.* Ошбу эсәрне туплау мөнәсәбәте белән остаз Галимжан бине Мөхәммәдхан әл-Баруди хәзрәтләре язган эсәр // Мәржани: фәнни-популяр жыентык. Казан: Жыен, 2010. Б.555.
2. Башкортстан Республикасы Милли архивы (БР МА). И-295 ф. 12 тасв. 79 эш.
3. БР МА. И-295 ф. 16 тасв. 1945 эш.
4. *Нигматуллина И.В.* Старая Уфа. Историко-краеведческий очерк. 2-е изд., перераб. Уфа: Белая река, 2007. 224 с.
5. Ризәддин Фәхрәддин: Кәгазь өстендә калган исем – бетмәс гомердер = Ризәддин Фәхрәддин: Жизнь длиною в вечность / төз. Д.Г. Гыймранова, Л.И. Гобәйдуллин, Р.Х. Миңнуллин. Казан: Рухият, 2014. 148 б.
6. Ризәддин Фәхрәддин мемориаль музей: КП-1574, д-711.
7. Ризәтдин Фәхрәддин: Фәнни-биографик жыентык = Ризәтдин Фәхрәтдин: Научно-биографический сборник. Казан: «Рухият» нәшрияты, 1999. 224 б.
8. *Усманов В.М.* Башкортстан Республикасы татар эпиграфик һәйкәлләре: Уфа. Казан: ТӘҺСИ, 2021. 44 б.
9. *Фәхрәтдин Р.* Габдессәлам мөфтинең хәтер дәфтәре // Шура. 1913. №18. Б.555–557.

Эпиграфические памятники на мусульманском кладбище Уфы, связанные с Р.Фәхрәтдином

А.М. Гайнетдинов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

Статья посвящена описанию эпиграфических памятников, связанных с именем выдающегося татарского ученого, педагога, журналиста, религиозного и общественного деятеля Ризәтдина Фәхрәтдина. Эти памятники сохранились на старом мусульманском кладбище г. Уфы и имеют важное научное значение, поскольку помогают выявить некоторые взгляды, личностные качества ученого. В статье описываются и анализируются надмогильные камни, установленные на могилы самого Р.Фәхрәтдина и его детей, а также даются некоторые биографические сведения о них. Новизна исследования заключается в том, что эпиграфические памятники, имеющие прямое отношение к Р.Фәхрәтдину, впервые вводятся в научный оборот.

Ключевые слова: Ризәтдин Фәхрәтдин, Уфа, дети Р.Фәхрәтдина, могилы, надмогильные камни, эпитафии, мусульманское кладбище Уфы.

Для цитирования: Гайнетдинов А.М. Уфа мөселман зиратында Р.Фәхрәтдин белән бәйле эпиграфик истәлекләр // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №2. С.142–149.

Epigraphic monuments of the cemetery of Ufa,
which are associated with Rizaetdin Fakhretdin

A.M. Gaynutdinov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The article is devoted to the description of epigraphic monuments associated with the name of the outstanding Tatar scientist, teacher, journalist, religious and public figure Rizaetdin Fakhretdin. These monuments have been preserved in the old Muslim cemetery in Ufa and are of great scientific importance, since they help to reveal some of the views and personal qualities of the scientist. The article describes and analyzes the tombstones installed on the graves of R. Fakhretdin himself and his children, and also provides some biographical information about them. The novelty of the study lies in the fact that epigraphic monuments that are directly related to R. Fakhretdin are introduced into scientific circulation for the first time.

Keywords: Rizaetdin Fakhretdin, Ufa, children of R. Fakhretdin, graves, tombstones, epitaphs, Ufa Muslim cemetery.

For citation: Gaynutdinov A.M. Epigraphic monuments of the cemetery of Ufa, which are associated with Rizaetdin Fakhretdin. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 2, pp.142–149. (In Tatar)

Информация об авторе:

Гайнетдинов Айдар Марсиль улы – филология фәннәре кандидаты, ТР ФА Ш.Мәржани исем. Тарих институты Яңа тарих бүлегенең өлкән фәнни хезмәткәре (Казан, Россия Федерациясе); e-mail: aydargm@yandex.ru

Гайнутдинов Айдар Марсильевич – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник отдела новой истории Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация).

Gaynutdinov Aydar Marsilevich – Cand Sci. (philology), Senior Researcher of the Department of Modern History, Marjani institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

ПУБЛИКАЦИЯ ИСТОЧНИКА

УДК 94(470.57)+093

«И преж сего такие примеры были безясашные люди, в окладные ясаки писаны». К вопросу об интеграции в состав «башкирцев» представителей иных социальных групп Западного Приуралья в XVII в.

О.О. Владимиров, Р.Р. Исхаков

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В публикации представлены документы из фонда Уфимская приказная изба Российского государственного архива древних актов, раскрывающие один из механизмов интеграции представителей социальной группы бобылей (ясачных татар, марийцев, чувашей и др.) в состав башкирцев Западного Приуралья в XVII в. На основе представленных материалов можно сделать вывод, что в рассматриваемый период перевод бобылей в башкирцы путем наложения на них окладного ясака и записи в окладные списки был распространенным явлением и привел к быстрому увеличению вотчинников-асаба в данном регионе.

Ключевые слова: бобыли, башкирцы, окладной ясак, Западное Приуралье, Ельдятская волость.

Для цитирования: Владимиров О.О., Исхаков Р.Р. «И преж сего такие примеры были безясашные люди, в окладные ясаки писаны». К вопросу об интеграции в состав «башкирцев» представителей иных социальных групп Западного Приуралья в XVII в. // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №2. С.150–160.

XVII в. в истории Западного Приуралья стал временем оформления сложной социальной структуры служилого и ясачного (податного) населения, ставшей впоследствии основой формирования сословных групп региона – башкирцев/башкир, бобылей, тептярей, служилых мещеряков. Формирование особых социальных групп было во многом связано со сложившимися традициями землевладения и фискальными интересами государства. При этом важную, а иногда и ключевую роль в социальной стратификации местного населения, а также в выстраивании институтов сельского управления (поземельных волостей) выполняла государственная администрация.

Западное Приуралье исторически являлось контактной зоной, в которой проживали и взаимодействовали представители разных этнокультурных сообществ. Значительную динамику социальным процессам в регионе

придало его вхождение в состав Московского государства, приведшее к мощному миграционному движению оседлого населения из Закамья. Природно-климатические условия лесостепной зоны Западного Приуралья препятствовали широкому распространению здесь кочевого и отгонного скотоводства. Широкие лесные массивы, резко континентальный климат с жарким, засушливым летом и холодной зимой с большим снежным покровом, не позволявший содержать скот на подножном корму, являлись естественными неблагоприятными факторами для хозяйственного освоения региона кочевниками. В тоже время наличие большого количества водных массивов и высокое плодородие почв способствовали развитию здесь сельского хозяйства. Именно хлебопашцы стали основным контингентом переселенцев.

Со второй половины XVI–XVII вв. в состав относительно немногочисленного местного населения, представленного ясачными (башкирцы) и служилыми (тарханы) людьми, обладавшего еще со времен Казанского ханства обширными земельными наделами, использовавшимися ими в качестве наследственных владений, в первую очередь для пушного и бортного промысла, активно интегрируются переселенцы (бобыли, реже служилые татары). Вхождение бобылей в состав башкирцев происходило путем переписывания их в окладной ясак и фиксации в ясачных (окладных) книгах. Необходимо отметить, что применительно к Западному Приуралью наименование «башкирец» имело эндонимическое содержание – Русское государство, выделяя ясачное население, обладавшее определенными правами и обязанностями, маркировало их по географическому принципу. В связи с тем, что образованный после строительства г. Уфы Уфимский уезд Казанского воеводства с периода раннего средневековья был известен как историческая область «Мажгария»/»Башгардия». Местных жителей, плативших ясак в Уфу, вне зависимости от этнокультурной идентичности, начинают именовать «башкирцами».

В переводе бобылей, плативших оброк или бобыльский ясак, на оклад первоначально были заинтересованы как государство, так и сами башкирцы. Если уфимская администрация путем увеличения числа башкирцев расширяла свою налоговую базу, то есть количество окладного населения платившего ясак в Уфу, то сами башкирцы снижали свою налоговую нагрузку и обременение по несению государственных повинностей. Особое значение припуск имел в поземельных волостях с существенной территорией и небольшим населением, так как распределение налогового бремени осуществлялось не по числу ясачных людей, а по количеству и качеству земельных владений. Башкирцы в таких волостях объединялись не на основе единого родоплеменного происхождения, как это можно было наблюдать в Восточном Приуралье, а на основе принадлежности к общей территориально-административной единице, как правило, обозначавшейся по названию волостного центра. Неслучайно, что уже в делопроизводственных материалах второй половины XVII в., относящихся к Казанской

дороге Уфимского уезда, практически не встречается челобитных от представителей того или иного рода или племенного образования, фиксируются лишь индивидуальные или коллективные прошения от представителей одной или нескольких социальных корпораций («товарищи»).

В рамках данной статьи на примере Ельдятской (Ельдяцкой, Ельдякской) поземельной волости Казанской дороги мы рассмотрим один из характерных примеров социальной трансформации, связанной с переходом бобылей в башкирское «звание». В приведенных ниже документах описаны два механизма включения бобылей в число башкирцев и указана процедура перехода на окладной (тептерской, тептярский) ясак.

В начале 1689 г. башкирцы Ельдяцкой волости Ирмекей Алтынбаев, Сулейман Михайлов и Бекмет Елдашев обратились с прошением о снятии с них бобыльского ясака, в связи с тем, что они были записаны в окладные списки. В ходе разбирательства этого дела выяснилось, что Сулейман Михайлов действительно ранее платил бобыльский ясак, но вместе с безясачным бобылем Бекметом Елдашевым был переведен на окладной ясак. При этом дабы «казне в зборех порухи и убыли не было», вместо С. Михайлова в бобыльской ясак был записан безясачный черемис деревни Биртюковы Токметка Токсубаев. Таким образом, факт оплаты ясака (записи в окладные книги) был достаточным основанием, чтобы признать перевод бобылей в башкирцы. В самом документе отмечалось, что данный случай не был уникальным: «и преж сего такие примеры были безясашные люди, в окладные ясаки писаны Ельдяцкие волости башкирцов по старым ясачным книгам написано малоллюдно, а ясак на них большой и за малоллюдством тот ясак платят они по вся годы против окладу не сполна и чтоб впредь на них тот ясак в доимке не был и для ясачных зборщиков велел им дать оберегалную память» [2, л.7]. Единственным препятствием в переводе вчерашних бобылей в башкирцы, в глазах уфимской администрации, могла стать уплата ими ранее бобыльского ясака, что наносило «убыль казне». Но в случае безясачного Б. Елдашева, а также С.Михайлова, бобыльский ясак которого должен был оплачивать Т.Токсубаев, такой проблемы не возникло. Схожая мотивировка в признании башкирских прав отмечается и в отношении третьего фигуранта этого дела – Ирмекея Алтынбаева. Наряду с фактом оплаты окладного ясака важным аргументом предоставления ему оберегательной грамоты стали его близкородственные связи (был приемным сыном) с башкирцем Ельдякской волости Кулюбаем Байтерековым и помощь в оплате им ясака в его повытье, «по кунице, да по полубатману меду на год».

Данный случай был характерен и для других башкирских поземельных волостей Казанской дороги. В фонде «Уфимская приказная изба» Российского государственного архива древних актов (ф.1173) имеются документы о переводе в окладной ясак бобылей Байлярской [3], Кыр-Иланской [4], Булярской [5], Уранской [1], Дуванейской [6] волостей. Встречаются примеры, когда бобыли при записи в оклад, для получения

статуса башкирцев-вотчинников, обязались за это давать дополнительный ясак в «прибыль» [5, л.20], что приносило казне дополнительную прибыль и мотивировало администрацию увеличивать численность данной социальной страты местного общества. Впрочем, вышеприведенные механизмы хотя и были распространенными, но не единственными способами интеграции в состав башкирцев-асаба. Этот статус и особые права на земли получали путем покупки наделов, заселения в пустующих землях («в диком поле»), особым решением государственных структур и проч.

Приложение

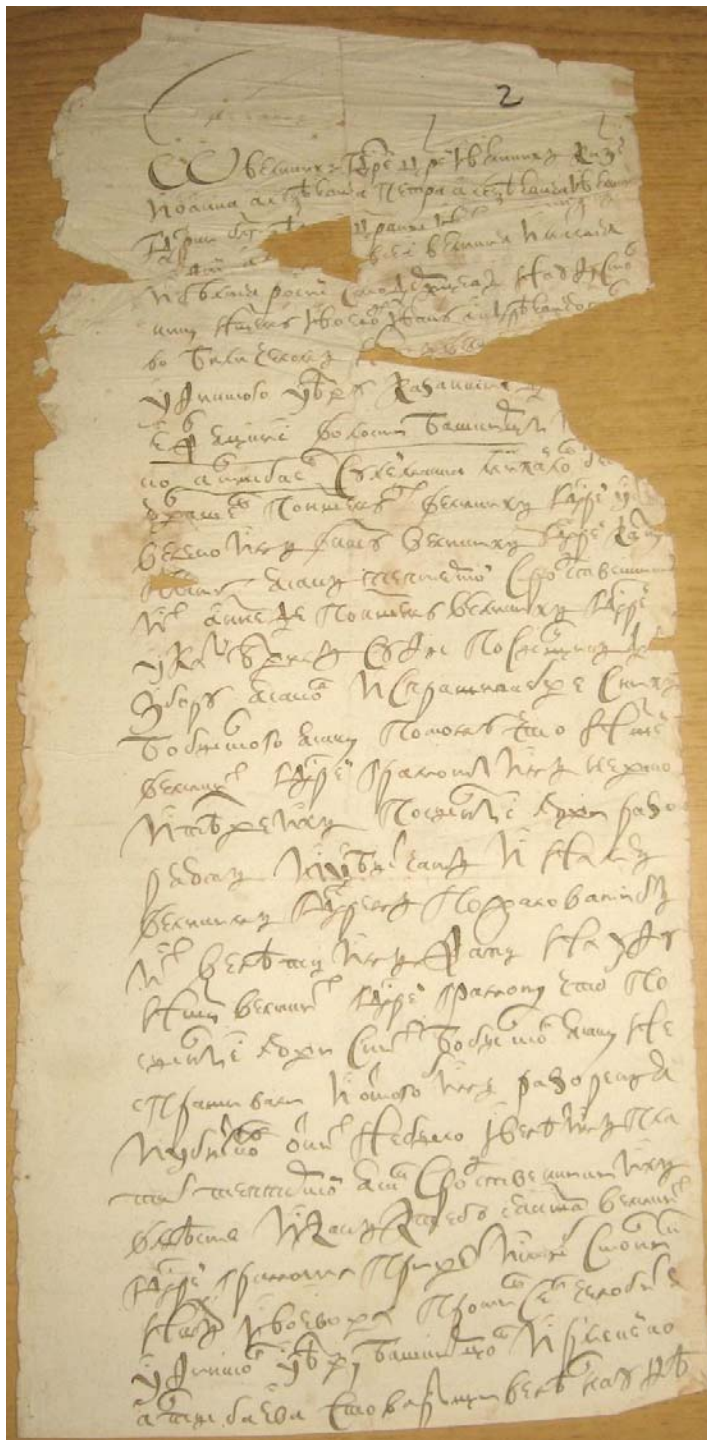
№1

Указная грамота по челобитной башкирцев Елдецкой волости Ирмекейки Алтыбаева с товарищи о платеже им в казну ясака от 9 марта 1689 г.

//л.2// От великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великие государыни благо[верные¹] царицы и великой княжны Софии Ал[ексеевны], всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев столнику нашему и воеводе Ивану Андреевичю [Толсто]во, били челом [нам великим государем] Уфинского уезду, Казанские [дороги], Елдяцкие волости башкирцы [Ирмекейко] Алтыбаев, Сулейманка Михайлов, [Бекметко] Елдашев. По нашему великих государей у[казу] велено им в нашу великих государей казну платить ясак тептерской, с родственники их, а ныне де по нашему великих государей указу ездил с Уфы посыльник д[ля] збору ясаков и спрашивает де с них бобылского ясаку, потому что нашей великих государей грамоты им не дано и тем же их посыльные люди разоряют и убытчат и нам великим государем пожаловати б их, велеть им дать на Уфу нашу великих государей грамоту, чтоб посыльные люди с них бобылского ясаку не спрашивали и от того б им разоренья и убытков от них не было и велеть платить тептерской ясак с родственники их вместе. И как к тебе ся наша великих государей грамота придет, и ты б столник наш, и воевода против сего челобитья Уфинского уезду башкирцов Ирмекейко Алтыбаева с товарищи велел на Уфе //л.3// в приказной избе справитца и розыскать, и по розыску наш великих государей указ учинить. По нашему великих государей указу и против их братии, иных таких чтоб те ясаки и оброки всегда по вся годы во взятьи были, с них по окладным и приходным книгам сполна без доимки, а отнюдь бы в нашей государеве казне в зборех порухи и убыли не было. Писан на Москве лета 7197 марта в 9 день².

¹ Здесь и далее часть текста не сохранилась и была отмечена квадратными скобками и восстановлена на основе содержания данного дела.

² Дата соответствует 9 марта 1689 г.

Фрагмент документа (РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1038. Л.2)

//л.2 об.// (Приписки³):

На Уфу столнику и воеводе Ивану Андреевичю Толстово.

197 году, мая в 10 день, подал великих государей грамоту татарин Асанко Кулучаков.

В книге записана.

Алтыбаев.

197 году, Уфинского уезду, Елдяцкой волости Ирмекейка Алтыбаева.

//л.3 об.// Справил Васка Никифоров.

РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1038. Л.1–3 об.

№2

Челобитная башкирцев Елдяцкой волости Ирмикейки Алтыбаева, Сулейманки Михайлова, Бекметки Елдашева от 15 мая 1689 г.

//л.4// Великим государем, царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю и великой государыне благоверной царевне и великой княжны Софии Алексеевне, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцем бьют чело холопи ваши Уфинского уезду, Казанские дороги, Елдяцкие волости башкирцы Ирмикейко Алтыбаев, Сулейманка Михайлов, Бекметко Елдашев. По вашему великих государей указу, а по нашему холопей ваших челобитью, прислана с Москвы на Уфу ваша великих государей грамота, велено нам холопом вашим оплатить в городе на Уфе тептерской ясак с родственники свои вместе. Милосердные великие государи, цари и великие князи Иоанн Алексеевич, Петр Алексеевич и великая государыня благоверная царевна и великая княжна София Алексеевна, всеа Великия и Белья и Малыя Росии самодержцы, пожалуйте нас холопей своих, велите государи нам против той своей великих государей грамоте, свой великих государей указ учинить, великие государи, цари смилуйтеся.

//л.4 об.//

Выписан.

Челобитчик Ирмекейко тамгу свою приложил

Челобитчик Сюлейманка тамгу свою приложил

³ В тексте все приписки написаны в разных местах листа и разным почерком.

Челобитчик Бекметка тамгу свою приложил

РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1038. Л.4–4 об.

№3

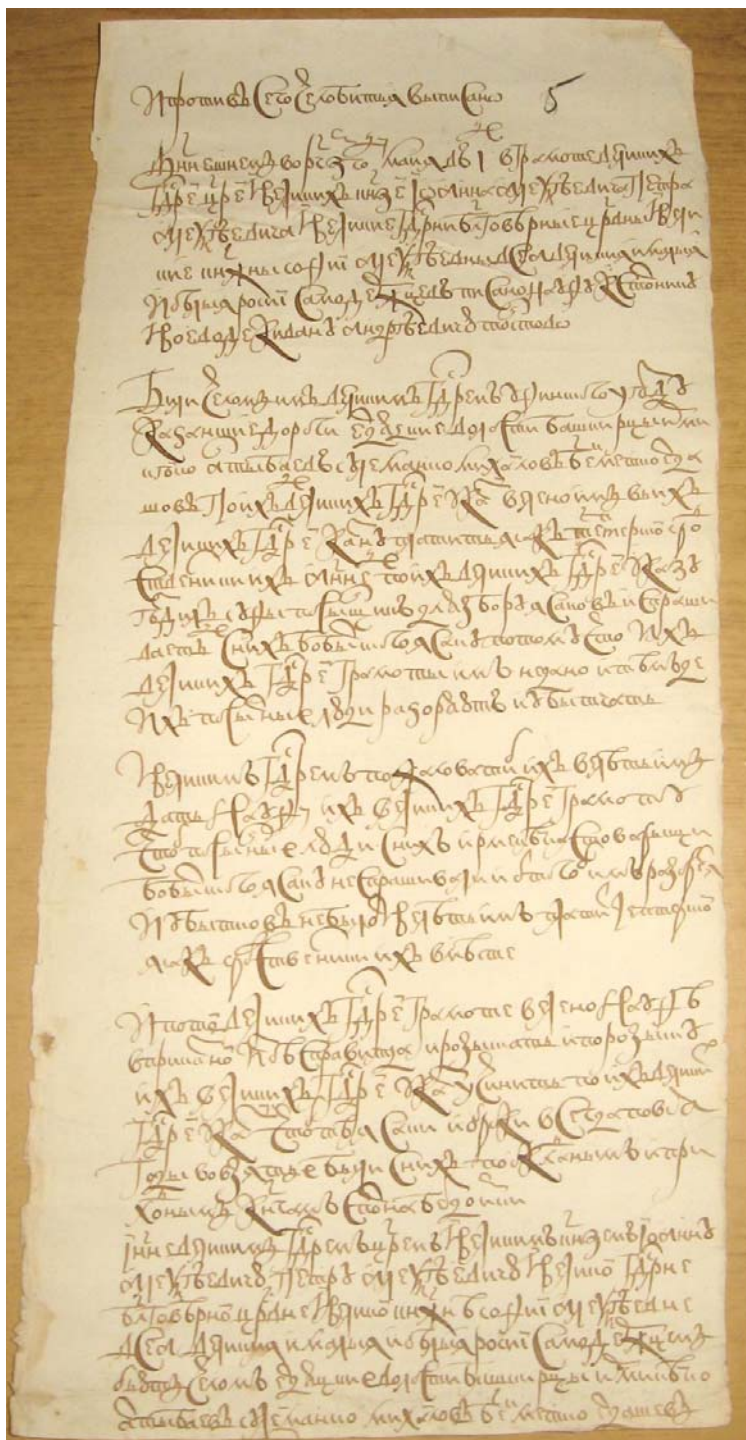
Память по челобитной башкирцев Елдяцкой волости Ирмикейки Алтыбаев, Сулейманки Михайлова, Бекметки Елдашева, не ранее 19 мая 1689 г.

//л.5// И против сего челобитья выписано:

В нынешнем во 197 году, мая в 10 день⁴, в грамоте великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великие государыни благоверные царевны и великие княжны Софии Алексеевны, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев писано на Уфу к столнику и воеводе к Ивану Андреевичю Толстово.

Били челом им великим государем Уфинского уезду, Казанские дороги, Елдяцкие волости башкирцы Ирмикейко Алтыбаев, Сулеманко Михайлов, Бекметко Елдашов. По их великих государей указу, велено им в их великих государей казну платить ясак тептерской с родственники их. А ныне де по их великих государей указу ездил с Уфы посылщик для збору ясаков и спрашивает де с них бобылского ясаку, потому что их великих государей грамоты им не дано и тем де их посыльные люди разоряют и убытчат.

⁴ Дата соответствует 10 мая 1689 г.

Фрагмент документа (РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1038. Л.5)

И великим государем пожаловати б их, велеть им дать на Уфу их великих государей грамоту, чтоб посыльные люди с них Ирмекейка с товарищи бобыльского ясаку не спрашивали и от того б им разоренья и убытков не было и велеть им платить тептерской ясак с родственники их вместе.

И по той великих государей грамоте велено на Уфе, в приказной избе справитца и розыскать и по розыску их великих государей указ учинить, по их великих государей указу чтоб те ясаки и оброки всегда, по вся годы во взятые были с них по окладным и приходным книгам сполна, без доимки.

И ныне великим государем, царем и великим князем Иоанну Алексеевичю, Петру Алексеевичю и великой государыне, благоверной царевне и великой княжне Софии Алексеевне, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцем, быют челом Елдяцкие волости башкирцы Ирмекейко Алтыбаев, Сулейманко Михайлов, Бекметко Елдашев, //л.б// чтоб великие государи пожаловали их, велели по той своей великих государей грамоте указ учинить.

А по справке на Уфе, в приказной избе, в ясачной приходной книге прошлого 193 году⁵ написано:

Казанские дороги, Елдяцкие волости, на старосте на Солтангилдее Бедееве с товарищи – 100 куниц, да в тот же оклад помогает служилый мещеряк Уляйко Янборисов – 2 куницы, да Стенка Янбахтин помогает – две ж куницы.

Да в бобыльской книге 193 году⁶ написано: деревни Полского Киргизу бобыль Сюлейманко Мишкин.

И декабря в 29 день, по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великие государыни, благоверные царевны и великие княжны Софии Алексеевны, всеа Великия и Малыя и Белья России самодержцев и по выписке за рукою думного дворянина и воеводы Ивана Петровича Кондырева, велено ему Сюлейманку, да безясачному Беккеньячке Елдашеву платить окладной ясак тое волости з башкирцом с Тойметком Калмыковым, а в бобыльской ясак написать безясачного деревни Биртюковы черемисина Токметка Токсубаева.

И по тому великих государей указу вместо ево Сюлейманка в бобыльской ясак черемисин Токметка написан и бобыльской ясак платит сполна, а Ирмекейко Алтыбаев сколь давно окладной ясак платит и по какому указу того в ясачных книгах не сыскано.

И у выписки он Ирмекейко сказал, отец де ево жил в Уфинском уезде, по Казанской дороге, в деревне Полского Киргизу безясачно, да и он де Ирмекейко в бобыльском ясаке не бывал и платит окладной ясак лет з дватцет Елдяцкие волости з башкирцом с Кулюбаем Байтерковым в его

⁵ Дата соответствует периоду с 1 сентября 1684 г. по 31 августа 1685 г.

⁶ Дата соответствует периоду с 1 сентября 1684 г. по 31 августа 1685 г.

повытье, по кунице, да по полубатману меду на год, потому что он Кулюкей⁷ ему Ирме[кейку вотчим]. [...] ⁸

//л.7// Да в ясачной приходной книге прошлого 184 года, написано: мая в 19 день⁹, по книгам посадцкого человека Антона Шелаумова, Елдяцкие волости, на башкирцах на Кулюке Байтерекове с товарищи и их повытья на 184 год¹⁰, в уплату восемь куниц, да за двенатцеть куниц денгами по тринатцети алтын, по две денги за куницу взято.

Да июля в 13 день¹¹ по ево ж книгам на них же Кулюке с товарищи десять куниц, да за пять куниц денгами, по тринатцети алтын, по две денги за куницу взято.

Да по справке ж с ясачными бобыльскими книгами прошлых и нынешняго 197 годов¹² отца ево Ирмекейкова Алтыбайка и ево Ирмекейка в бобыльском ясаке не сыскано.

И в нынешнем во 197 году, мая в 17 день¹³, столник и воевода Иван Андреевич Толстово слушав сеи выписки, велел по указу великих государей, царей и великих князей Иоанна Алексеевича, Петра Алексеевича и великие государыни благоверные царевны и великие княжны Софии Алексеевны, всеа Великия и Малыя и Белья Росии самодержцев и по грамоте челобитчиком Ирмекейку Алтыбаеву, Сюлейманку Михайлову, Бекметку Елдашеву, платить по прежнему окладной ясак, а в бобыльской ясак писать их не велел потому что Ирмекейко и Беккенячко в бобыльском ясаке не бывали, а вместо Сюлейманка в бобыльской ясак написан безьясашной бобыль Токметко Токсубаев и преж сего такие примеры были безьясашные люди, в окладные ясаки писаны Елдяцкие волости башкирцов по старым ясачным книгам написано малоллюдно, а ясак на них большой и за малоллюдством тот ясак платят они по вся годы против окладу не сполна и чтоб впредь на них тот ясак в доимке не был и для ясачных зборщиков велел им дать оберегалную память.

И им Ирмекейку память дана такова.

//л.7 об.// Писал Сенка Холщевников.

РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1038. Л.5–7 об.

Источники

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф.1173. Оп.1. Д.980.
2. РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1038.

⁷ Так в тексте, изначально указан как Кулюбай, а далее, как Кулюкей.

⁸ Последняя строка оборвана.

⁹ Дата соответствует 19 мая 1676 г.

¹⁰ Дата соответствует периоду с 1 сентября 1675 г. по 31 августа 1676 г.

¹¹ Дата соответствует 13 июля 1676 г.

¹² Дата соответствует периоду с 1 сентября 1688 г. по 31 августа 1689 г.

¹³ Дата соответствует 19 мая 1676 г.

3. РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1152.
4. РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1156.
5. РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1167.
6. РГАДА. Ф.1173. Оп.1. Д.1363.

«And before that, such examples were not paying yasak people, written in salary yasaks». On the issue of integration into the «Bashkirtsy» of representatives of other social groups of the Western Urals in the 17th century

O.O. Vladimirov, R.R. Iskhakov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

The publication presents documents from the Ufa Prikaznaya Izba fund of the Russian State Archive of Ancient Acts, revealing one of the mechanisms for integrating representatives of the social group of Bobyli (yasak Tatars, Maris, Chuvashes, etc.) into the Bashkirtsy of the Western Urals in the 17th century. Based on the materials presented, it can be concluded that during the period under review, the transfer of Bobyli to the Bashkirtsy by imposing a salary yasak on them and recording them in the salary lists was a common phenomenon and led to a rapid increase of votchinniks-asaba in the region.

Keywords: Bobyli, Bashkirtsy, salary yasak, Western Urals, Eldyatskaya volost.

For citation: Vladimirov O.O., Iskhakov R.R. «And before that, such examples were not paying yasak people, written in salary yasaks». On the issue of integration into the «Bashkirets» of representatives of other social groups of the Western Urals in the 17th century. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 2, pp. pp.150–160. (In Russian)

Информация об авторах

Владимиров Олег Олегович – научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); e-mail: olegvladimirov@list.ru

Исхаков Радик Равильевич – доктор исторических наук, заведующий отделом истории Поволжья и Приуралья Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); e-mail: ishakovist@gmail.com

Vladimirov Oleg Olegovich – Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Iskhakov Radik Ravilevich – Dr. Sci. (history), Head of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Ревизские сказки податного населения 11-го башкирского кантона за 1811 год как источник сведений о духовных лицах и учителях*

И.З. Файзрахманов, Х.З. Багаутдинова
Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация

Целью данной работы является публикация и введение в исследовательский оборот сведений о духовных лицах и учителях 11-го башкирского кантона, извлеченных из ревизских сказок за 1811 г. 11-й башкирский кантон в изучаемый период включал население башкирского и мещеряжского сословий, проживавших на территории Мензелинского уезда Оренбургской губернии, Елабужского и Сарapulьского уездов Вятской губернии. Анализ источника позволяет выяснить степень полноты представленных материалов, в некоторой степени реконструировать процесс перехода местных религиозных элит из «свободного состояния» в контролируемый властями «официальный» ислам в условиях укрепления государственного надзора над местным населением путем создания кантонной системы.

Ключевые слова: указной мулла, азанчей, кантонная система управления, Мензелинский уезд, ревизские сказки, 1811 год.

Для цитирования: Файзрахманов И.З., Багаутдинова Х.З. Ревизские сказки податного населения 11-го башкирского кантона за 1811 год как источник сведений о духовных лицах и учителях // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №2. С.161–173.

В начале XIX в. нерусское население Мензелинского уезда Оренбургской губернии и прилегающих территорий было представлено разными в сословном отношении группами, тесно контактирующими друг с другом в материальном и духовном планах, вследствие близкого соседства, как в рамках своей деревни, так и в более широких границах.

Наиболее полную информацию о людях той эпохи мы можем почерпнуть из ревизских сказок. Они содержат следующие данные: место проживания, сословная принадлежность, имена и фамилии членов семьи, родственные связи, возраст и изменения в составе семьи и т.д. В ревизских сказках также могут присутствовать сведения о должности человека, которые позволяют определить, чем он занимался.

Интерес выделить наиболее образованных людей, имевших авторитет в сельских общинах – представителей духовенства и учителей (мударри-

* Публикация подготовлена в рамках реализации Государственной программы «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2020–2024 годы)».

сов), был вызван желанием раскрыть их роль, которую они выполняли, сделать более доступным информацию о них.

В данной публикации мы приводим «Список духовных лиц, учителей и писарей из ревизских сказок податного населения 11-го башкирского кантона Мензелинского уезда Оренбургской губернии, Елабужского и Сарapulьского уездов Вятской губернии за 1811 год». Этот список составлен по единственному архивному делу о податном населении 11-го башкирского кантона за 1811 г., которое сохранилось в фондах Национального архива Республики Башкортостан (Ф.И-138. Оп.2. Д.104 а). Выбор источника, из которого были извлечены сведения о духовных лицах, учителях и писарях, обусловлен тем, что этот документ является наиболее ранней дошедшей до нас ревизской сказкой, зафиксировавшей должности искомым людей.

Список составлен в виде таблицы, в которой представлены порядковый номер и название деревни, имя и фамилия духовного лица, их должность, возраст и ссылка на листы документа. Так же, как это записано в ревизской сказке, приведено деление селений на группы, в зависимости от подчиненности к тому или иному башкирскому юртовому старшине или, в одном случае, мешерякскому старшине.

Сведения из таблицы не являются исчерпывающими и охватывают население башкирского и мешерякского сословий 11-го башкирского кантона. Кроме этих групп, на территории указанных уездов проживало значительное количество тептярей, бобылей, ясачных и служилых татар и др. К сожалению, дело за 1811 г. является неполным, часть кантонного населения в нем не представлена, как мы заметили, отсутствуют сведения по современному Мензелинскому району РТ и в меньшей степени по другим.

В рассмотренных ревизских сказках за 1811 г. нами было учтено всего 203 лица. Они были лицами духовного звания или учителями (мударрисами) и писарями. Большинство из них, как правило, были записаны указными муллами (72) и указными азанчями (азанчи, муадзин) (55). Немало записей без уточнения, являются ли учтенные лица указными муллами (22) или азанчями (азанчи) (37). Вероятно, часть из них были «указными» – сведения могли быть неточными или же некоторые не смогли представить подтверждающие документы во время переписи. Два человека являлись указными ахунами (ахун – старший мулла, духовное лицо у мусульман). Указные писари (2) и писарь (1) могли вести письменное делопроизводство, канцелярские дела при башкирских старшинах. Остальные лица выделены в качестве учителей и с другими духовными званиями, при этом давались разные формулировки их наименований: указной муктасып (5), муктасып (1), указной муктасып и мударрис (1), указной муктасып и учитель (1), муктасып мударрис мулла (1), указной учитель (1), указной мулла и мударрис (1), мударрис мулла (1) – всего 12 человек.

Выделенные нами все эти 203 лица духовного и учительского звания учтены в 106 деревнях 11-го башкирского кантона. Некоторые населенные

пункты в таблицу не вошли, так как материалов, подтверждающих проживание в них этих лиц, не обнаружено. В некоторых случаях в ревизские сказки вносились сведения о перемене места жительства мулл и других лиц, что было отражено в примечаниях к таблице. Однако можно предположить, что данные о лицах духовного и учительского звания, в частности об их месте жительства, не являются исчерпывающими. Например, в д. Верхний Табын (№79) значатся два указных азанчея и ни одного муллы. Если в других населенных пунктах наличие азанчея и отсутствие муллы можно объяснить тем, что деревня была сравнительно небольшой, то в данном случае, предположительно, два указных азанчея либо находились при разных мечетях, вероятно, разных деревень, или же муллы временно не было. В то же время исполнять обязанности муллы могли представители иных сословий. Не исключено, что могли пригласить муллу из другого населенного пункта.

Некоторые из указанных в таблице деревень выделялись наличием значительного числа духовных лиц: Султангулово (5), Актанышбаш (5), Чугани-Янзигитово (4), Ушарово (6), Кузякино (5) и др. Как правило, в таких деревнях наряду с муллой значились азанчеи и учителя (мударрисы). Количество духовных лиц напрямую коррелировалось с численностью населения в деревнях. По материалам ревизских сказок можно проследить родственные связи мулл по мужской линии, чаще всего это близкие родственники: отец и сын, дед и внук, что также говорит о сильном влиянии семейного воспитания и преемственности при выборе будущей профессии.

Указание духовных званий при составлении ревизских сказок на рассмотренном примере (11-й башкирский кантон) показывает степень внимания властей к управлению данной территорией. Отчасти это объясняет, почему в ревизских сказках, например, Казанской губернии, как правило, не были указаны духовные звания сельских мулл или азанчеев – последние никак не выделялись в общей массе податных слоев населения. После Пугачевского восстания и последующей реорганизации всей системы государственного управления кантонная система на данной территории была призвана предельно жестко контролировать подчиненное ей население. Одним из эффективных способов достижения этой цели было воздействие на жителей с помощью их духовных авторитетов. Создание Оренбургского мусульманского духовного собрания, обязательность получения официального указа для возможности выполнения религиозных треб способствовали интеграции прежде относительно независимых «безуказных» мулл в общероссийское имперское пространство.

Следует отметить, что в ревизских сказках деревень 11-го башкирского кантона за 1811 г. нигде не значатся хафизы («чтецы Корана», широко известное в XVII–XVIII вв. наименование мусульманских лиц). Наименования «указной», «мулла», «муэдзин» в ревизских документах под-

водят нас к выводу о том, что последние были представителями «официального» ислама.

Приложение

Список духовных лиц, учителей и писарей из ревизских сказок 11-го башкирского кантона Мензелинского уезда Оренбургской губернии, Елабужского и Сарапульского уездов Вятской губернии за 1811 год¹

Порядковый номер, название деревни	Имя, фамилия	Должность	Возраст (в 1811 г.), в скобках годы жизни	Номера листов
27-я дивизия башкирского войска Оренбургской губернии Мензелинского уезда 11-го башкирского кантона Байлярской волости юртового башкирского старшины Давлитбая Масыева				
1. Чиниково	Масыгут Масыев	азанчей	59	1
2. « – «	Шамсыден Миньлюшев	указ. мулла	28	1 об.
3. Чатово	Ярмухамет Мукминов	указ. мулла	54	3 об.
4. Калтяево	Фейзулла Габдуллин	указ. мулла	36	5 об.
5. Карасево	Ямангул Юскеев	азанчей	49	7
6. Каин Туби	Ильяс Гусманов	азанчей	48	7 об.
7. Биксентеево	Негаметулла Масыгутов	азанчей	33	7а
8. « – «	Идрис Курмашев	указ. мулла	38	8
9. Султангулово	Мавлюкей Муртазымов	азанчей	59	8 об.
10. « – «	Бускун (Бустан) Мавлюкеев	азанчей	26	9
11. « – «	Калкаман Мавлюкеев	указ. писарь	19	9
12. « – «	Габдулзелиль Аксаров (Аскарар)	писарь	39	9
13. « – «	Губайдулла Гаяфаров (Ягафаров)	указ. мулла	53	9
27-я дивизия башкирского войска Оренбургской губернии Мензелинского уезда 11-го башкирского кантона Байлярской волости башкирского юртового старшины Мунасыпа Рахманкулова				
14. Нуркеево	Габдряшит Тоймасов	указ. азанчей	51	14
15. « – «	Исхак Байгузин	указ. мулла	35	14 об.
16. Шарли Аремы	Габдулнасыр Исхаков	указ. азанчей	28	16 об.

¹ Список составлен по сказкам VI ревизии за 1811 год (НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.104 а) (ред. сн.).

17.Курмашево	Мансур Суяндуков	указ. мулла	49	20
18.Азалаково	Амурхан Муртазин	указ. мулла	52	20 об.
19.Каташ Каран	Емангул Миннугулов	указ. мулла	22	21
20. « – «	Ишбулды Дюмиев	указ. азанчей	30	21
21. Старое Ахметево	Габдусалим Абдуллин	указ. мулла	30	22
22. Новое Ахметево	Негаметулла Рахманкулов	указ. мулла	42	22 об.
23. « – «	Биктимир Рахманкулов	указ. мулла	21	22 об.
24. Демитарлов	Габдулзяпар Искендеров	указ. мулла	31	23 об.
25. Сарманово	Исрафил Абдулин	указ. мулла	56	24
26. « – «	Фейзулла Ишкуватов	указ. азанчей	58	24
27. Муртыш Тамак	Гаскар Амиров	указ. мулла	47	28
28. « – «	Зюбеир Надыров	указ. азанчей	72	28
29. « – «	Габдулмян Ягаф- еров	указ. мулла	53	29
30. Карамалы	Хабибулла Хамитов	указ. мулла	28	29 об.
31. Рангазар	Зиганша Мадияров	указ. мулла	33	32 об.
32. Алметмуллино	Валиша Исаков	указ. мулла	27	33
33. « – «	Биккиня Сайтов	указ. мулла	60	34
<i>27-я дивизия башкирского войска Оренбургской губернии Мензелинского уезда 11-го кантона Гарейской волости башкирского юртового старшины Атнагула Темирова</i>				
34. Верхний Так- талычик	Негаметулла Атнагулов	указ. мулла	25	37
35. « – «	Тюхва Таиров	азанчей	54	40
36. « – «	Габдуллатив Гумеров	азанчей	54	40
37. Нижний Такталычик	Габбяз Яхъин	мулла	41	42
38. Старый Гарей	Гузаир Асянов	азанчей	49	43
39. « – «	Ахмер Гумеров	мулла	48	44
40. « – «	Аптекей Юзеев	мулла	71	44
41. Новый Гарей	Габдулмазит Сабитов	азанчей	47	44 об.
42. « – «	Кутлукадам Якшеметев	мулла	39	45
43. Новое Балтасево	Галикей Мусалимов	мударрис мулла	69	45
44. « – «	Габделмязит Галикеев	мулла	35	45
45. « – «	Миннибай Ахметев	азанчей	69	45 об.
46. Тоймурзино	Идрис Гайсин	мулла	49	46
47. « – «	Алпамша Юзеев	азанчей	45	46

48. Дияшево	Галикей Субакаев	азанчей	52	49 об.
49. « – «	Азылгузей Субакаев	мухтасип мударрис мулла	30	49 об.
50. Тилякеево	Кунгур Мурсалимов	мулла	57	50
51. « – «	Галикей Салихов	азанчей	47	50 об.
52. Мрясево	Шамгуля Кариев	мулла	33	52 об.
53. « – «	Иликай Муртазин	азанчей	43	53
54. Уразаево	Ислангул Атнашев	мулла	41	54
55. « – «	Сагындык Мямятев	азанчей	35	54 об.
56. « – «	Кутлугузя Мурадымов	мулла	27	55
57. Барсуково	Якшигул Юмагулов	мулла	30	57
Оренбургской губернии Мензелинского уезда 11-го башкирского кантона Гарейской волости башкирского умершего старшины Минлякея Мамытова				
58. Шарыпово	Негаметьнасыр Мак- сютов	указ. азан- чей	33	59
59. « – «	Музей Аптекеев	указ. мулла	33	59 об.
60. Азекулево	Суендук Суримов	указ. мулла	68	61
61. Куяново	Камай Абдулов	указ. азанчей	65	65 об.
62. « – «	Муртаза Абдулов	указ. мулла	62	65 об.
63. « – «	Габдрахим Абдулов	мухтасып	48	65 об.
64. « – «	Тойча Габитов	указ. азан- чей	39	66
65. Ирмяшево	Габдулмазит Адыев	указ. мулла	38	70
66. Актанышбаш	Хафиз Измаилов	указ. мулла	(1745-1810)	71
67. « – «	Идрес Искандеров	указ. азанчей	31	73 об.
68. « – «	Минлекай Манов	указ. азанчей	57	74
69. « – «	Аббус Минлекаев	указ. мулла и мударрис	31	74
70. « – «	Габдулнасыр Минлекаев	указ. азан- чей	29	74
71. Чугани Янзигитово	Гаделша Муртазин	указ. ахун	(1754-1799)	77 об.
72. « – «	Кидряс Муртазин	указ. ахун	51	77 об.
73. « – «	Мрат Муртазин	указ. азан- чей	47	77 об.
74. « – «	Негаметулла Гаделшин	указ. муктасып и учитель	21	77 об.
75. Илчибаево Янзигитово тюба	Надырша Суендуков	указ. муктасып и мударрис	31	79 об.

76. « – «	Махмут Мансуров	указ. мулла ²	20	81
77. « – «	Зюлхарней Гумеров	указ. азанчей	53	81
78. « – «	Ишбулда Уразаев	указ. мулла	(1857-1798)	83 об.
27-я дивизия башкирского войска Оренбургской губернии Мензелинского уезда 11-го башкирского кантона Байлярской волости команды башкирского старшины Смаила Амирова				
79.Верхний Табын	Тойгун Ишмуратов	указ. азанчей	36	84
80.« – «	Ермухаммет Бухаров	указ. азанчей	84	85
81. Саклов Баш	Габдулменнан Салихов	указ. азанчей	37	87 об
82. « – «	Гадрешит Габидуллин	указ. мулла	55	88
83. Сарсаз Такирмен	Рахманкул Сеиткулев	указ. азанчей	41	89 об.
84. Чюрашево	Габдулкарим Тямметев	указ. мулла	67	92 об.
85. « – «	Ягуда Ишалин	указ. азанчей	41	93
Вятской губернии Елабужского уезда 11-го башкирского кантона Байлярской волости команды башкирского старшины Смаила Амирова				
86. Безяки	Рахманкул Усманов	азанчей	(1727-1801)	96 об.
87. Той же деревни Безяков другой тюбы и аймака	Имангул Юсупов	указ. мулла	32	101 об.
88. Тураево	Ашраф Бигеев	мулла	1752 ³	105
Вятской губернии Сарапульского уезда 11-го башкирского кантона Янейской волости юртового башкирского старшины Ильяса Шарыпова				
89. Исанбаево	Аряфис Зулкарнаев	указ. мулла	44	111
90. Утяганово	Рахметулла Надырматов	указ. мулла	37	113 об.
91. « – «	Имангул	указ. азанчи	61	113 об.
92. Акузино	Семигул	указ. мулла	63	117 об.
93. Исюково	Габдулмазит	азанчей	41	118 об.
94. « – «	Едикей	указ. мулла	33	118 об.

² Перечислен на жительство во оную деревню Бирской округи из деревни Янзигитово.

³ Жительствуют за Камою рекою Оренбургской губернии Мензелинском уезде.

Оренбургской губернии Мензелинского уезда 11-го башкирского кантона Булярской волости башкирского старшины Нигаметуллы Ямангулова				
95. Атреклей	Ферляш Мухамматъямин	мулла	42	122
96. « – «	Ахмади Ямангулов	указ. мулла	36	122
97. « – «	Абдулвагап	указ. азан- чей	52	123 об.
98. Чуплык	Мухаметъяли Срымов	указ. мулла	36	127 об.
99. « – «	Габидулла Ишмухаметев	указ. азанчей	39	128
100. Сасыбурун	Ахмухамет Кармышев	указ. мулла	50	129
101. Мушуги	Кутлуй Ишмухаметев	указ. мулла	49	135
102. « – «	Хаким Ишметев	азанчей	(1762-1809)	135
103. « – «	Абдулкарим Даутов	указ. азанчей	34	135
104. Иманово	Хабибулла Айдагулов	указ. мулла	40	137
105. « – «	Минлигуль Мрадымов	указ. азанчей	48	137 об.
106. Качияново	Рахметулла Ракеев	указ. мулла	50	141 об.
107. « – «	Абдулвагап Минеев	указ. азанчей	36	141 об.
108. Усы	Габейдулла Ракаев	указ. мулла	41	142 об.
109. « – «	Муртаза Авезов	азанчей	(1748-1808)	143 об.
110. « – « Янейская волость	Исмагил Шарапов	указ. азанчей	41	144 об.
111. Тойкино	Хамит Тойкин	указ. мулла	63	148
27-я дивизия башкирского войска Оренбургской губернии Мензелинского уезда 11-го Иреклинского Саралиминской, Исланской волостей башкирского юртового старшины Фейзуллы Искендерова				
112. Иманово	Рахметулла Исламкулов	указ. азанчей	33	150 об.
113. Сулю Саклов	Мухаметкули Габдулзелилов	указ. мулла	39	152
114. Сарали Бикметево	Валиша Субханкулов	указ. мулла	35	152 об.
115. Митреево Иректинская во- лость	Габдулзелиль Заитов	указ. мулла	57	154 об.
116. « – «	Башир Юрметев	указ. азанчей	49	155
117. Меллитамак Шарифово	Фазыл Суюшев	указ. азанчей	46	156

118. « – «	Негаметулла Ресуров	указ. мулла	44	156 об.
27-я дивизия башкирского войска Оренбургской губернии Мензелинского уезда 11-го башкирского кантона Киргизовской волости юртового башкирского старшины Ямангузи Баикина				
119. Кадыкеево	Мухаметшариф Бакиров	указ. азан- чей	65	159
120. Ашиев	Акшигул Еркеев	указ. мулла	50	160
121. « – «	Адряшит Мигазов	указ. азанчей	43	160
122. « – «	Искендер Кинзагулов	указ. мулла	33	160 об.
123. Талнамас Киргизская волость	Гаит Ишмуратов	указ. мулла	30	162 об.
124. Алимово Кыпчакской волости	Кагарман Монасыпов	указ. азанчей	28	164
125. « – «	Рейган Кутлукадамов	указ. мулла	21	166
Оренбургской губернии Мензелинского уезда 11-го башкирского кантона Янейской волости башкирского юртового старшины Максюты Авязова				
126. Сафарово	Габдулхалик Абзя- лилов	указ. мулла	36	168 об.
127. « – «	Муса Кутлин	указ. азанчей	70	169
128. « – «	Габсатар Бикташев	азанчи	25	169
129. Улуиман	Исламгуль Суюшев	указ. мулла	51	176
130. « – «	Курбангали Абдря- шитов	азанчи	43	176 об
131. « – «	Абдуллатиф Суюшев	азанчи	35	176 об.
132. Якшеево	Идрис Исангидов	азанчи	69	182 об.
133. Байсарово	Тухватулла Суюнду- ков	мулла	55	187 об.
134. « – «	Абдрахман Заицанов	мулла	39	187 об.
135. « – «	Мурадым	азанчи	61	187 об.
136. Аккузово	Гайса Султанбеков	указ. мулла	75	196
137. « – «	Туиган Ахметов	азанчи	61	196 об.
138. Ахуново	Ибатулла Суюндуков	мулла	52	200 об.
Оренбургской губернии Мензелинского уезда 11-го башкирского кантона Янейской волости башкирского юртового старшины Максюты Авязова				
139. Шабизово	Галей Князев	мулла	45	202 об.
140. « – «	Имангул Юзикеев	азанчей	46	202 об.

141. Калмашево	Мратбакый Зайсанов ⁴	азанчей	34	205
142. Суксу	Сянзяп Муртазин	азанчей	47	207 об.
143. Чалмынарат	Атнагул Бакиров	азанчей	61	211 об.
144. Азиевеево	Утягул Исергапов	мулла	51	217
145. « – «	Габдулзялил Яркеев	азанчей	43	217
146. Ушарово	Кыйсамитдин Гумеров	мулла	46	220
147. « – «	Габдулмазит Акузин	мулла	30	220
148. « – «	Губайдулла Ишмаков	мулла	51	220 об.
149. « – «	Гумар Муксинов	азанчей	63	220 об.
150. « – «	Габит Гусманов	азанчей	34	221
151. « – «	Япей Мратов ⁵	мулла	41	224 об.
27-я дивизия башкирского войска Оренбургской губернии Мензелинского уезда 11-го башкирского кантона Янейской волости башкирского юртового старшины Негаметуллы Мратхузина				
152. Канмурзино	Мухаметъкарим Галикеев	указ. азанчей	22	234
153. Нижние Ургады	Кутлумухамед Ганберов	указ. мулла	51	239 об.
154. Новые Бугады	Габдунасыр Габдусалаямов	указ. мулла	46	239 об.
155. « – «	Хабибулла Гидаев	указ. азанчей	19	241
156. Старые Бугады	Абдулмазит Гайсакаев	азанчей	36	243
157. « – «	Адагай Абдулшарыпов	указ. мулла	54	243 об.
158. Кадырметево	Муса Габбасов	указ. муадзин	34	245 об.
Оренбургской губернии Мензелинского уезда 11-го башкирского кантона мещерякского старшины Танчина Шабаева				
159. Адаево	Мрахузя Шабаев	указ. азанчей	38	248
160. « – «	Вали Биктимиров	указ. писарь	41	254 об.
161. Карачи Илге Бирский уезд	Мухтар Мухаметшапов	указ. мулла	60	259
Оренбургской губернии Мензелинского уезда 11-го башкирского кантона Байлярской волости юртового старшины капитана Баязита Султанова из обер-офицерских и прочих чинах				
162. Мастеево	Абдулзелил Шарыпов	указ. азанчей	(1748-1807)	260 об.

⁴ Переведен в 1806 г. из деревни Суксов.⁵ Определен по указу в 1808 г. в деревню Кадырметево.

163. Кузякино	Рахманкулый Мансуров	указ. мулла	46	261
164. « – «	Абдрешит Султанов	указ. азанчей	71	261 об.
165. « – «	Габдулвагап Абдрешитов	указ. муктасып	23	261 об.
166. « – «	Ермухаммет Ишбулдин	указ. азанчей	33	261 об.
167. « – «	Абдулнасыр Аиткулов	указ. муктасып	38	262
168. Атясево	Алькей Булеков	указ. азанчей	51	265 об.
169. « – «	Абдулгаир Султанов	указ. мулла	39	267 об.
170. Саперово	Муса Кутлин	указ. азанчей	66	270 об.
171. Якшиево	Идрис Исангилдин	указ. азанчей	64	273
<i>Оренбургской губернии Мензелинского уезда 11-го бакирского кантона Булярской волости команды бакирского юртового старшины Абдулвахита Ибрагимова</i>				
172. Чюракаево	Ибрагим Кадыргулов	указ. муктасып	66	278
173. « – «	Идрис Чюракаев	указ. азанчей	64	278
174. Зиланово	Абдрахман Кутлукаев	указ. азанчей	48	279 об.
175. « – «	Габит Иштерьяков	указ. мулла	41	280
176. « – «	Иштиряк Бакиров	указ. азанчей	(1747-1808)	280 об.
177. Ахбесово	Бикей Гайсин	указ. азанчей	30	281
178. « – «	Мунасип Абдулхаиров	указ. учитель	27	281 об.
179. « – «	Абдулвахит Каскинов	указ. муктасып	26	282
180. Альметево	Габит Мустаев	указ. мулла	55	282
181. « – «	Яхия Юзеев	указ. азанчей	39	282
182. Амекеево	Ильяс Чюракаев	указ. мулла	67	283
183. « – «	Абдулмелик Чюракаев	указ. мулла	26	283
184. « – «	Хусеин Салимов	указ. азанчей	49	283 об.
185. Тлянчино	Азамат Кадырметев	азанчей	59	287
186. Кубяково	Габдюш Еркеев	указ. мулла	59	287 об.
187. « – «	Рахманкул Исламгулова	указ. азанчей	40	287 об.

188. Бекабызово	Абдулгали Ильясов	указ. мулла	38	288
189. Буляково	Мухамметгали Кызырбаков	указ. азанчей	40	289 об.
190. Уразметево	Абдулвагап Алакаев	указ. азанчей	53	291
191. « – «	Егафер Канзафаров	указ. мулла	61	291
192. Сеитово	Апсалям Юлдашев	указ. азанчей	60	293
193. Сикия	Кутлуй Умиров	указ. мулла	31	294 об.
194. « – «	Иксан Ишикеев	указ. азанчей	33	294 об.
195. « – «	Дюсюм Кусюков	указ. азанчей	91	295 об.
196. Байсарово	Габидулла Мустаев	указ. мукта-сып	34	298
197. « – «	Токфетулла Суюндуков	указ. мулла	48	298
198. « – «	Мрадым Мендеев	указ. азанчей	55	299
199. Аккузево	Гайса Султанбеков	указ. мулла	69	302
200. « – «	Тойгун Ахметев	азанчей	57	302
201. Ахуново	Кыдряс Сагындыков	азанчей	41	304
202. « – «	Ибетулла Суюндуков	указ. мулла	45	304 об.
203. Минляр	Губейдулла Шукаев	указ. мулла	45	305

НА РБ. Ф.И-138. Оп.2. Д.104 а.

Источники и литература

1. Национальный архив Республики Башкортостан (НА РБ). Ф.И-138. Оп.2. Д.104 а.

Revision lists of the taxable population of the 11th Bashkir canton or 1811 as a source of information about clerics and teachers

I.Z. Faizrakhmanov, Kh.Z. Bagautdinova
Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation

The purpose of this work is to publish and introduce into research circulation information about the clergy and teachers of the 11th Bashkir canton, extracted from the revision tales for 1811. During the period under study, the 11th Bashkir canton included the population of the Bashkir and Meshcheryak estates living on the territory of the Menzelinsk district of Orenburg province, Yelabuga and Sarapul districts of the Vyatka province. An analysis of the source makes it possible to determine the degree of completeness of the materials presented, to some extent reconstruct the process of the transition of local religious elites from the “free state” to the “official” Islam controlled by the

authorities in the context of strengthening state supervision over the local population by creating a cantonal system.

Keywords: decree mullah, azanchev, cantonal administration system, Menzelinsk district, revision lists, 1811.

For citation: Faizrakhmanov I.Z., Bagautdinova Kh.Z. Revision lists of the taxable population of the 11th Bashkir canton for 1811 as a source of information about clerics and teachers. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 2, pp.161–173. (In Russian)

Информация об авторах:

Файзрахманов Ильшат Завдатович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); e-mail: istorkazan@mail.ru

Багаутдинова Халида Зиннатовна – научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); e-mail: halida12_61@mail.ru

Faizrakhmanov Ilshat Zavdatovich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Bagautdinova Khalida Zinnatovna – Researcher of the Department of History of the Volga and Cis-Urals Regions, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

ПАМЯТЬ. ЮБИЛЯРЫ

УДК 908

В.И. Лебедев: основоположник школы крестьяноведения
Пензенского края

Т.Ю. Новинская

*Пензенский государственный технологический университет
Пенза, Российская Федерация*

В статье раскрывается научно-практическая деятельность Виталия Ивановича Лебедева – историка, краеведа, автора более 100 научных работ, основоположника школы крестьяноведения Пензенского края. В результате многолетних конкретно-социологических исследований им был собран материал о трудовой жизни, мировоззрении, образованности, досуге, взаимоотношениях сельских жителей Пензенской области.

Ключевые слова: советская деревня, конкретно-социологическое исследование, крестьяноведение, В.И. Лебедев.

Для цитирования: Новинская Т.Ю. В.И. Лебедев: основоположник школы крестьяноведения Пензенского края // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №2. С.174–180.

В 2022 г. исполнилось 90 лет со дня рождения «самородка земли Пензенской» Виталия Ивановича Лебедева (1932–1995). Он был членом Ученого совета Пензенского краеведческого музея (с 1956 г.), участвовал в работе Пензенского отделения Советского фонда культуры и Пензенского отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, являлся членом Совета Союза краеведов России, первым председателем Пензенского отделения Союза краеведов России (1990–1995), членом Бюро Средневолжского проблемного объединения по изучению аграрной истории (1984), членом Археографической комиссии АН СССР (с 1984 г.), председателем Поволжской секции научного совета АН СССР по исторической демографии и географии (1991–1995). Для многих он известен как историк-краевед, автор работ, посвященных истории создания и функционирования системы оборонительных линий – засечных черт. Итогом исследовательской деятельности стала книга о засечных линиях юго-восточной окраины Русского государства «Легенда или быль: по следам засечных сторожей» (Саратов, 1986). Его работы по истории средних веков и сегодня не потеряли своей актуальности и вдохновляют ученых на новые исследования.

Но есть и еще одно направление научной деятельности Виталия Ивановича, которое, на наш взгляд, заслуживает внимания историков. Это комплексное конкретно-социологическое обследование колхозов и совхозов рубежа 1950–1960-х гг., проводившееся под эгидой Академии наук СССР. В.И. Лебедев стал основоположником школы крестьяноведения Пензенского края.

В.И. Лебедев (1932–1995)

Рубеж 1950–1960-х гг. был связан, с одной стороны, с позитивными сдвигами в социальной сфере села: улучшалось материальное положение населения, росли общественные фонды потребления, к 1960 г. был закончен перевод рабочих и служащих на 7-часовой рабочий день, вводилась система пенсионного обеспечения колхозников. С другой стороны, в условиях снижения темпов развития и нарастания кризисных явлений в экономике, социальная политика не была последовательной. В рамках укрупнения колхозов в совхозы началось наступление на личные подсобные хозяйства – у колхозников урезали земельные участки, насильственно выкупали скот. К обозначенным проблемам прибавлялись социальные проблемы, показывающие разницу между городом и деревней. В первую очередь, в уровне образования, квалификации работников сельского хозяйства, условиях труда и быта.

Правительство основным условием подъема сельскохозяйственного производства считало развитие социалистического соревнования. Поэтому главные обсуждения сосредоточились на путях дальнейшего его развития. Для привлечения рабочей силы в аграрное производство необходимо было улучшить культурное обслуживание сельского населения и социальную инфраструктуру деревни. Перед социологами, экономистами, историками была поставлена задача провести комплексное конкретно-социологическое обследование села.

В связи с этим под руководством Академии наук СССР была сформирована группа ученых, которая занималась сбором «большой первичной информации», а на базе Московского университета возникла Социологическая лаборатория, которая изучала «сельскую социологию в совокупности всех проблем, включая проблему взаимоотношения рабочих, служащих и колхозников села, а также отдельных социальных прослоек внутри этих общественных групп» [1, с.210].

Для этой масштабной работы требовались ученые. Ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, доктор исторических наук, профессор Владимир Васильевич Кабанов вспоминал: «Начало 60-х

годов. Удивительное время. Лучшее, что было в исторической науке, а точнее – аграрной истории отечества – потянулось в Москву, в Институт истории Академии наук СССР. Приезжали прекрасные молодые, и не только молодые, люди с Поволжья, Дона, Северного Кавказа, Кубани, из Сибири, Белоруссии, Прибалтики, Закавказья. ... Именно эти люди затем способствовали возникновению в своих регионах сильных школ историков-аграрников» [2].

Поставленные задачи, однако, требовали от ученых умения разбираться не только в вопросах сельскохозяйственной экономики, но и в особенностях быта, нравов, культуры населения. Кроме того, они должны были обладать организаторскими способностями, чтобы возглавлять научные экспедиции. Таким неординарным ученым-исследователем истории сел Пензенской области был преподаватель Пензенского государственного педагогического института им. В.Г. Белинского Виталий Иванович Лебедев.

В начале 1960-х гг., когда Виталий Иванович начал работу по написанию кандидатской диссертации, ему пришлось кардинальным образом изменить тему. Изучение засечных черт пришлось временно отложить на второй план и по совету научного руководителя кандидата исторических наук, профессора Владимира Ивановича Писарева он решил заняться сбором материала по аграрной тематике 50–60-х гг. XX в., то есть современной историей. Темой кандидатской диссертации В.И. Лебедева стала «Движение за коммунистическое отношение к труду в совхозах. 1958–1965 гг.».

Уже имея опыт полевых исследований, молодой ученый расширил границы социологического исследования, рекомендованного Академией наук СССР. Это был авангардистский метод. Виталий Иванович разработал анкету, вопросы которой предполагали получение дополнительного материала. Как писал его украинский коллега А.Ф. Кулинов: «Изучая движение за коммунистическое отношение к труду в совхозах (1958–1965 гг.), В.И. Лебедев сумел на основе конкретно-социологических исследований, проведенных в Пензенской области, собрать эмпирический материал, который отсутствовал в статистических сводках и текущих архивах» [3, с.38]. Этот материал имел важное значение при анализе субъективного фактора в историческом процессе, то есть деятельности субъекта, в данном случае отдельных людей и групп. Такие фактические данные были получены путем интервьюирования и анкетирования, что дало возможность изучить психологические особенности и показать внутренний мир исследуемых, выявить новые фактические данные и на их основе сделать более глубокие выводы.

Так, Виталием Ивановичем в анкету были включены не только вопросы об «отношении соревнующихся к коллективу, учебе, общественной работе, рационализаторской и научно-технической деятельности, свободному времени и религии», а также вопросы выявления «мнения сельских

тружеников о трудностях и недостатках, мешающих подъему сельскохозяйственного производства, о путях дальнейшего развития социалистического соревнования» [4, с.4]. Одним словом, ученый поставил задачу – изучить все стороны повседневной жизни сельских жителей изнутри.

В течение 1962–1965 гг. в Пензенской области во время экспедиций, возглавляемых Виталием Ивановичем, было обследовано 40% совхозов и опрошено 1743 человека, что составило 70,7% от общего числа всех членов бригад и ударников коммунистического труда. Одним словом, Виталий Иванович предпринял масштабную попытку комплексного изучения повседневной жизни совхозного крестьянства. Как он сам писал в автореферате, «в целях наиболее полного показа закономерностей и особенностей этого движения (*за коммунистическое отношение к труду*)» автор на конкретном материале из жизни пензенской деревни проследил, как «каждый этап строительства социализма порождает свои формы соревнования», а также отметил, что «закономерность развития творческой активности» определялась как объективными, так и субъективными условиями [4, с.5].

Всех участников социалистического соревнования Виталий Иванович распределил по четырем признакам: возрасту, полу, виду деятельности и партийной принадлежности. Показал динамику за три года (с 1962 по 1964 г.), проанализировал причины изменений и сделал выводы рекомендационного плана.

Например, на основе анализа данных об участии в общественной работе автор показал, что наибольшую активность проявили ударники коммунистического труда. Анализируя ответы на вопрос «Что мешает участвовать в общественной работе?», он выяснил, что одна из главных причин – это отсутствие свободного времени. «Труженик деревни вынужден в значительной степени использовать свое свободное время не на отдых, накопление знаний и т.д., а на труд в домашнем хозяйстве», – писал В.И. Лебедев [5, с.257]. Так он сделал вывод о том, что «с улучшением бытовых и культурных условий трудящихся, будет постоянно увеличиваться свободное время... как и сейчас ударники коммунистического труда будут более целеустремленно и рационально использовать вне рабочее время» и окажут помощь общественным организациям в воспитании нового человека [4, с.18].

В статье «Новые формы трудовой активности сельских тружеников (1958–1970 гг.)» (1972) Виталий Иванович подчеркнул, что там, где советские органы ведут систематическую работу по улучшению жилищных и культурно-бытовых условий сельских тружеников, «успешнее решается проблема стабилизации рабочего коллектива, закрепления кадров, укрепления дисциплины труда...» [7, с.312].

Проанализировав данные анкетирования, Виталий Иванович отметил, что «особенно малым свободным временем располагали женщины». Причина этого была в том, что «бытовые условия жителей деревни еще во многом отстают от условий жителей города» [5, с.257]. Поэтому женщи-

нам приходилось много трудиться в своем личном хозяйстве. И если женщины старше 60-ти лет желали больше уделять времени своему хозяйству, то женщины моложе 30-ти хотели бы посвятить свое свободное время обучению.

К теме свободного времени сельских жителей ученый обращался во многих своих трудах, даже когда касался темы религии. Он считал, что отсутствие времени на чтение книг способствует замкнутости в себе – а это и есть одна из главных причин религиозности. Результаты исследования вопроса о религиозности населения Пензенской области за 1966–1968 гг. подробно изложены в статьях «Конкретные социологические исследования религиозности населения Пензенской области» (1970) и «Утверждение материалистического мировоззрения в среде крестьянства» (1981) [6, 8]. В первой из них автор, кроме числовых данных, показал внутреннее состояние религиозности. Подворные обследования, проведенные историко-филологическим факультетом Пензенского государственного педагогического института им. В.Г. Белинского в ряде сел с целью выявления отношения населения к иконам, показали, что мужское население «смотрит на икону как на украшение», многие из верующих женщин «не знают о «святых лицах», молодежь на вопрос: «Кому принадлежат иконы?» – обычно отвечает: «Бабушке, дедушке, родителям» [6, с.63].

Опираясь на материал анкетного опроса и интервьюирования, Виталий Иванович определил, как уровень сознательности и отношение к вере соотносятся с уровнем образования и как все три критерия оказывают прямое влияние на степень участия в «движении за коммунистическое отношение к труду». Он использовал ту же классификацию – сравнил количество верующих по возрасту, виду деятельности и участию в социалистическом соревновании. По его подсчетам, верующих оказалось больше всего среди домохозяек, а меньше всего – среди механизаторов. Именно механизаторы и другие специалисты сельскохозяйственного производства активно участвовали в общественной и научно-технической работе. «Изучение состава верующих показало, – писал Виталий Иванович, – что подавляющее их большинство (70%) – лица старше сорока лет, в основном это малограмотные женщины» [6, с.61].

Вызывают интерес его выводы о том, что включение верующих в коллективы, свободные от религиозных пережитков, способствует выработке у них атеистических взглядов. Люди «не замыкаются в себе, меньше испытывают влияние религиозных групп» [4, с.19]. Чем образованнее человек, тем менее он склонен к религии. «Это и понятно, – писал ученый, – постоянный поиск и сопоставление, осмысление причинно-следственных явлений и процессов, чтение научно-технических материалов неуклонно формируют человека» [4, с.19].

Изучение вопроса первостепенной значимости для Советского государства – о коммунистическом отношении к труду – посредством «многолетнего анкетного опроса» большого количества респондентов определяет

новаторство и актуальность работ В.И. Лебедева. Изучая труд, быт, культуру и потребности крестьян 1960-х гг., он действовал как историк-социолог и сумел собрать большой эмпирический материал по истории пензенских сел – о сельском образе жизни, мировосприятии трудящихся и моделях аграрного развития. Поэтому работы В.И. Лебедева, несмотря на свой «лакировочный характер», что характерно для всех работ советского периода, являются важным источником для современных специалистов по истории повседневности. Необходимо отметить, что эти исследования серьезно пополнили источниковедческую базу исторической науки. Они содержат материал по различным вопросам экономической, бытовой и культурной жизни общества.

На протяжении всей научной деятельности Виталия Ивановича сельская тематика оставалась одним из ее важных направлений. Результатом стали публикации в сборниках передовых издательств страны – «Наука», «Знание» – совместно со столпами крестьяноведения И.Е. Зелениным, И.М. Волковым и В.П. Даниловым, выступления на конференциях в городах Поволжья, в Москве, в Польше. Был сделан большой задел по написанию докторской диссертации, связанной с исследованием развития профсоюзного движения на селе.

Вместо вывода уместно будет вновь обратиться к словам В.В. Кабанова, которые являются признанием таланта В.И. Лебедева как ученого-историка: «В.И. Лебедев стал “первопроходцем” в плеяде талантливых историков-пензяков, которые пришли к нам в аспирантуру (он проходил стажировку).

Широта интересов, добросовестность и основательность исследовательской базы, невероятная трудоспособность (“пашет, как трактор”; затем такое выражение закрепилось за всеми пензяками, как марка надежной фирмы) и многое другое в свое время дали основание друзьям, знавшим его в Москве и других городах, прозвать Лебедева “самородком”» [2].

Источники и литература

1. *Арутюнян Ю.В.* Из истории социологических исследований села // Социальные исследования / под ред. Н.В. Новикова, Г.В. Осипова, З.А. Янковой. М.: Наука, 1968. С.197–218.
2. В.И. Лебедев – историк и турист. Туризм в Пензе: [Электронный ресурс] URL: <http://turizmvpenze.ru/istorik-i-turist-lebedev/> (дата обращения 20.02.2022).
3. *Кулинов А.Ф.* Применение конкретно-исторических исследований в исторической науке // Вопросы истории. №1. 1972: [Электронный ресурс] URL: <https://elibrary.com.ua/m/articles/view/> (дата обращения: 10.03.2022).
4. *Лебедев В.И.* Движение за коммунистическое отношение к труду в совхозах 1958–1965 гг.: (По материалам конкретно-социологического исследования в Пенз. обл.): Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1966. 20 с.
5. *Лебедев В.И.* Движение за коммунистическое отношение к труду в совхозах 1958–1965 гг.: (По материалам конкретно-социологического исследования в Пенз. обл.): Дисс. ... канд. ист. наук. М., 1966. 365 с.

6. *Лебедев В.И.* Конкретные социологические исследования религиозности населения Пензенской области // К обществу свободному от религии (Процесс секуляризации в условиях социалистического общества) / под ред. П.К. Курочкина и др. М.: «Мысль», 1970. С.47–64.

7. *Лебедев В.И.* Новые формы трудовой активности сельских тружеников (1958–1970 гг.) // Развитие сельского хозяйства СССР в послевоенные годы (1946–1970) / под ред. И.М. Волкова и др. М.: «Наука», 1972. С.307–330.

8. *Лебедев В.И.* Утверждение материалистического мировоззрения в среде крестьянства // Проблемы истории советского крестьянства: сб. ст. / под ред. М.П. Ким и др. М.: «Наука», 1981. С.296–301.

V.I. Lebedev: the founder of the school of peasant studies in the Penza region

T.Yu. Novinskaya

*Penza State Technological University
Penza, Russian Federation*

The article reveals the scientific and practical activities of Vitaly Ivanovich Lebedev – historian, local historian, author of more than 100 scientific papers, founder of the school of peasant studies in the Penza region. As a result of many years of concrete sociological research, he collected material on work, worldview, education, leisure, and the relationship of rural residents of the Penza region.

Keywords: soviet village, concrete sociological research, peasant studies, V.I. Lebedev.

For citation: Novinskaya T.Yu. V.I. Lebedev: the founder of the school of peasant studies in the Penza region. From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 2, pp.174–180. (In Russian)

Информация об авторе:

Новинская Таисия Юрьевна – кандидат исторических наук, доцент, Пензенский государственный технологический университет (Пенза, Российская Федерация); e-mail: golub_00@mail.ru

Novinskaya Taisiya Yurievna – Cand. Sci. (history), Associate Professor, Penza State Technological University (Penza, Russian Federation).

НОВЫЕ КНИГИ, РЕЦЕНЗИИ

УДК 94(470.5)+297

Рецензия на книгу:
Дневник татарского муллы Мухамметгарифа Рамеева =
Мөхәмәтгариф Рәмиев көндәлеге (Казань, 2022)

А.Х. Тухватулин
Казанский федеральный университет
Казань, Российская Федерация

«Дневник татарского муллы Мухамметгарифа Рамеева» содержит ценные сведения о развитии мусульманского образования в Стерлитамаке и в целом в Уфимской губернии, деятельности отдельных представителей татарской общины города, их участия в политической жизни Российской империи. В книге отражены исторические события, связанные с выборами в Государственную думу, проведением мусульманских съездов и организацией национального совета автономии Башкирии.

Ключевые слова: повседневность, Стерлитамакский уезд, новометодное обучение, Мухамметгариф Рамеев, мусульманские съезды, личный дневник.

Для цитирования: Тухватулин А.Х. Рецензия на книгу: Дневник татарского муллы Мухамметгарифа Рамеева = Мөхәмәтгариф Рәмиев көндәлеге (Казань, 2022) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №2. С.181–184.

Данный источник представляет собой дневниковые записи, которые освещают события, связанные с жизнью как самого религиозного деятеля, так и окружающего его мусульманского мира в период второй половины XIX – первой трети XX в. В труде зафиксированы внешние события, происходившие в годы жизни автора, а также факты, отражающие внутреннее состояние автора: идеи, душевные переживания, отношения с родственниками. Подобные дневники занимают особое место среди других исторических источников, так как являются памятниками «живой истории», созданными очевидцами событий.

Личный дневник дает возможность в наиболее простой и доступной форме запечатлеть изменяющуюся во времени действительность, окружающую его автора. Содержание личного дневника во многом определяется представлениями его создателя о смысле жизни, которые в свою очередь меняются с возрастом, образованием, профессиональными и общественными интересами, местом проживания, кругом общения и т.д. Материалы личного происхождения всегда привлекали внимание историков, так как были полезны прежде всего для написания биографических исследований и комментариев.

Публикуемый источник относится к татарским дневниковым записям. Во введении представлен анализ содержания рукописи. Основной текст источника написан арабской графикой, в настоящей публикации приводится перевод на русский язык. Составитель дает подробную характеристику дневника во введении, дополняет текст комментариями. Особое внимание уделено краткой истории татарской общины города Стерлитамака Уфимской губернии.

Текст дневника разделен по тематическому принципу, хотя автор старался придерживаться и хронологии.

Автор дневника, Мухамметгариф Рамеев, принадлежал к известной татарской династии Рамеевых, был сыном имама г. Стерлитамака. В самом начале труда приведены сведения о родословной Мухамметгарифа, его многочисленных родственных связях. На основе этих данных можно установить, что автор был представителем городской татарской элиты, занимал высокие духовные должности и имел значительные экономические ресурсы. Из подробных автобиографических сведений мы узнаем, что он получил достойное образование в городах Стерлитамаке, Казани и Троицке с целью ведения преподавательской деятельности. В образовательном процессе большие надежды возлагал на новометодное обучение, стремился к расширению контингента учащихся за счет приезжих, детей бедняков и девочек.

Достаточно полно в труде раскрыты вопросы исламского образования, представлены сведения о времени открытия, характере деятельности стерлитамакских медресе и мектебе, их поддержке со стороны татарских предпринимателей-меценатов. Сам автор прилагал значительные усилия для открытия новых образовательных учреждений и реставрации устаревших зданий. Также он очень ответственно относился к выполнению своих обязанностей: заботился о чистоте в учебных заведениях, о здоровье шакирдов, вел реестр учеников и учителей, стремился мирно разрешать внутренние конфликты. Большую роль автор отводил просветительской деятельности: занимался распространением тюркоязычной литературы и прессы, участвовал в работе первой татарской типографии Стерлитамака.

На формирование прогрессивных взглядов Мухамметгарифа повлияло знакомство с зарубежной прессой, тесное общение с виднейшими умами того времени. В записях автор стремился рассказать об учителях и коллегах, давал им характеристику и оценивал их деятельность.

Из публикуемого труда можно почерпнуть факты духовной жизни татарской общины: религиозные обряды, специфика сдачи экзаменов при назначении на духовную должность.

Автор положительно оценивает события Первой русской революции 1905–1907 гг. и ее последствия. Активизировалось мусульманское движение, сформулировавшее четкие задачи: развитие образования, восстановление школ и медресе, открытие благотворительных обществ. Сам автор оказался вовлеченным в активную общественно-политическую жизнь. Он неоднократно представлял интересы стерлитамакской татарской общины на мусульманских собраниях. Вместе с несколькими представителями ему удалось получить аудиенцию у председателя Совета министров С.Ю. Витте. Рамеев на страницах дневника неоднократно определяет свою работу как служение на-

ции. Достаточно широкие познания Рамеева помогли ему в социально-политической деятельности, он неоднократно выступал в качестве выборщика в избирательных процессах в Государственную думу 1-го, 2-го и 3-го созывов.

События Первой мировой войны Мухамметгариф описывает кратко, упомянув случай об ограблении солдатами торгового склада и магазина Гайфуллы Усманова. Сообщение о свержении царской власти и создании Временного правительства было встречено им с большой радостью и ликованием.

Отдельное внимание Мухамметгариф в 1917 г. уделяет вопросу реализации национально-культурной автономии. Получение автономного статуса, по мнению многих представителей исламской интеллигенции, способствовало сохранению религии, языка и обычаев. Параллельно требованиям предоставления автономии продвигалась идея уравнивания женщин в правах с мужчинами.

Актуальной темой, поднятой автором и широко востребованной в настоящее время, является создание Башкирской республики. Мухамметгариф негативно отзывался об отделенческой политике башкир от тюрко-татарских братьев, о красно-белых маневрах А.-З. Валиди, о создании отдельного муфтията в Башкортостане.

Последние записи дневника приходятся на начальный советский период. Успехи в образовательном процессе сменились упадками, давление со стороны властей привело к замиранию деятельности медресе. Несмотря на это, Мухамметгариф не опускает руки и продолжает выполнять обязанности имама. В заключении дневника автор сделал попытку систематизировать сведения о духовных деятелях мечетей города Стерлитамака. В 1920-е гг. мектебе и медресе были преобразованы в мусульманские единые трудовые школы I и II ступени. При этом количество обучающихся и преподавательский состав сократились. Этому способствовало то обстоятельство, что с 1923 г. преподавание теологических дисциплин было запрещено. Основные силы направлялись на содержание в должном порядке помещения мечети.

Стоит отметить, что данный дневник расширяет базу знаний о развитии исламских институтов города Стерлитамака, дополняет биографические сведения об известных представителях татарской общественности, демонстрирует модель поведения высокообразованного и активного религиозного деятеля.

Дневник завершается следующими словами: «После того, как была написана история мечетей и имамов, нужно было написать историю города Стерлитамака, пока нет времени, если буду жив и здоров, напишу и отправлю, иншалла. Имам Мухамметгариф, 1326 [1926 год]».

В качестве замечания, отметим, что авторам рецензируемой книги нужно было написать небольшой очерк по истории города Стерлитамака либо дать более развернутые комментарии в сносках, объясняющие те или иные события для неискушенного читателя.

Безусловно, публикация данного дневника вносит большой вклад в историческую науку. Хочется верить, что это заложит традицию для издания источников подобного рода в будущем.

Источники и литература

1. Дневник татарского муллы Мухамметгарифа Рамеева = Мөхәммәтгариф Рәмиев көндәлеге / сост. Р.Ф. Масагутов, пер. А.М. Гайнутдинов. Казань: Грумант, 2022. 180 с.

Book review:

Diary of Tatar mullah Mukhammetgarif Rameev =
Mökhämmätgarif Rämiyev köndäleге (Kazan, 2022)

A. Kh. Tukhvatulin
Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation

“The Diary of the Tatar Mullah Mukhammetgarif Rameev” contains valuable information about the development of Muslim education in Sterlitamak and in the Ufa province as a whole, the activities of separate representatives of the Tatar community of the city, and their participation in the political life of the Russian Empire. The book reflects the historical events associated with the elections to the State Duma, the holding of Muslim congresses and the organization of the national council of the autonomy of Bashkiria.

Keywords: everyday life, Sterlitamak uyezd, new-year education, Mukhammetgarif Rameev, Muslim congresses, personal diary.

For citation: Tukhvatulin A.Kh. Book review: Diary of Tatar mullah Mukhammetgarif Rameev = Mökhämmätgarif Rämiyev köndäleге (Kazan, 2022). From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 2, pp.181–184. (In Russian)

Информация об авторе:

Тухватулин Айрат Халитович – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторического и обществоведческого образования Высшей школы исторических наук и всемирного культурного наследия Института международных отношений, Казанский федеральный университет (Казань, Российская Федерация); e-mail: tayrat@mail.ru

Tukhvatulin Airat Khalitovich – Cand. Sci. (history), Associate Professor of the Department of Historical and Social Education of the Higher School of Historical Sciences and World Cultural Heritage of the Institute of International Relations, Kazan Federal University (Kazan, Russian Federation).

Рецензия на книгу:
Рэдут – Никитино: Люди. События. Факты (Оренбург, 2021)

Р.Р. Аминов

*Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация*

В настоящей рецензии анализируется книга, посвященная истории с. Никитино – поселения татар и ногайцев Оренбургского казачьего войска. Коллектив авторов – местные учителя, собравшие огромный пласт материала и сумевшие, обработав его, превратить в солидное издание с обширными иллюстрациями. Положительно оценивается подключение широкого круга воспоминаний местных жителей, прекрасно раскрывающих особенности социальной жизни никитинцев и позволяющих окунуться в атмосферу тех событий.

Ключевые слова: Никитино, татары-казаки, Оренбургское казачье войско, ногайцы, Саракташский район.

Для цитирования: Аминов Р.Р. Рецензия на книгу: Рэдут – Никитино: Люди. События. Факты (Оренбург, 2021) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №2. С.185–188.

С началом XX в. активизировалось краеведческое движение в среде татар Оренбуржья, что, в свою очередь, вылилось в издание различного рода книг. В частности, местным краеведом Р.Ф. Кушмухаметовым было выпущено 9 книг по истории родного села Чесноковка Переволоцкого района Оренбургской области.

Ногайцы-казаки Оренбургского казачьего войска (ОКВ) проживали изначально в четырех населенных пунктах: Воздвиженская крепость, Кондуровская слобода, Желтый и Никитинский редуты. На протяжении второй половины XVIII–XX вв. они именовались отрядами, станицами, поселками, деревнями. В конце XIX в. было образовано с. Шешма путем подселения казаков из Воздвиженской станицы.

До выхода в свет настоящего издания была лишь одна книга, посвященная истории ногайцев-казаков. Речь идет о труде С.Е. Понятова «Желтый Яр», вышедшем в свет в 1994 г. в г. Оренбурге объемом в 110 стр.

Рецензируемая книга состоит из шести частей, разбитых на тридцать три главы.

Основной текст книги предвосхищает Введение (стр.4–6), правда, заголовков присутствует только в Оглавлении книги. Авторы приводят краткие сведения о материалах, используемых ими при написании работы, выражают благодарность лицам, способствовавшим сбору материала и помощи при подготовке к печати данного труда.

В части I под названием «Я в глубь веков с волнением гляжу» (стр.7–84) в главе I «Страницы прошлого листая...» (стр.7–15) описывается история образования села Никитино. Отрадно, что авторы дают по ходу текста пояснение терминов и понятий («редут» (стр.8), «ногайцы» (стр.9)). Положительным моментом видится анализ местных тамг, кроме этого, приводится таблица тамг других тюркских народов, что позволяет определить общую тенденцию их очертания в среде других тюрков. Также в первой части книги читатель узнает об особенностях комплектования татарами и ногайцами Оренбургского казачьего войска, участия в военных кампаниях, социально-правового положения, хозяйственной жизни. Отметим, что в первой части работы публикуются и ревизские сказки никитинцев, переведенных в 9-й башкирский кантон Башкиро-Мещерякского войска. В этой связи хотелось бы видеть и данные по никитинцам, оставшимся на службе в составе ОКВ, что позволило бы в полной мере представить картину по проживавшим в то время в исследуемом населенном пункте, а также оказало бы неоценимую помощь при составлении родословных местным жителям. Презентуются и наиболее интересные документы из ф.И-295 (Оренбургское магометанское духовное собрание) Национального архива Республики Башкортостан. Особняком выглядят материалы о надмогильных плитах, приводятся перевод на русский язык и сами изображения. В хронологическом отношении в первой части работы анализируются сюжеты, охватывающие период до начала Великой Отечественной войны, уместно приведены материалы по административному делению с. Никитино в XX в.

Вторая часть книги «Долгий путь к победе» (стр.85–146) посвящена событиям ВОВ; приводится список всех никитинцев, участвовавших в войне, информация дополняется воспоминаниями. Авторами установлено, что из с. Никитино и хутора Урняк участвовало 204 человека.

Самой объемной частью книги является третья часть – «Наша малая Родина» (стр.147–309), отличающаяся разноплановым материалом. Так, первая глава «Топонимы села Никитино» (стр.147–153) позволяет ознакомиться с топонимами и изучить местные особенности историкам, этнографам и географам, изучающим территорию Оренбургской области. В этой же части книги повествуется о создании хутора Урняк в 1926 г., приводятся воспоминания жителей о данном хуторе по материалам районной газеты «Пульс дня». При создании главы III «На никитинской земле» (стр.164–186) сюжеты по истории мечети, на наш взгляд, следовало бы написать более подробно. Тем более, что материала по данной теме в избытке. Хотелось бы видеть общую картину ислама в среде оренбургских татар (обязанности, функции мулл). Более того, в работе не получили должного отражения метрические книги. Отсылки на метрические книги в первой части работы крайне незначительны и не раскрывают в полной мере богатейший материал, сосредоточенный в данном виде источника. К примеру, интересным представляются сведения о никахах – стоимость махра, средний возраст брачующихся, число полигамных и межнациональных браков, разводов, места происхождения женихов и невест, период брачевания и т.д. Кроме всего прочего, в третьей части описывается разви-

тие образования, медицины и торговли в селе, строительство железной дороги, детского сада.

Довольно подробно показано развитие колхоза в послевоенные годы, привлечен иллюстративный материал. Особо отметим главу VI «Пуховязание» (стр.253–270). Как известно, пуховязальное дело было широко развито в населенных пунктах, расположенных по берегам Урала и Сакмары. Из данной главы можно узнать информацию о лучших местных мастерицах и масштабах промысла в с. Никитино. Так, в 1927 г. пуховязальным промыслом занималось 265 дворов жителей с. Никитино. Далее авторы приводят сведения о функционировании дома культуры, библиотеки, народного театра «Туган тел», танцевальной группы «Жемчужинка». Заключительные главы посвящены развитию лесоводства в селе, а также охоте и рыболовству. На наш взгляд, самыми цельными частями книги являются первая и третья. Именно в них сосредоточен базовый фактологический материал.

В четвертой части работы «Они прославили село» (стр.310–410) акцент делается на факторе личности в истории села Никитино. Приводятся стихи поэта Губайдуллы Радуди, описывается не только его жизненный путь, но и путь другого известного местного поэта – Тухвата Ченакая. Основной текст посвящен биографиям ученых, медиков и других известных никитинцев, преуспевших в различных сферах жизни.

Пятая часть издания «Главное богатство» (стр.411–525) видится нами логичным продолжением четвертой, поэтому ставится под сомнение выделение ее в отдельную часть. Кроме этого, вызывает вопросы и ее название. Целесообразнее было бы назвать книгу «Судьбы никитинцев», где хотелось бы видеть отдельную главу «Династии никитинцев» с подробными родословными и иллюстративным материалом. Авторы же ограничились тем, что привели в работе родовое древо Ибрагимовых, Таналиных (стр.479), Шариповых (стр.510) и Тевкелевых (стр.524).

В заключительной шестой части данного труда «Проза и поэзия» (стр. 526–546) приведены всевозможные рассказы и стихи, принадлежащие перу никитинцев. В этой связи логично было обратить взор на сказки, загадки, песни, приметы, пословицы, бытовавшие в их среде.

Завершая разговор о структуре работы, необходимо отметить, что присутствие Введения подразумевает и наличие Заключения, которое в книге отсутствует. Сложно объяснить причину данного обстоятельства. Логичным видится в завершении работы список использованных источников и литературы. Учитывая большой объем настоящего издания (556 стр.), хотелось бы видеть в конце работы именную указатель, а также список сокращений.

Исходя из опыта наших исследований сел и деревень татар Оренбуржья, можем констатировать, что столь объемного и целостного труда по отдельному населенному пункту до сегодняшнего дня не существовало.

В целом, несмотря на отдельные недостатки и замечания с нашей стороны, работу с учетом небольших корректировок можно считать модельной при написании краеведческих трудов по истории татарских населенных пунктов не только Оренбуржья, но и других народов Российской Федерации. Книга

прекрасно иллюстрирована различного рода фотографиями, дополняющими основные факты, представленные авторами в их работе.

Хочется верить, что авторы учтут при дальнейшей работе замечания, составив шежере, а также подключив свежий пласт архивных источников, сумеют раскрыть историю села Никитино в еще более сочных красках и справиться с непростой задачей – оставить будущему поколению информативную, настольную книгу по истории своей малой Родины.

Источники и литература

1. *Понятов С.Е.* Желтый Яр. Оренбург: [б.и.], 1994. 104 с.
2. Рэдүт – Никитино: Люди. События. Факты / авторы-составители: А.Ш. Омарова, Г.М. Муртазина, С.Л. Шарипова, И.Х. Едиханова. Оренбург: ООО «Типография Южный Урал», 2021. 556 с.

Book review:

Rädut – Nikitino: People. Developments. Facts (Orenburg, 2021)

R.R. Aminov

*Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation*

This review analyzes a book dedicated to the history of Nikitino, the settlement of the Tatars and Nogais of the Orenburg Cossack army. The team of authors are local teachers who have collected a huge amount of material and managed, having processed it, to turn it into a solid publication with extensive illustrations. The inclusion of a wide range of memories of local residents, perfectly revealing the features of the social life of the Nikitin people and allowing you to plunge into the atmosphere of those events is positively assessed.

Keywords: Nikitino, Tatars-Cossacks, Orenburg Cossack army, Nogais, Saraktash district.

For citation: Aminov R.R. Book review: Rädut – Nikitino: People. Developments. Facts (Orenburg, 2021). From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 2, pp.185–188. (In Russian)

Информация об авторе:

Аминов Рустем Равилевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела истории Поволжья и Приуралья Института истории им. Ш.Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация); e-mail: rustem_270988@mail.ru

Aminov Rustem Ravilevich – Cand. Sci. (history), Senior Researcher of the Department of History of the Volga and Urals Regions, Marjani institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation).

Рецензия на книгу:
Мусульманские и православные миссионеры в Казахстане:
деятельность и результаты (XIX – начало XX веков):
сборник документов и материалов (Алматы, 2021)

П.С. Шаблей

*ГОУ ВО «Костанайский филиал
Челябинского государственного университета»
Костанай, Казахстан*

Рецензия посвящена сборнику документов и материалов, составленному авторским коллективом из Казахстана. В ней анализируются особенности опубликованных источников, делаются выводы о важности их использования в исследовательской и общественно-культурной деятельности. Обращает на себя внимание обстоятельство, что в изданной книге мы находим сведения, имеющие отношение не только к Казахской степи, но и в более широком плане освещаются события из религиозной и культурной жизни мусульман сопредельных регионов, в особенности Приуралья.

Ключевые слова: Православные и мусульманские миссионеры, сборник документов и материалов, Казахская степь, Приуралье, шейх Зайнулла Расулев.

Для цитирования: Шаблей П.С. Рецензия на книгу: Мусульманские и православные миссионеры в Казахстане: деятельность и результаты (XIX – начало XX веков): сборник документов и материалов (Алматы, 2021) // Из истории и культуры народов Среднего Поволжья. 2022. Т.12, №2. С.189–191.

Рецензируемая книга представляет собой сборник документов и материалов, составленный известными казахстанскими историками: З.Т. Садвокасовой, Б.Т. Жанаевым, М.Р. Сатеновой, Р.Е. Оразовым, С.К. Рустемовым. Хронологически она охватывает период XIX – начала XX в. Многие из источников, введенных в научный оборот впервые, связаны с особенностями распространения ислама и православия в разных регионах Казахской степи, включая и оседло-земледельческие районы. Большое внимание исследователи уделяют освещению повседневной жизни казахов, а также российской имперской политике по отношению к исламу и мусульманским духовным лицам. Примечательно, что в книге приводятся не только официальные мнения управленческой администрации по поводу религиозного вопроса в Казахской степи. Из этих же материалов мы узнаем много нового о религии и быте мусульманского населения. Кроме этого, использованные источники позволяют разобраться с причинами, побудившими некоторых казахов принять православие.

В структурном отношении книга состоит из трех больших разделов: деятельность православных миссионеров на территории Казахстана; распространение мусульманства, религиозных учений, укрепление ислама в Казахской

степи; религия и быт мусульманского населения. Всего опубликовано сто двенадцать документов. Многие из них снабжены приложениями, которые представляют собой сведения различного плана: от статистических данных до описания обычаев и традиций казахов, татар, сартов. Все это говорит о том, что русские чиновники во второй половине XIX – начале XX в. проявляли большой интерес к местной культуре. Они стремились воссоздать более полную картину происходящего, в том числе основанную на изучении аутентичных источников (казахских, татарских, чагатайских). Важным достоинством издания является наличие научно-справочного аппарата: комментарии, указатель имен, указатель географических названий.

Следует заметить, что этот труд будет представлять интерес не только для ученых, изучающих особенности распространения ислама и православия на территории Казахской степи. Ряд документов отображает специфику межрегиональных коммуникаций среди мусульман. Так, приводятся интересные сведения о влиянии суфийского шейха Зайнуллы Расулева из Троицка (Оренбургская губерния) на казахов. Кроме этого, публикуются источники о развитии новометодного (усул ал-джадид) образования в разных регионах Казахской степи.

Качественный и количественный состав использованных источников не вызывает сомнений. В предлагаемый вниманию читателей сборник вошли документы Центрального государственного архива Республики Казахстан, Национального архива Республики Башкортостан и Научного архива Русского географического общества (г. Санкт-Петербург). Одновременно с этим были включены работы некоторых дореволюционных авторов.

Наряду с несомненными достоинствами, книга содержит, на наш взгляд, некоторые упущения. Прежде всего, вызывает смущение само название – «Православные и мусульманские миссионеры в Казахстане». Если в отношении деятельности Русской православной церкви, поддержанной государством на правовом и институциональном уровнях, подобная формулировка не вызывает вопросов, то представители ислама (муллы, ишаны, дервиши и пр.) распространяли свои взгляды и учение, испытывая слабое влияния институтов (или полное его отсутствие), связанных с государством. В этом плане чиновники, писавшие о мусульманских миссионерах, занимались зачастую подменной понятий, так как не всегда были способны разобраться в особенностях местной религиозной культуры. Дискурс о поверхностно исламизированных казахах и угрозе татаризации, а также фанатически настроенных среднеазиатских ишанах приобретал скорее форму политического слогана, чем попытки подвергнуть действительность тщательному анализу. Здесь важно понимать, что сами казахи мулл, ишанов и дервишей, в отличие от русских православных священников, не воспринимали в качестве миссионеров. Именно поэтому данному сборнику документов и материалов не хватает источников иного рода: работ мусульманских авторов, описывающих происходящее в аутентичных понятиях.

Несмотря на имеющиеся недоработки, книга вносит важный вклад в развитие исторической науки. Она может быть полезна не только исследователям, но также студентам и всем тем, кто проявляет живой интерес к истории

православия и ислама на территории Российской империи в целом и в Казахской степи в частности.

Источники и литература

1. Мусульманские и православные миссионеры в Казахстане: деятельность и результаты (XIX – начало XX веков): сборник документов и материалов / сост.: З.Т. Садвокасова, Б.Т. Жанаев, М.Р. Сатенова, Р.Е. Оразов, С.К. Рустемов. Алматы: Литера-М, 2021. 528 с.

Book review:

**Muslim and Orthodox missionaries in Kazakhstan:
activities and results (19th – early 20th centuries):
collection of documents and materials (Almaty, 2021)**

P.S. Shabley

*Kostanay branch of Chelyabinsk State University
Kostanay, Kazakhstan*

The review is devoted to a collection of documents and materials compiled by a group of authors from Kazakhstan. It analyzes the features of published sources, draws conclusions about the importance of their use in research and socio-cultural activities. Attention is drawn to the fact that in the published book we find information related not only to the Kazakh steppe, but also more broadly covers events from the religious and cultural life of Muslims in neighboring regions, especially the Urals.

Keywords: Orthodox and Muslim missionaries, Collection of documents and materials, Kazakh Steppe, Urals, shaykh Zaynulla Rasulev.

For citation: Shabley P.S. Book review: Muslim and Orthodox missionaries in Kazakhstan: activities and results (19th – early 20th centuries): collection of documents and materials (Almaty, 2021). From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region. 2022, vol. 12, no. 2, pp.189–191. (In Russian)

Информация об авторе:

Шаблей Павел Сергеевич – кандидат исторических наук, доцент, ГОУ ВО «Костанайский филиал Челябинского государственного университета» (Костанай, Казахстан); e-mail: pavel-shablei@list.ru

Shabley Pavel Sergeevich – Cand. Sci. (history), Associate Professor of the Kostanay branch of Chelyabinsk State University (Kostanay, Kazakhstan).

Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Marjani Institute of History of the Tatarstan Academy of Sciences
is a holder of exclusive property rights of its own publications.
Any use of the material of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.),
in whole or in part, without permission of the rights holder is prohibited.

**Из истории и культуры народов Среднего Поволжья.
2022. Том 12, № 2**

**From History and Culture of Peoples of the Middle Volga Region.
2022, vol. 12, no. 2**

Компьютерная верстка – *Л.М. Зигангареева, А.Р. Тухватуллина*

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории им. Ш.Марджани АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 05.07.2022 г. Дата выхода в свет 06.09.2022 г.
Формат 70×100¹/₁₆ Усл. печ. л. 12,125. Тираж 100 экз.
Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии ООО «Фолиант»
г. Казань, ул. Профсоюзная, 17в
Тел.: (843) 212-52-25; e-mail: foliantkazan@mail.ru

К статье *Р.Ф. Масагутова, М.И. Роднова*

Семья Хабировых
и Утямышевых
(первая четверть XX в.).
Слева направо: Магруй
Мухаметзарифовна Хабирова
(урожденная Утямышева),
дочь София, дочь Рабига,
сын Муса, стоит Абдулкарим
Абдуллович Утямышев
(из фондов Стерлитамакского
историко-краеведческого
музея, г. Стерлитамак,
Республика Башкортостан)

Атаман Оренбургского казачьего
войска Александр Ильич Дутов
(фото из открытых источников)

К статье *Р.Р. Аминова*

Харбинь, Новогородняя ул. — Charbin, Nowogородnaja.

г. Харбин, ул. Новогородняя. Открытка
(первая треть XX в.)

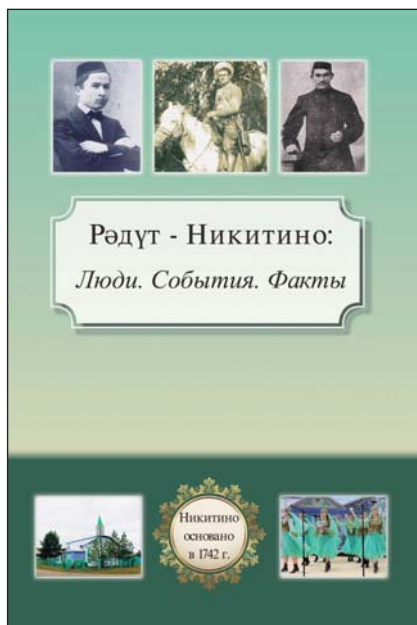
К статье *Р.Ф. Масагутова*

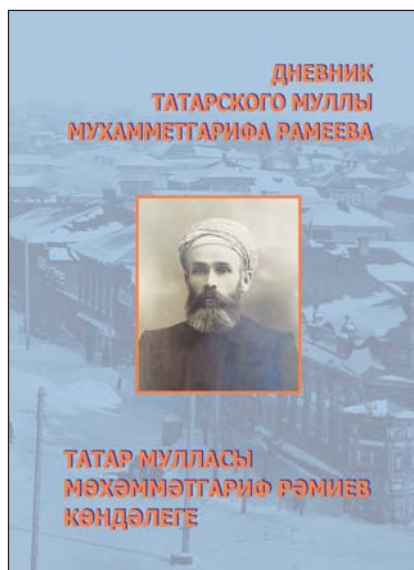
Здание медресе «Нур-аль-Иман». г. Стерлитамак, ул. Богдана Хмельницкого, 73

Мемориальный комплекс Р.Фахретдина в г. Уфа

Рэдүт – Никитино: Люди. События. Факты /
авторы-составители: А.Ш. Омарова,
Г.М. Муртазина, С.Л. Шарипова,
И.Х. Едиханова. Оренбург:
ООО «Типография Южный Урал»,
2021. 556 с.

Дневник татарского муллы
Мухамметгарифа Рамеева =
Мөхәммәттариф Рәмиев көндәләге /
сост. Р.Ф. Масагутов,
пер. А.М. Гайнутдинов.
Казань: Грумант, 2022. 180 с.